ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6

ИЮНЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1930

Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ, ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

9-й ГОД ИЗДАНИЯ.

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева.

Отв. редактор А. М. Деборин.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». В этой статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

Значение материалистической диалектики в особенности возрастает в условиях современной эпохи — эпохи умирающего капитализма, пролетарских революций и строящегося социализма. Глубокие противоречия современного буржуазного общества, необычайная сложность всех социальных явлений, быстрая смена событий, борьба нарождающихся социальных форм с умирающими могут быть осмыслены только с точки зрения диалектического материализма.

Происходящая у нас в условиях развивающегося социалистического строительства классовая борьба вызывает известное оживление как открыто враждебных марксизму-ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него. Самый доподлинный идеализм и ревизионизм, приспособляясь к условиям диктатуры пролетариата, подчас рядится в марксистские одежды. «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет непримиримую борьбу за ортодоксальный диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина — против различных механических, позитивистических, суб'ективистических и идеалистических течений и направлений.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психологии и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 1 руб. 50 коп., на 3 мес. — 4 руб. 25 коп., на 6 мес. — 8 руб., на 12 мес. — 15 руб.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ в главную контору издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), в местные отделения «Правды» и почт. конторы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮНЬ № 6 1930

СОДЕРЖАНИЕ.

Итоги и задачи на философском фронте.

А. Деборин.

(Доклад на об'единенном заседании фракций Института философии и ОВМД 20 апреля 1930 г.).

I.

Прежде всего должен устранить одно недоразумение. Ряд посторонних товарищей, которые здесь присутствуют, убеждены в том, что я сегодня буду чисто-теоретический доклад. Это недоразумение я должен устранить, потому что доклад мой носит скорее организационно-политико-теоретический характер, если можно так выразиться. Сама тема доклада: итоги, а затем задачи, новые задачи, которые стоят на философском фронте, эта тема уже определяет содержание доклада. Ясное дело, что доклад, таким образом, делится на две части: первая часть должна быть посвящена подведению некоторых итогов работы на философском фронте за прошлое время, вторая часть должна быть посвящена тем новым задачам, которые стоят ныне перед нами в связи с **новым этапом революции**. В виду того, что материал, который должен подлежать здесь обсуждению, очень большой, исчерпать его в течение полутора часов совершенно невозможно. Поэтому мне придется много упустить, обо многом совсем не говорить, выделить основное, и на этом основном остановиться.

Прежде всего, необходимо теперь подвести некоторые итоги прошлой деятельности на философском фронте в связи с различными этапами революции. Первый этап — эпоха военного коммунизма.

В эпоху военного коммунизма, непосредственно после Октябрьской революции, которая была совершена под знаменем диалектического материализма, получила значительное распространение богдановщина. Об'ясняется это целым рядом причин, о которых я сегодня здесь распространяться не буду. Специфические идеи Богданова о пролетарской культуре и коммунизме, о примате идеологии в строительстве коммунизма над «бытием», его учение об особой роли так наз. технической интеллигенции и пр., проникли тогда в широкие круги учащейся молодежи и оказывали влияние даже и на известные прослойки рабочих. Пролеткульты проводили практически идеи Богданова в жизнь.

С переходом к нэпу положение дел на философском фронте изменяется к лучшему. В 1920 году вышел вторым изданием «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, были переизданы работы Плеханова и других марксистов, боровшихся с махизмом и богдановщиной в до-революционное время. В силу этих обстоятельств и ряда других причин, непосредственно связанных со вторым этапом революции, влияние богдановщины начинает ослабевать. Однако на первых порах мы здесь сталкиваемся с новым «умонастроением», которое во многих отношениях повторяет богдановские установки. В период 1921— 1924 г. известным влиянием пользуется течение, которое заняло ликвидаторскую позицию по отношению к марксистской философии. Всем памятны выступления С. Минина с боевым лозунгом: «Философию за борт». Этот лозунг был подхвачен рядом других товарищей, которые выступили с совершенно неправильными, антимарксистскими взглядами на счет идеологии вообще. В этих выступлениях ликвидаторов диалектического материализма подвергались критике и взгляды Вл. Ильича на философию. На ряду с лозунгом «Философию за борт», был выброшен другой лозунг: «Наука сама себе философия».

В 1922 году при ближайшем содействии Вл. Ильича был организован боевой марксистский журнал «Под Знаменем Марксизма», который поставил себе целью на первых порах сплотить все материалистические силы, всех, кто стоит на почве диалектического материализма, для борьбы, с одной стороны, с богдановщиной, с другой — с теми нигилистическими и ликвидаторскими тенденциями, которые выразились так ярко в выступлениях С. Минина. Программа нашего журнала «Под Знаменем Марксизма» была сформулирована Лениным в знаменитой его статье «О значении воинствующего материализма». Программная статья Ленина наметила на длительный период наши задачи на философском фронте. Всем вам эта статья известна, и поэтому я ее излагать не буду. Но считаю необходимым подчеркнуть несколько основных мыслей этой статьи. Задача марксистской философии, по мнению Ленина, состоит прежде всего в непримиримой борьбе со всеми видами идеализма и поповщины, в пропаганде атеизма, в необходимости следить за успехами естествознания и освещать с точки зрения диалектического материализма выдвигаемые современным естествознанием проблемы. И, наконец, одной из важнейших задач, которая была поставлена Лениным на длительный период перед нами, является материали-

тическая разработка гегелевской диалектики, переработка ее в материалистическом смысле и как дальнейшая перспектива — разработка теории материалистической диалектики. Вот те основные линии, которые были намечены Лениным. Наша работа на философском фронте и шла в указанном Лениным направлении.

Ныне тов. Ярославский делает упрек журналу «Под Знаменем Марксизма», что он не выполнил одного из условий, поставленных Лениным, а именно — он не ведет атеистической пропаганды. Но я должен сказать, что т. Ярославский, как и ряд других товарищей, недостаточно хорошо знакомы с деятельностью журнала, Общества воинствующих материалистов и других наших организаций. С другой стороны, тов. Ярославский, повидимому, слишком узко определяет задачи атеистической пропаганды. На этом участке фронта нами сделано довольно много, — конечно, не в меру существующих потребностей, но в меру наших сил. Общество воинствующих материалистов при непосредственном участии работников «Под Знаменем Марксизма» издало специальную «Библиотеку атеизма», выпустив ряд атеистических памятников XVIII века. Институт Маркса и Энгельса издает «Библиотеку материализма», которая, смею думать, тоже находится в непосредственной связи с пропагандой атеизма, ибо, издавая «Систему природы» Гольбаха или сочинения Фейербаха, или сочинения Дидро и т. д., мы делаем одновременно и дело. «Система природы» Гольбаха не является, насколько я понимаю, религиозным катехизисом, это ведь одно из самых крупных атеистических произведений XVIII столетия. То же самое относится к сочинениям Фейербаха и сочинениям Дидро, — стало быть, в этом смысле мы на некоторой более широкой базе и на некотором более высоком уровне осуществляли задачу пропаганды материализма и атеизма. Я этим не хочу сказать, что мы сделали все, что следует сделать и что мы этим самым освобождаем журнал «Под Знаменем Марксизма» от обязанностей усилить свою работу в этой области.

С другой стороны, разрабатывая материалистическое мировоззрение, разрабатывая диалектический материализм на страницах «Под Знаменем Марксизма», мы тем самым естественно делаем и другое дело, т.-е. ведем атеистическую пропаганду. Мною изданы «Очерки по истории материализма», которые в значительной части посвящены атеизму. Мною издана книга о Фейербахе, которая печаталась отдельными статьями на страницах «Под Знаменем Марксизма». Вся эта книга целиком посвящена критике религии. То же самое относится и к работам других товарищей. Далее, ведя постоянную борьбу со всеми видами идеализма, мы ведем тем самым борьбу и против поповщины вообще.

Вместе с тем, еще в 1924 г. я уже выступал против так называемого религиозного социализма, подвергнув критике взгляды католического ученого Штейнбюхеля и показав родство идей современных лидеров социал-демократии с поповскими идеями католических и протестантских теологов. В особенности мне представлялось необходимым разоблачить поповскую концепцию Макса Адлера. Надо сказать, что мое публичное выступление против рели-

гиозного социализма встретило некоторое удивление со стороны тогдашних членов Общества воинствующих материалистов. Они не придали значения этим «новым явлениям». Но с тех пор религиозный социализм сделал значительные успехи. Мы имеем ныне широкое движение, разбившееся на целый ряд оттенков. И я считаю, что это религиозное движение, отравляющее сознание рабочих масс, чревато весьма серьезными и важными последствиями. Я тогда же попытался показать, что все оттенки религиозного социализма, начиная от католического и кончая социал-демократическим, образуют единую цепь, все звенья которой внутренне, идейно, логически связаны между собою.

Эта работа также носила одновременно и антирелигиозный, и общефилософский характер. Тоже самое относится и к работам других сотрудников журнала.

С другой стороны, мы выступали и против тех идеалистических течений, которые тогда зародились в западно-европейских коммунистических партиях. Я имею в виду прежде всего тов. Лукача, который выступил со своей известной книгой, имевшей целью направить марксистскую мысль в сторону идеализма Гегеля. С его идеалистической интерпретацией гегелевской диалектики, как и с его критикой Энгельса, мы, разумеется, не могли согласиться и поэтому считали необходимым сосредоточить огонь на Лукаче и его единомышленниках (Корш и др.).

Мы вели борьбу со всевозможными видами идеализма, и в особенности с теми течениями, которые угрожали марксизму непосредственно. Мы первые выступили против книги де-Мана, бывшего до войны левым соц.-демократом и ставшего потом социал-патриотом.

Не осталась без внимания со стороны наших товарищей и эмигрантская философия, которая получила соответствующую отповедь на страницах «Под Знаменем Марксизма» и других наших журналов. Фрейдизм, которым особенно увлекались многие марксисты, был подвергнут жестокой критике и разоблачен, как реакционное течение. То же самое относится и к концепции Шпенглера. Словом, все идеалистические и враждебные марксизму течения получили со стороны философов резкий отпор.

Созданное в 1922 г. Общество воинствующих материалистов поставило перед собою задачу сплочения всех материалистических сил для борьбы с идеализмом и поповщиной. Оно выполнило довольно значительную работу. Я уже указывал, что на этом этапе основной задачей была борьба не столько за диалектический материализм, сколько за диалектический материализм. Однако, при переходе к новому этапу революции,—в высшей степени интересно и важно историко-материалистическое об'яснение различных уклонов, течений и т. д.—при переходе к новому этапу, примерно, в 1925 году, когда наметился уже новый качественный сдвиг революции, разразился кризис в едином лагере воинствующих материалистов. Я имею в виду раскол между механистами и диалектиками, который отнял у нас, как вам известно, так много времени.

Те качественные сдвиги, которые произошли в ходе революции, ставили перед нами задачу осмыслить новый этап революции, переход от вос-

[восста]новительного к реконструктивному периоду. В свя[зи] с этим встала во весь рост проблема соотношения между естествознанием [и ма]рксистской философией, диалектическим материализмом.

Мы были поставлены практически перед задачей овладения естество[знан]ием. Эта проблема выдвинулась на первый план. С другой стороны, [выдви]нулась необходимость осмыслить новый этап революции в целом. Механи[сты] не поняли ни того, ни другого и выражали, конечно, реакционные, [объе]ктивно-реакционные тенденции, отражая настроения определенных мел[кобу]ржуазных групп, которые тянули назад и которые не могли понять нового [эта]па, нового этапа революции.

В центре наших споров с механистами в отвлеченной, общетеорети[чес]кой форме стояли проблемы новообразований, проблемы каче[ства], возникновения новых форм материй, перехода одних форм в другие. [Эт]о в отвлеченной форме отразились практические проблемы перехода от [одн]ого этапа революции к качественно новым формам, как проблемы зако[номе]рностей и их смены вообще. Естествознание приобрело огромное прак[тич]еское значение для нас, так как пролетариат в качестве господствую[щег]о класса должен стремиться овладеть теми научными дисциплинами, [кот]орые должны стать на службу революции. Овладеть ими, однако, значит [так]же и переработать их на основе материалистического мировоззрения [ма]териалистической диалектики.

Мы считали, что марксизм должен овладеть в первую очередь есте[ство]знанием, которое в этом отношении отстало от общественных наук [Мы] считали, что естествознание, как, впрочем, и все научные дисциплины, [долж]ны подвергнуться переработке с точки зрения нашего метода, [наш]его мировоззрения. И вот тут-то механисты и оказались банкротами, [пос]кольку они оказались в плену у буржуазных идеологов и поскольку они [практ]ически капитулировали перед буржуазным мировоззрением, перед бур[жуа]зным методом мышления и всячески противились тому, что было поста[влен]о в качестве задачи перед нами Лениным в его статье «О значении воин[ству]ющего материализма».

Механисты не только оказались банкротами в смысле полной капиту[ляци]и перед мелкобуржуазными течениями, перед сложившейся традицией [в о]бласти науки вообще и естествознания в частности, они пошли дальше, [рас]пространив механистическое мировоззрение, механистический метод и на [обще]ственные науки. Стремления механистов сводились к перенесению меха[нис]тических моделей, если так можно выразиться, на общество. Одновре[менн]о мы столкнулись с попытками соединения марксизма с фрей[ди]змом и с другими явно идеалистическими течениями.

Таким образом сложилась эта механистическая группировка. Если [прове]сти преемственную линию от первого этапа богдановского механициз[ма, ...]енчменизма и др. через второй этап — ликвидаторский в отношении [фил]ософии марксизма, то на третьем этапе мы имеем некоторый «синтез». [Механ]исты, с одной стороны, заимствовали у Богданова его механическую [конц]епцию, с ликвидаторами же их об'единяет лозунг «Наука сама себе

философия», т.-е. позитивистская концепция, которая разделялась, конечно, и Богдановым. На «синтезе» двух основных предшествующих течений об'единились все недовольные как на первом, так и на втором этапе, составляя единый блок. Я не буду сейчас подвергать критике взгляды механистов, это не входит в мою задачу, но насколько правильна была наша общая установка, насколько правильной была наша генеральная линия»—это ныне до такой степени всем понятно, что об этом говорить не приходится.

Нас обвиняли в свое время чуть ли не в мракобесии за критику и враждебное отношение к фрейдизму. Нам говорили, учение Фрейда открывает новые горизонты, а вы воюете с ним. Мы отвечали: не все, что ново, хорошо для нас. Это новое вредно для марксизма, и поэтому мы должны вести беспощадную борьбу с фрейдизмом.

К сожалению, хотя фрейдизм был «ликвидирован» что называется на корню непосредственно после того, как т. Варьяш выступил со своим известным предисловием к «Истории философии», где он пытался исторический материализм Маркса подменить учением Фрейда, мы не можем сказать, что в среде марксистов нет тайных, так сказать, поклонников Фрейда. Фрейдизм еще недостаточно изжит. А насколько мы были правы в нашей критике показывают последние работы Фрейда. Я их излагать не буду, но я позволю себе привести только несколько цитат, довольно любопытных для характеристики современного момента в международном масштабе. Вы увидите, как Фрейд относится к нашей социалистической революции, как он смотрит на коммунистические «эксперименты», как он выражается. Я приведу только одну — две цитаты из книжки, изданной Госиздатом в 1930 г.:

«Невозможно, — говорит он, — отказаться ни от метода принуждения к культурной работе, ни от принципа господства меньшинства над массой, так как масса ленива и инертна, не любит отказываться от влечений и не поддается убеждениям в том, что такой отказ неизбежен; тогда как каждый в отдельности думает, что разнузданность вполне допустимая вещь. Только влияние исключительных личностей, которых масса признала своими вождями, может заставить обратиться к той полезной работе и к тем жертвам, от которых зависит сущность культуры» (З. Фрейд, «Будущность одной иллюзии», 1930 г., стр. 10).

У всех людей, по его убеждению, живы первобытные разрушительные, антисоциальные и антикультурные тенденции. Большинство людей никогда не будет производить требуемого количества работы без принуждения и насилия. Угнетенные классы не способны к творческой, культурной работе; они обуреваемы первобытными, доисторическими разрушительными страстями. Они, стало быть, вообще враждебны культуре. Массы способны лишь на бунт, на бессмысленные мятежи. В своей новой работе «D. Unbehagen der Kultur» он пишет следующее: «я не имею возможности, так как не компетентен, дать экономическую критику коммунизма, но я компетентен дать психологическую критику коммунизма». Исходя из присущих человеку вечных неизменных влечений, Фрид считает, что коммунизм невозможен никогда и ни при каких условиях.

Борьба с механистами, которая отняла у нас много времени, конечно, отвлекла нас от других насущных задач. Так как кадры наши чрезвычайно ограничены, так как, с другой стороны, все силы пришлось бросить на механистический фронт, чтобы его разбить, то естественно, что некоторые другие участки работы за это время пострадали. Мы великолепно знаем, что после того, как политически и экономически господствующие классы — помещики и капиталисты—были свергнуты, контрреволюционная идеология этих классов продолжала еще в той или иной форме существовать. Естественно, что мы еще и в настоящее время, — и в настоящее время может быть еще несколько более интенсивно, в связи с обострением классовой борьбы на новом этапе революции, — имеем выступление идеалистов на разных участках, не только на чисто-философском участке, где этим господам выступать гораздо труднее, но, главным образом, в так называемых конкретных науках. Здесь мы имеем повсюду, начиная от математики и кончая общественными дисциплинами, идеалистические течения, даже, я бы сказал, мистические течения, потому что достаточно взять некоторые работы математического характера, чтобы убедиться в том, что там трактуются такие проблемы, как проблема бога. То же самое, конечно, мы имеем и во всех других областях. В области биологии мы имеем сильное виталистическое течение, с которым тоже необходимо вести борьбу. Одним словом, ясно, что на этом участке фронта предстоит еще огромная работа.

Но надо сказать, с другой стороны, что борьба с механистами в значительной степени была также и борьбой с идеализмом, потому что, борясь с механистами, мы одновременно боролись также с витализмом в области биологии, с идеалистическими течениями в области физики, ибо здесь, на основе кризиса современного естествознания, того кризиса, который механисты не могли осмыслить и который, как мне кажется, именно мы, с точки зрения диалектического материализма, осмыслили, вырастают идеалистические и мистические концепции. Успешно бороться с этими концепциями можно лишь в том случае, если материалистически и диалектически об'яснить возникающие трудности и указать пути их преодоления. Недостаточно вопить о махизме физиков, как это делает тов. Тимирязев, а надо самим работать и преодолевать научно тупики, в которые часто выходит научная мысль.

Среди механистов имеются явные идеалисты, с которыми нам еще придется долго воевать. Ведь для всех вас ясно, что в воззрениях т. Сарабьянова несомненно очень много от суб'ективного идеализма; всякий, кто прочитал его последнюю книжку, в этом лишний раз убедится. Борьба против аксельродовского кантианства в этике есть также борьба с идеализмом. Таким образом, борьба с идеализмом велась и ведется нами, но в несколько иных условиях.

Победа, которая была одержана диалектиками над механистами, сыграла огромную роль, имела огромное значение, которое может быть еще не поддается сейчас учету. Значение ее состоит в том, что диалектический материализм действительно проник в широкие круги, что он ворвался повсюду, во все конкретные дисциплины. Прежде всего надо отметить, что он проник

туда, куда раньше марксизм не имел доступа, т.-е. в естественно-научные дисциплины. В связи с этим авторитет марксизма необычайно вырос; в настоящее время можно сказать: нет ни одного солидного с'езд специалистов, на который не приглашались бы представители диалектического материализма с соответствующими докладами, в которых была бы дана правильная методологическая установка.

Возвращаясь к деятельности Общества воинствующих материалистов, необходимо напомнить, что членами его раньше состояли и механисты. Туда входили и Степанов, и Тимирязев, и Аксельрод, и др. Но когда мы столкнулись на новом этапе революции с новыми задачами, когда мы вынуждены были осмыслить новый этап революции и дать ответ на новые проблемы в области конкретных наук, в едином латере материалистов произошел раскол. Этот новый этап в развитии у нас философской мысли характеризуется тем, что в центре внимания встали проблемы диалектики. Мы выработали тогда соответствующую платформу, в которой говорилось о роли и значении материалистической диалектики, но эта платформа, которая ныне может показаться совершенно невинной, не была принята частью членов Общества воинствующих материалистов. Мало того, когда мы предложили заменить название Общества воинствующих материалистов названием Общества воинствующих материалистов-диалектиков, то это встретило оппозицию, встретило сопротивление. И тогда мы вынуждены были, — и пусть это нам ныне поставят в упрек, — мы вынуждены были расколоть Общество воинствующих материалистов, разбить его, т.-е. отмежеваться от механистов и создать новое Общество. Мы это и сделали. И что же, мы потеряли от этого? Нет, мы не потеряли, а мы выиграли в тысячу раз больше, чем если бы мы сохранили старое Общество.

С места: Потеряли Варьяша.

Деборин. Он никогда не состоял членом Общества воинствующих материалистов. Мы раскололись. Правда, нас вначале была небольшая группа, но тогда к нам пришла на помощь молодежь, по преимуществу из Института Красной Профессуры, которая основала, тоже при нашем участии, «Общество материалистических друзей гегелевской диалектики». Эти два крыла, эти два течения слились воедино, создав Общество воинствующих материалистов-диалектиков, которое за это время, надо сказать, проделало огромную работу. Тогдашнее первое Общество воинствующих материалистов было, собственно, московской организацией, а нынешнее Общество воинствующих материалистов имеет почти во всех крупнейших центрах областные отделения; существуют республиканские общества, как украинское, белорусское, закавказское, имеются отделения во многих крупных городах, группы содействия и проч. У меня нет сейчас цифровых данных, чтобы охарактеризовать об'ем, охват Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Но надо сказать, что Общество разрослось в огромную организацию, и главное, что нужно подчеркнуть—это то, что оно пошло в массы, понесло в самые широкие массы идеи диалектического материализма, создавая и вызывая тем самым большое движение. Мы уже теперь

жен некоторые кружки на заводах и фабриках. Общество воинствующих материалистов не есть научно-исследовательская организация, а боевая организация, которая ставит себе целью борьбу за чистоту диалектического материализма и даже шире — марксизма в целом, и призвана откликаться на все актуальные вопросы. Естественно, что Общество воинствующих материалистов проделало огромную работу в связи прежде всего с критикой теоретических основ правого уклона. Надо сказать, что как раз механистическое мировоззрение и послужило основанием, теоретическим философским основанием для правого уклона. Естественно, что борьба против правого уклона явилась для нас продолжением борьбы с механистами. Теперь для всех ясно, как они смыкаются. Мы всегда рассматривали механистическое течение, — и это отражение наших взглядов можете найти в наших публичных выступлениях, — как теоретическое выражение назревающего в партии правого уклона.

Основная задача, которая была поставлена перед нами Лениным — это разработка теории материалистической диалектики. Нужно сказать, что и в этой области мы кое-что сделали. Созданы, во всяком случае, уже известные предпосылки для дальнейшего движения вперед. Теперь, благодаря появлению ленинских работ, а также «Диалектики природы» Энгельса и новых работ Маркса, основные контуры теории материалистической диалектики вырисовываются все более и более явственно, все более и более определенно. Теория материалистической диалектики должна разрабатываться всем философским коллективом, ибо она предполагает использование всех достижений науки и опыта нашей революции. Ленин писал, что теория диалектики должна сложиться из всех областей знания, а конкретно перечислил следующее: историю философии, историю отдельных наук, умственного развития ребенка, умственного развития животных, историю развития языка, психологии, физиологии органов чувств и т. п. Если мы к этому прибавим, что для теории диалектики необходимо учесть всю практику классовой борьбы и все достижения социалистического строительства в нашей стране, то вы поймете, какая грандиозная задача стоит перед нами. Но это — задача на длительный исторический период. Как ни трудна и сложна эта работа, надо сказать, что мы все-таки на этом участке подвинулись вперед. Это может быть выполнено только постоянной работой коллектива и в течение, конечно, длительного периода. Но, во всяком случае, основы заложены.

Теперь в порядке самокритики я остановлюсь на тех недостатках, — впрочем, отдельные недостатки я уже указывал, — на тех недостатках и ошибках, которые были нами сделаны. Прежде всего не ошибкой, конечно, а недостатком я считаю то, что мы недостаточно энергично вели атеистическую работу, работу по атеистической пропаганде, по разработке теории в этой области. Недостатком в нашей работе является также то, что мы, будучи отвлечены на основной фронт, уделили за последнее время несколько меньше внимания борьбе с идеализмом. Эту работу надо усилить, в особенности в настоящее время, когда в силу обострения классовой борьбы, в связи с новым этапом революции, мы имеем оживление на этом фронте.

Во многих учреждениях сидят старые реакционеры, в особенности под крылышком краеведческих организаций, где развивают идеалистические и религиозные взгляды. Мне пришлось, делая доклад на областной конференции ОВМД в Ив.-Вознесенске, ознакомиться с целым рядом в высшей степени любопытных в этом отношении явлений. Вскрывать все это важно, необходимо, и в этом отношении мы на прошлом этапе делали это недостаточно.

Дальше, мы недостаточно активное участие принимали в литературоведческой и в политэкономической дискуссии. Мы никогда не могли считать и не считали, скажем, Переверзева, диалектическим материалистом. Мы его считали «экономическим материалистом» типа 90-х годов. И естественно, что у него вся сумма ошибок вытекала из этой основной его установки. Экономический материалист иначе не мог рассматривать литературные явления, как это делает Переверзев.

То же самое по отношению к дискуссии в политэкономии. И в этой дискуссии я считаю, что наша теоретическая позиция, которую мы занимали, была правильной, ибо выступление тов. Карева в ИКП, когда он выступил против механистов, с одной стороны, и против Рубина, с другой стороны, это выступление не было его единоличным. Он выступал от имени нашего коллектива. Тем не менее, мы не можем сказать, что мы принимали достаточно активное участие в этой области. Нет, не принимали и не могли принимать, потому что наш актив чересчур узок.

С другой стороны, нас упрекают, в особенности журнал «Под Знаменем Марксизма», в том, что он печатал статьи Рубина и его единомышленников без примечаний, не отгораживаясь, не отмежевываясь от Рубина и его единомышленников. Это верно, хотя надо сказать, что, во-первых, не все статьи Рубина печатались без примечаний; с другой стороны, помещая статью Рубина по вопросам о предмете политэкономии, мы предпослали ей статью, в которой указывалось на ошибки Рубина, на неправильную его позицию.

Тем не менее, то обстоятельство, что мы недостаточно активно реагировали на дискуссию в политэкономии и печатали в «Под Знаменем Марксизма» некоторые статьи как Рубина, так и его единомышленников без примечаний, давало повод думать, что редакция «Под Знаменем Марксизма» солидаризировалась с той точкой зрения, которая отстаивалась Рубиным и его единомышленниками. Мы всегда отмежевывались от неправильного понимания соотношения исторического и логического, от формалистических и идеалистических установок Рубина и его единомышленников. Мы это делали, но, тем не менее упрек, который сделала нам редакция «Большевика», мы должны считать правильным.

Я мог бы говорить о своих личных выступлениях и по вопросу о Переверзеве и по вопросу о политэкономии, но это не имеет существенного значения. Дальше говорят, и это верно, теоретическая дискуссия по политэкономии страдала тем основным недостатком, что она в сущности топталась на одном месте и не выходила действительно за узкие пределы двух—трех, хотя и важных, проблем, не поднималась в высшие этажи в области

политэкономии и не связывала теоретической работы с практическими задачами социалистического строительства; это совершенно правильно. Я должен напомнить, что я за 4 года до конца этой дискуссии, в двух специальных докладах, которые напечатаны, подчеркивал с особой силой необходимость изучения закономерностей переходного периода. В эту точку я бил. Я делал специальный доклад в этом зале на об'единенном торжественном заседании РАНИОН'а и Комакадемии в связи с десятилетием Октябрьской революции и развивал мысль о необходимости перенесения центра тяжести интереса в сторону переходного периода, что не встретило, повидимому, сочувствия. Я говорил, что основной задачей, практической задачей для нас является изучение закономерностей переходного периода, изучение новых форм хозяйства, новых производственных отношений, которые складываются в ходе нашей революции и пр. и пр. Но все это не встретило отклика.

Особенно сильно наше отставание в области истмата. Но об этом мы говорили и на Второй конференции марксистско-ленинских учреждений и говорил: имейте в виду — здесь прорыв фронта, мы почти ничего в этой области не делаем, а то, что делается,—недостаточно, слабо. У нас нет хороших учебников по истмату, имеются неправильные установки, и потому на этом участке фронта необходимо начать серьезную работу.

Другим крупнейшим недостатком в нашей работе является то, что нами совершенно недостаточно велась борьба против теоретических, методологических основ троцкизма. Таковы беглые итоги нашего прошлого, сейчас я перехожу ко второй части доклада.

II.

Товарищи, мы стоим перед необходимостью перелома, серьезного поворота в области теоретической мысли вообще и в области философии в частности. Чем диктуется необходимость этого поворота? Она диктуется прежде всего, как я уже говорил, новым этапом революции. В условиях ожесточенной классовой борьбы рабочий класс, под руководством партии, приступил к решению основной задачи социалистической революции, к выкорчевыванию корней капитализма и созданию прочного фундамента социализма. Этот новый этап революции связан с тем коренным сдвигом, который происходит в области сельского хозяйства, где основные середняцкие массы крестьянства повернули в сторону социализма. Естественно, что новый этап революции у нас вызвал страшное бешенство всего старого мира и обострил классовую борьбу в международном масштабе; эта классовая борьба усугубляется и кризисом капитализма вообще. И вот создалась новая обстановка. Чрезвычайно характерным, может быть символическим, является, как бы это сказать, выступление Рима против Москвы. Москва и Рим! Это — два символа действительно интернационального значения, интернационального порядка. За Москву стоит весь международный пролетариат, а за Рим стоит империализм и все его прихвостни.

Интересно, как отражаются эти сдвиги в изменении классовых отношений в области идеологической. Я мог бы нарисовать очень любопытную

картину, гамму всевозможных оттенков в области идеологии в международном масштабе, поскольку они характеризуют нынешний этап. Символически я противопоставляю Москву Риму, Рим — Москве. Какой смысл имело выступление папы, попытавшегося под грязным знаменем папизма сплотить все самые отсталые элементы вокруг этого знамени, — под видом борьбы за религию против безбожного большевизма? Интересна статья известного епископа Вайца в одном из католических журналов; статья озаглавлена «Христократия и сатанократия».

Смысл выступления епископа Вайца сводится к тому, что сатанократия, т.-е. господство большевиков, готовит на земле всеобщий ад, разрушение и хаос. И вот нужно противопоставить сатанократии христократию. Только христократия обеспечивает безопасность, веру и мир. Огромную активность проявляют как раз католические круги. И в высшей степени любопытно, с другой стороны, — я считаю, что это нужно хотя бы мимоходом отметить, хотя может показаться, что это врезывается в мой доклад в качестве чужеродного тела, но я не могу этого обойти, — и вот любопытно, что они в своих органах выдвигают необходимость заимствовать у большевиков их методы и формы работы. В одном журнале появилась специальная статья, в которой самым подробным образом излагается, что такое социалистическое соревнование, что такое стенгазета, система шефства, чистка, самокритика, выдвиженчество, ударничество и пр. и пр. Ведется пропаганда в том смысле, что все эти методы работы должны быть заимствованы у большевиков для мобилизации католических и вообще религиозных, реакционных кругов и т. д.

С другой стороны, характерно, что меньшевики, в особенности германские социал-демократы, высказались, как вам известно, в том смысле, что папа имеет «моральное право» выступать против Советского Союза.

В книге, которая недавно выпущена одним католическим теологом под названием: «Социализм и католизм» откровенно выдвигаются такие вещи: «Бедные крестьяне, слуги, рабочие всегда существовали. Почему не быть рабочему бедным, раз Христос говорил: «Бедные да всегда будут среди вас. Бедные и богатые должны любить друг друга как дети небесного отца»? И рабочие должны знать, что им необходимо жить экономно, трезво, не ходить в кино и вообще не увлекаться всякого рода культурными и прочими потребностями». До такой наглости, до такого открытого цинизма доходят сейчас эти господа! Понимая, что идейным знаменем советской власти и коммунистической партии является материализм, атеизм и диалектика, все враги советской власти ведут в области идеологии борьбу против марксизма, полагая, что тем самым они подкапывают основы коммунизма. На этой платформе сходятся католические патеры, протестантские пасторы, социал-демократы в роде де-Мана и др., а также и белогвардейцы, так называемые евразийцы. Единый фронт в области антисоветской политики дополняется блоком в области идеологии. Евразийцы, естественно, принимают в этом деле активное участие. Под евразийцами я лично понимаю фашистов, контрреволюционеров, которые сейчас смыкаются в одно течение для вооруженной борьбы против советской власти; для них в области идейной основным

другом, как они сами пишут, является материализм, атеизм и материалистическая диалектика.

«Величайшая задача нашего времени, — пишут они, — это насыщение современных социальных процессов религиозным содержанием. Коммунистический атеизм есть низведение человека в животное (бестиальное) состояние. Коммунистический атеизм порывает связь человека с творческим центром мира, связь, которая отличает человеческий род от остального органического мира. Коммунистический атеизм должен быть преодолен в пореволюционном процессе».

Евразийцы мечтают о свержении советской власти, после чего надеются реставрировать церковно-религиозную идеологию, которой у нас нанесен такой могучий удар. Но, подобно представителям западно-европейского религиозного социализма, они пытаются обмануть рабочих. Так евразийцы пишут: «Социальная же проблема, с чрезвычайной силой поставленная коммунизмом, — подлежит принятию и вместе с тем — дальнейшему развитию и небывалому развитию. И не случайно, что проблема труда и царства трудящихся с такой силой поставлена именно в России. Это — одно из проявлений мессианского призвания России. И задача дальнейшего развития заключается в том, чтобы идею царства трудящихся связать с религиозной идеей» (Евразийский сборник, 1929 г., см. ст. Савицкого). Евразийцы, таким образом, вынуждены признать, что «социальная проблема с чрезвычайной силой поставлена коммунизмом». Этого они не могут отрицать, но при этом они надеются лицемерным принятием и обещанием даже дальнейшего «небывалого» развития царства трудящихся завоевать симпатии трудящихся. Но все это напрасно, ибо тут же развивается мысль о необходимости восстановления собственности, расправы с рабочими-коммунистами и проч. Для нас в этой связи важно подчеркнуть, что евразийцы истинные свои намерения прикрывают идеологическим лозунгом о необходимости спасения религиозной идеи, «творческого центра мира» от безбожных большевиков, надеясь таким путем «перетянуть» на свою сторону отсталую часть крестьянства, мещанство и проч. Напрасные старания! В другом месте евразийцы ополчаются против Фейербаха и Маркса в следующих выражениях: «Фейербах и Маркс для нас поистине самые далекие, самые чуждые мыслители. И практически нам они чужды, как чужды крайние приложения западного практицизма, как чужд буржуазный американизм и его родной брат, американизм коммунистический, без частного капитала и частной инициативы, но, в конце концов, сводящийся к суетному и торопливому техническому переустройству мира. Мы не против такого переустройства мира, но вовсе не считаем его единственной и последней целью. Иными словами, мы не делаем кумира из практики, но ищем такое «созерцание», которое деятельности не противоречит и ее осмысливает».

Таким образом, частный капитал и частная инициатива — вот к чему сводятся все заботы евразийцев, осмеливающихся говорить еще при этом о необходимости принятия ими «социальной проблемы». Каковы намерения

этих господ, для всякого очевидно. Они протестуют против «суетного и торопливого технического переустройства мира». Еще бы! Наша пятилетка и успехи на фронте социалистического строительства являются предметом особой злобы со стороны всех врагов советской власти.

Я мог бы привести еще ряд рассуждений евразийцев, направленных против воинствующего материализма и материалистической диалектики. Но достаточно и сказанного.

Стало быть основным врагом для них является воинствующий материализм, воинствующий атеизм и материалистическая диалектика. Естественно, что и в нашей стране, в нашем Союзе идеологи реакции также выступают или совершенно открыто, или в прикрытой форме с теми же идеями—нужно указать еще раз на Лосева. Мы здесь имеем открытую смычку идеологов реакции и крепостничества вне нашего Союза с представителями реакции внутри Союза. Естественно, что в связи с обострением классовой борьбы усилилось оживление религиозных настроений, течений и т. д., все это смыкается в единое целое. Так что на этом новом этапе, как вы видите, возникает как бы целый ряд новых задач, также международного характера, поскольку там не ведется постоянной систематической борьбы против всех оттенков религиозного социализма, идеализма, поповщины и пр.

В Западной Европе мы имеем некоторые новые явления, которые характеризуются попытками проникновения гуссерлианства в марксистскую домену. Имеются попытки подвести под основные категории исторического марксизма гуссерлианский базис. Громадным влиянием пользуется фикционализм. Естественно, если расширить рамки нашей деятельности, — а это наша обязанность — то вы увидите, какая огромная задача международного порядка стоит перед нами в области теории. Эти течения встречают отклик и в нашем Союзе.

Обращаясь теперь к тем новым задачам, которые стоят сейчас перед нами, к новым задачам, которые определяются, как я уже говорил, новым этапом революции, нарождением новых форм хозяйства, новых производственных отношений, изменением соотношения классов в нашей стране, мы должны сказать, что здесь необходимо совершить поворот в сторону актуальных проблем социалистического строительства. Необходима бо́льшая активизация и политизация философского фронта.

В связи с этим перед нами встает основная проблема, проблема о самой сущности, о самом содержании, о самой природе науки. Надо сказать, что этой задаче, с моей точки зрения, уделяли и уделяют до сих пор слишком мало внимания, повидимому, предполагая, что эта задача до такой степени сложна, что не поддается как бы разрешению. Я имею прежде всего в виду проблему научного предвидения, которая для нас в настоящее время становится одной из актуальных проблем. Именно проблема научного предвидения, проблема прогноза вовсе не так неразрешима, как это может показаться с самого начала. Мы имеем величайшие гениальнейшие предвидения в сочинениях Маркса и Ленина. Диктатура пролетариата является гени-

ными, невиданным в истории предвидением. Но можем ли мы ограничиться тем, что сделано Марксом в этой области *на будущее*, когда мы переживаем совершенно новую историческую эпоху и когда перед нами стоят совершенно новые задачи? Проблемы предвидения, плана и директивы связаны взаимно друг с другом. На данном этапе эти проблемы могут быть разрешены лишь *на основе теоретического изучения всего нашего социалистического строительства и всех связанных с ним предшествующих этапов классовой борьбы и революции вообще.*

Ленин постоянно подчеркивал значение *практической диалектики*, которая, конечно, должна быть связана теснейшим образом с теорией диалектики; говоря о практической диалектике, он прямо указывал, что речь идет об изучении опыта прежде всего нашей революции, которая даст нам совершенно новые возможности, откроет новые перспективы для теории диалектики и, главное, для осмысливания закономерностей развития.

Научный прогноз возможен на основе изучения *новых закономерностей нашей эпохи.* Изучение опыта нашей революции, различных форм классовой борьбы на различных этапах нашей революции, изучение вопросов исторического материализма в целом на новом опыте нашей революции, когда все вопросы ставятся по-новому,—все это является в настоящее время делом первостепенной важности. Возьмем для примера проблему социально-экономической формации, смену различных формаций. Это вопрос актуальный и для экономистов, и для истматчиков, и для историков. В переходную эпоху изучение посредствующих звеньев, этапов, форм хозяйства в процессе строительства социализма служит исходным пунктом для дальнейшей практической работы. В известном смысле и разработка материалистической диалектики может происходить на основе богатого материала достижений, даваемых нашим социалистическим строительством. Маркс учил нас, что капитализм представляет историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Уже в наших условиях соотношение между элементами стихийности и сознательности совершенно иное, чем при капиталистических условиях.

В связи с этим приобретает огромное значение *рост планового хозяйства.* Стало быть, эта проблема, самая *проблема методологии планирования* должна быть поставлена как теоретическая проблема. *Теоретическая мысль должна итти вперед, заглядывать в будущее — это основная ее задача.* И в этом смысле, конечно, нужно сказать, что у нас теоретическая мысль, часто отстает от непосредственного хода нашей революции, на что уже было указано тов. Сталиным.

В связи с бегло отмеченными задачами естественно встают отчасти совершенно новые проблемы, отчасти старые, но в совершенно новой форме, проблемы так называемого *истматовского порядка.* До сих пор этот участок был запущен. Сейчас *все проблемы нашего социалистического строительства должны разрабаты-*

ваться изо дня в день. Здесь стоят огромные и совершенно новые проблемы и задачи. Отчасти эти задачи тоже в виде наметки сформулированы в резолюции, которая будет вам предложена. Конечно, этим далеко не исчерпываются все те вопросы, которые сейчас стоят в этой области. Во всяком случае, сейчас надо понять, что здесь поворот необходим, и это нужно делать сознательно, планомерно и нужно понимать все значение этого поворота.

С другой стороны, для строительства социализма или, вернее, для правильного выполнения, для возможности выполнения всех этих задач, необходима мобилизация всех наук на службу социализму. И с этой стороны нужно, конечно, также понимать, что те общие теоретические задачи, которые стоят в каждой данной области, само собой разумеется, не отменяются, но вместе с тем в целом ряде научных дисциплин необходимо поставить задачи, связанные с социалистическим строительством, и мобилизовать их на службу социалистическому строительству. Мы знаем, что целые отделы биологии, например, в высшей степени важны именно для этой задачи, и то же самое во всех других областях.

Призывая вас к повороту, я должен подчеркнуть, что было бы неправильно думать, будто задачи, которые стояли на прошлом этапе, и среди них основная задача — разработка материалистической диалектики,— что эти задачи отныне, в виду этого поворота, отпадают. Ни в малейшей степени. В том-то и дело, что нужно понимать преемственность задач прошлого этапа и нового этапа подобно тому, как мы это видим в области чисто-политической. Мы должны помнить, что эта задача продолжает оставаться перед нами важнейшей задачей на философском фронте. Эта задача, которая поставлена Лениным в том огромном об'еме, о котором я уже говорил. Но эта задача — разработка материалистической диалектики,—конечно, усугубляется и вместе с тем обогащается материалом, конкретными результатами, которые дает нам наша революция и новый ее этап, весь исторический опыт революции, как и вся совокупность знания.

В связи с этим, само собой разумеется, перед нами выдвигается задача дальнейшей разработки литературного, т.-е. философского, главным образом, наследства Ленина, но и не только философского, а всего того наследства, которое имеет значение и важность для теории диалектики, — стало быть, также и проблемы стратегии и тактики классовой борьбы и т. д. Наследство Маркса, Энгельса и Ленина должно разрабатываться со всей тщательностью. Мы имеем в их работах много в высшей степени важных и новых явлений, которые до сих пор не получили еще достаточного освещения.

Мы имеем ряд новых постановок в отношении различных проблем во вновь опубликованных работах Маркса и Энгельса. В высшей степени странным и непонятным является, например, то обстоятельство, что марксистские психологи до сих пор даже не подумали о том подходе, который рекомендуется Марксом в области психологии.

Эта марксова постановка вопроса имеет огромное значение и для построения материалистической диалектики.

Так же, конечно, можно было бы указать на целый ряд совершенно ...ных постановок, которые мы имеем у Маркса и у Энгельса по другим ...просам.

Обращаясь теперь к вопросу о группировках на философском фронте, ...лжен отметить, что главной опасностью внутри марксистского, коммуни...ческого фронта продолжает оставаться механистическая кон...цепция. И поэтому борьбу здесь необходимо продолжать и, быть может, ...ить. С другой стороны, намечаются некоторые новые явления: — надо ...ть смотреть действительности прямо в глаза. Я говорил о различных эта... в нашем философском развитии. Мне представляется, что мы имеем сей... наметку некоего «синтеза» пройденного этапа, некую новую попытку ...мирения механистов или механистической концепции с элементами ...ктического материализма. Не надо обманываться на этот счет, надо ...ть видеть вещи в их зародыше. Конечно, перед такой опасностью мы ...; если мы скажем, что главной опасностью является механистическая ...нция, то мы вместе с тем видим и примиренческое отношение ...еханистам. Для нас эта установка совершенно неприемлема: будут ли нам ...рить сейчас о некоторых «отдельных ошибках» у механистов, будут ли ...выражать менее осторожно, во всяком случае я считаю, что это для нас ...приемлемо. Мы на новом этапе должны углубить нашу борьбу с механи..., ибо новый этап, если мы пойдем по этому пути, сулит нам новые опас..., опасности новых уклонов. Это нужно понимать.

Вот это — главная опасность. Но не скрою и того, что имеется опас... и другого порядка, опасность формалистического порядка, ...листического понимания материалистической диалектики. Это имеется ...отдельных товарищей, которые уже сделали в этом отношении грубейшие ...ки. Мы этого не должны забывать, должны это заявить и должны с этими ...ками бороться. Ошибки такого формалистического порядка, конечно, ...т при известных условиях, если они будут дальше продолжаться и не ...тят соответствующего отпора, не встретят критики, дружеской товари...ой самокритики в смысле выправления ошибок, эти формали...ческие ошибки со временем могут перейти в идеалистические ...бки.

Я уже указывал, что и в конкретных науках мы имеем, с одной сто..., механистическую опасность, а с другой стороны — идеа...стическую опасность. Я уже говорил о необходимости углубления ... работы на атеистическом фронте. Но, конечно, это нужно ...ть по-особому, именно постольку, поскольку наши организации могут, ... говорил Ленин, углубить эту работу.

Само собой разумеется, что все эти задачи, с одной стороны, работа ...тельная, творческая: новые проблемы, новые задачи, которые мною ..., правда, только схематически, с другой стороны, борьба со всевоз... уклонами, с идеалистической опасностью в общесоюзном и между... масштабе и с ошибками отдельных товарищей в нашем собственном ..., — все это требует напряжения всех сил и коллективной ра-

боты. Эти огромные задачи могут быть выполнены, если философские кадры действительно будут значительно расширены. При нынешних кадрах эти задачи не могут быть выполнены. Если мы не будем иметь работников, которые будут брошены на этот фронт, если мы не добьемся расширения философских кадров, то само собой разумеется, что эти задачи не будут выполнены.

С другой стороны, конечно, для разрешения этих задач необходимо развертывание самокритики. Но самокритика самокритике рознь. Одно дело товарищеская самокритика, которая ставит себе целью выпрямление, исправление ошибок у тех или других товарищей, защиту генеральной линии от всевозможных уклонов, шатаний и т. д., в ту или другую сторону, и другое дело, когда, прикрываясь самокритикой, стремятся лишь дискредитировать товарищей. Это я считаю извращением самокритики. Я не могу, например, пройти мимо статьи Фурщика, появившейся в «Большевике», не могу пройти мимо этой статьи, потому что эта статья не образец самокритики, а образец совершенно недопустимого извращения самокритики, поскольку взгляды критикуемого лица фальсифицируются, поскольку ему приписываются вещи, совершенно ему чуждые. А, с другой стороны, если берешься критиковать, то прежде всего нужно знать марксизм.

С места: Это труднее.

Деборин: По существу же установка т. Фурщика антимарксистская и, стало быть, неправильная.

Варьяш: Официальная статья была в «Большевике».

Деборин: Хорошо, т. Варьяш. Я знаю, что вы довольны. А об официальном характере статьи вы будете иметь возможность говорить, когда получите слово. Я здесь разбирать статью Фурщика не буду. Сделаю только одно замечание. Автор утверждает, что ни у Маркса, ни у Энгельса нет совершенно даже термина «социальные инстинкты»; далее, он расправляется с дарвинизмом легко, об'являя, что Дарвин — либерал. Ну, а раз Дарвин либерал, то какое значение имеет для нас точка зрения Дарвина. Но кому не известно отношение к дарвинизму Маркса, Энгельса и Ленина? Маркс и Энгельс говорили, что дарвинизм является естественно-исторической основой марксизма. Что говорит Энгельс о так называемых социальных инстинктах? Вот что он говорит в письме к Лаврову по этому вопросу: «Я не могу согласиться с вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку мы можем углубиться вглубь веков, мы находим, что так и было».

Если же мне хотят приписать, что будто я стою на той точке зрения, что нравственность присуща животному миру, то как раз в своих статьях я и говорю, что нравственность имеет место только в человеческом обществе.

Если согласиться с Фурщиком, то Энгельс стоял на точке зрения идеалистической, кантианской, каутскианской, априорной и т. п. Этим беглым замечанием я ограничусь, а по существу разберем вопрос в другое время и в другом месте.

Итак, кончаю. Основной смысл поворота—это обращение к актуальным задачам, которые диктуются новым этапом нашей революции и всем социалистическим строительством.

Заключительное слово 24 апреля 1930 г. [1])

В 1926 г., в апреле и мае, когда у нас происходили генеральные бои с механистами в Институте философии против нас велась атака со всех сторон. Тогда многим казалось, что борьба происходит на чисто-«личной» почве, что, мол, никаких существенных разногласий нет. В таком духе выступала Л. И. Аксельрод и все остальные механисты, в том числе и присутствующий здесь т. Варьяш, который думает, — и не без некоторого основания, — что наступил праздник уже на его улице. Были такие товарищи, вероятно, не особенно дальновидные, которые просто недостаточно ориентировались, у которых не было достаточно опыта, которые действительно полагали: помилуйте, какие же тут в конце концов разногласия? Есть какая-то борьба между «личностями». История показала, и теперь вряд ли найдется хоть один человек в этом зале, кроме т. Варьяша, кто не признал бы нашей правоты на все сто процентов.

Сейчас мы тоже переживаем очень серьезный момент; я уже намекал в своем вступительном докладе, что всякие повороты, крупные дискуссии и т. д. совпадают обычно с известными изменениями в структуре нашей страны, с известными этапами революции, ибо наша философия, как мы это постоянно утверждаем, теснейшим образом связана, конечно, с политикой. Она отражала этапы революции на высотах идеологии. Но кто умеет разобраться, тот понимает, что нынешний «кризис» в области философии сигнализирует о каких-то процессах более глубокого характера. На дискуссии с механистами четыре года назад я говорил, что среди нас разногласия чисто-философского характера; мы спорим о самых сложных и тонких материях. Но эти разногласия отражают в той или иной форме ту классовую борьбу, которая происходит в стране, отражают нарождение нового этапа революции. И сейчас вполне естественно, что при тех колоссальных сдвигах, которые происходят в нашей стране, при необычайном под'еме нашей революции в данный исторический момент, наша дискуссия отражает определенные процессы, происходящие в стране, определенные формы классовой борьбы. И поэтому напрасно тут некоторые товарищи пытались изобразить дело так, что мы боимся каких-то дискуссий, мы боимся самокритики и проч. Это сумасшедшие пустяки. Вовсе не в этом дело. Наоборот, при переходе к новому этапу революции, при том повороте, о котором я говорил, неизбежны определенные споры и неизбежны известные издержки, о которых сегодня может быть преждевременно говорить, но о которых мы поговорим, вероятно, через год или через два года. Мы были бы очень плохими марксистами, очень плохими коммунистами и очень плохими политиками, если бы мы не были в состоянии нащупать того, что происходит за этими «формальными» подчас дискуссиями и спорами вокруг организационных вопросов. Но это мы нащупываем, и на это я уже указал в своем докладе. Я указал, правда, намеками на то, что мы, с одной

[1]) Печатается в сокращенном виде. Ред.

стороны пережили очень важный этап борьбы с механистами и что, с другой стороны, механистическое течение является в известном смысле конгломератом различных предыдущих ревизионистских, антиленинских, антимарксистских течений, которые впитала в себя механистическая группировка.

Нет ничего страшного, если мы не боимся слов, и если мы действительно хотим поставить точки над «i», если мы собрались не для того, чтобы просто разговаривать, а для того, чтобы выяснить положение на идеологическом фронте, нет ничего «ужасного», говорю я, в том, что мы попытаемся дать некоторый предварительный (ибо преждевременно давать более обстоятельный) анализ тех настроений, которые здесь выявились. Я указывал на то, что намечается некоторая **новая группировка**, которая так или иначе будет связана с механистами — тут будут различные уступки с той и с другой стороны, различные формальные «отказы», заявления и пр., но мы будем свидетелями перегруппировки на философском фронте. И я не боюсь сказать это совершенно открыто, ибо тогда зачем же нам собираться разговаривать, если мы не в состоянии дать анализ того, что происходит?

В самом деле, что здесь происходит? Если мы проанализируем (к сожалению, у меня очень мало времени для этого) речи, которые здесь произносились, если мы возьмем всю гамму от крайне левого загиба до...

С места: Правого!

Деборин: Да, правого, то мы увидим, что мы здесь имеем чрезвычайно любопытный переплет, на котором надо уже ныне, когда он еще в зародыше, остановиться, надо указать, куда мы идем и куда мы можем притти, если мы последуем за некоторыми товарищами, которые пытаются так или иначе, может быть даже и бессознательно, создать новую свою линию. Если мы возьмем всю гамму этих речей, этих выступлений, то товарищи должны будут признать, что здесь были произнесены, речи, которые выходят далеко за рамки того, что мы называем самокритикой.

Одни товарищи говорили: ваша генеральная линия правильна, мы, мол, не хотим разгромить руководство, не хотим снять руководство. А, с другой стороны, велась линия прямо на **снятие руководства**, линия на **дискредитирование** философского руководства. Против этого мы будем бороться. Почему мы будем бороться? Конечно, не потому, что мы цепляемся за философское руководство, а потому, что то, что имело место на фракции, говорит о **нездоровых явлениях**.

Имеем ли мы действительно зародыш новой группировки? Конечно, имеем. Зачем это скрывать?

Но эта группировка явно гнилая; поскольку выявилась ее **идейная физиономия**, — довольно **опасная**. И вот эта группировка «жаждет власти». Например, если тов. Дмитриев говорит, что он с нами расходится во всем (он «расходится», видите ли!): и в понимании нами истории философии и в понимании нами диалектики, и в понимании нами исторических задач, которые стоят перед нами,—если он говорит, что у нас—полный отрыв от партийной линии, что философское руководство оторвалось от партии и пр., и пр., и в то же время утверждает, что он согласен с **основной линией**, которую проводит философское руководство, то что сказать о таком критике? Ведь это смешно так говорить!

С места: Лицемерие!

Деборин: Я не буду выражаться крепко, не в этом дело, но во всяком случае я в этой группировке (а здесь определенно говорилось о группировке) в группировке Дмитриева, Максимова и др., вижу, с одной стороны, перехлестывание того, что мы называем самокритикой — ибо это вовсе не самокритика, а это уже нечто совершенно другое, — а, с другой стороны, мы имеем здесь **левый загиб** на философском фронте; с третьей же стороны

имеем совокупность взглядов, с которыми мы солидаризироваться никоим образом не можем, не говоря уже о той организационной тактической линии, которой они придерживаются на данном этапе нашей дискуссии.

Действительно, — здесь уже говорилось, что т. Дмитриев, конечно, имел полное право притти сюда и в порядке самокритики указать на все наши недостатки, недочеты, ошибки и пр. Пожалуйста, мы все их здесь признавали, признавали все наши товарищи, которые здесь выступали, признавали, что у нас были недочеты в работе, что у нас были ошибки и т. д. Странно было бы, если бы у нас не было ошибок. Но ведь одно дело выступать таким образом, а другое дело выступать с «убийственной» критикой всей нашей генеральной линии и с заявлением, что задача, которая перед нами сейчас стоит, — это протереть т. Деборина с песочком...

С места: Без песочка!

Деборин: Без песочка—это для блезиру, а именно с песочком—надо понимать по-настоящему... Протереть его как следует быть! Да, вот как ставится вопрос. Тов. Дмитриев поспешил выдать свой секрет: оказывается, что все дело сводится к тому, чтобы дискредитировать лично Деборина...

Тов. Дмитриев нас «критиковал». Но ведь простите, пожалуйста, тов. Дмитриев вовсе не рядовой работник на философском фронте, не рядовой в том смысле, чтобы у него были серьезные работы или другие заслуги, но в том смысле, что он профессор ИКП, он, стало быть, человек, который претендует, конечно, на роль вождя. Так я спрашиваю вас, т. Дмитриев, написали вы за это время хоть одну статейку по поводу правого уклона? Писал ли он какую-нибудь статейку против механистов? Нет, он этого не делал. Я должен сказать, что мы к т. Дмитриеву никогда не относились с доверием в смысле его приверженности и преданности диалектическому материализму. Почему? Потому, что мы знали, — а мы каждого знаем, — мы знали, что у него, в сущности, имеется примиренческое отношение к некоторым основным положениям механистов. А, с другой стороны, мы знали, что у него есть формально-логические заскоки, о которых здесь говорили, что у него имеется, действительно, схоластический уклон. Мы это говорили, это знали. И поэтому он более рьяно, чем другие, и собирается нас «протирать». Выступление т. Дмитриева не является случайным выступлением в такой именно форме. Мы прекрасно знаем, что т. Дмитриев не в первый раз выступает.

Дмитриев: Я в «Правде» статью писал против вас, т. Деборин.

Деборин: Единственное, что он мог сделать, это в самый разгар борьбы с механистами нанести нам удар в спину, выступив со статьей такого характера, который означал уже тогда: «философское руководство не годно». Вот смысл вашего выступления. Однако прошло несколько лет, и, как никак бы, философское руководство осуществило то историческое дело, которое оно должно было осуществить. Вы нам не помогали в борьбе с механистами, а мешали. Да, вы нам мешали, потому что вся ваша установка не является ортодоксальной марксистской установкой. И это, наверное, еще скажется и в будущем, это сказывается во всех ваших статьях, во всех ваших выступлениях.

Так вот, если мы имеем дело с такого рода выступлениями, то, конечно, должны сказать, что тут имеется уже расхождение принципиальное в понимании всех вопросов, ибо здесь совершенно иная установка, с которой мы согласиться не можем.

Тов. Максимов тоже всегда недоволен. А между тем все ляпсусы, которые были сделаны в борьбе с механистами, действительные ляпсусы, эти

ляпсусы прежде всего делал т. Максимов, который не выступил и не заявил что это е г о о ш и б к и. Он должен был от них отказаться, несмотря на то что мы еще в свое время требовали этого от него, что мы говорили, что было бы лучше, если бы он отказался от таких-то и таких-то формулировок которые не являются с нашей точки зрения правильными, тов. Максимов этого не сделал.

М а к с и м о в: Никто не обращался.

Д е б о р и н: Вы тоже, т. Максимов, как и т. Дмитриев, ковыляете и ковыляли за нами, т.-е. вы шли до поры, до времени единым фронтом, но вы знали, что вы механистов расцениваете, как представителей левого уклона, что вы не отдавали себе отчета в том значении, которое имеют механисты. Я указывал на опасность, которая здесь кроется, на необходимость борьбы с механистами, потому что механистическая концепция является прежде всего теоретической основой кулацкого уклона, кулацкой идеологии. Вы же с этой оценкой не соглашались, считая механистов «левыми».

Вы за новое течение. А это течение берет отсюда кусочек, оттуда кусочек и это называется э к л е к т и з м о м. Так и нужно охарактеризовать; обижаться тут нечего. Тов. Фурщик, Дмитриев и Максимов идут вместе. «Теоретическая» их позиция для нас неприемлима. Мы считаем, что тов. Дмитриев о т с т у п а е т о т Э н г е л ь с а, когда к л а с с и ф и ц и р у е т ф и л о с о ф с к и е с и с т е м ы н е п о т е м п р и н ц и п а м, к о т о р ы е в ы д в и г а л Э н г е л ь с, а п о с в о и м «о с о б ы м», «в ы д у м а н н ы м п р и н ц и п а м».

Тов. Варьяш мог здесь получить столько удовольствия! (С м е х). Это т. Варьяш, особенно горячо аплодировал т. Дмитриеву. Вы уже с ним сходитесь в целом ряде пунктов, сами этого не сознавая. У них обоих мы видим формально-логический, схематический уклон и ревизию Энгельса. Поэтому у вас все основания особенно горячо «протирать» Деборина.

Д м и т р и е в: Где это?

Д е б о р и н: В том-то и дело, что мы имеем все документы, т. Дмитриев, напрасно вы так говорите. У нас все это есть. (С м е х). Вы делали доклад п о д м о и м п р е д с е д а т е л ь с т в о м, — ясно или нет? Ясно! Здесь присутствуют те товарищи, которые тогда были. Ваше выступление достаточно тогда критиковалось.

Д м и т р и е в: Как ваши цитаты?

Д е б о р и н: Когда вам нужно будет для обоснования своей неправильной позиции, вы будете ссылаться на мои цитаты, на меня, а в других случаях вы будете меня «прорабатывать». Мы не согласны с вашим пониманием спинозизма, которое в значительной степени сходится с пониманием Аксельрод, то же самое по целому ряду других пунктов. Вот здесь я вижу уже известный зародыш новой «принципиальной» позиции, но чрезвычайно опасной...

Остановлюсь в нескольких словах на выступлениях других товарищей. Выступал здесь т. Тимоско, выступал т. Юдин.

Т и м о с к о: Тоже группировка?

Д е б о р и н: Я ведь еще ничего не сказал. Я ведь не отождествляю выступления Дмитриева и Максимова, где я вижу определенные элементы новой группировки, с вашими выступлениями. Правда, т. Тимоско и т. Юдин отмежевались от выступления Дмитриева. Эти товарищи стоят на другой позиции. Я не имею оснований сказать, что эти товарищи образуют уже особую группировку. Они выступали с критикой деятельности философского руководства, иногда правильно, а иногда неправильно, но во всяком случае это была самокритика. Но вместе с тем нужно сказать все-таки, что напрасно вы, т. Юдин и т. Тимоско, обвиняете философское руководство

тем, что мы будто бы против самокритики. Категорически заявляю,—и это заявляли наши товарищи, которые выступали, — категорически заявляю, что мы стоим за самую широкую большевистскую, пролетарскую самокритику.

С места: Это декларация. С места: Надо делом доказать!

Деборин: Это декларация. Чего вы требуете от меня сегодня? Я только борюсь против опасных тенденций Дмитриева, Фурщика и их единомышленников. Самокритика должна помочь нам в нашей большой работе, должна дать нам возможность выправления ошибок наших товарищей, — но мы будем бороться против нового течения, которое идет против марксизма-ленинизма. Вы в недостаточной степени отмежевались именно от этой стороны. Вы отмежевались от формы их выступления, от формы их самокритики — это правильно, но вы не в достаточной степени или вовсе не отмежевались именно от тех элементов, которые дают уже возможность для зарождения нового эклектического течения, против которого мы должны бороться с самого начала.

Юдин: Я говорил об этом.

Деборин: Если вы говорили—тем лучше. Но посмотрим, что вы завтра будете говорить. Конечно, нужно понимать, что для этого имеются об'ективные основания. Я раньше говорил, что ни один поворот не обходится без соответствующих издержек.

С места: И когда он очень долго продолжается, издержки получаются большие.

Деборин: Вы мне напомнили, я об этом скажу. Для эклектизма имеются об'ективные основания и в нашей стране; все это надо видеть и понимать. Поэтому, если вы, товарищи, с нами согласны и это понимаете, то вы должны сказать: самокритика—самокритикой, это одно дело, а другое дело—зарождение нового течения, отходящего от марксистско-ленинских позиций.

С места: Правильно.

Деборин: Против этого мы должны бороться. Если будут прикрываться самокритикой для протаскивания нового эклектического багажа, то мы будем бороться против этого. И только просим вас не смешивать борьбу против этого с борьбой якобы против самокритики. Против самокритики мы не боремся, это ложь. Наоборот, мы будем вместе с вами эту самокритику проводить, будем вместе с вами критиковать и других, и самих себя. Разве мы в этой декларации не критикуем самих себя?

Так вот каково расположение сил. Расположение сил именно таково, как я охарактеризовал, как я здесь обрисовал. Надеюсь, что основную линию, поскольку она была здесь признана большинством, огромным большинством товарищей, правильной, что эту основную линию мы будем дальше проводить и что товарищи не пойдут за эклектической группировочкой, которая давно уже занимается делом дискредитирования философского руководства, делом компрометирования, видя в этом основную задачу. Куда это приведет, покажет будущее.

Теперь я должен остановиться в нескольких словах на Каутском и затем на статье Фурщика. Я не буду утомлять ваше внимание разбором статьи Фурщика, это вовсе не входит здесь в мои расчеты, здесь мы занимаемся не этим делом, но я должен подчеркнуть следующее: Фурщик является членом ОВМД, Фурщик состоит научным сотрудником Института философии, Фурщик является преподавателем ИКП—у нас происходит в течение трех вечеров эта жаркая дискуссия, а где Фурщик? (Смех, аплодисменты).

Шабалкин: Пропал, это верно.

Деборин: Я спрашиваю вас, т. Дмитриев, где Фурщик? (Аплодисменты). Где этот смелый боец за диалектический материализм, который

прячется в коридорах ИКП, но который не приходит на фракцию, чтобы отстаивать свою точку зрения... (Аплодисменты), если он убежден в правоте ее? Но он не придет. Он не придет, как он не пришел на доклад, который мы ему предложили от имени ОВМД: «Дорогой т. Фурщик, у тебя есть разногласия, ты же член ОВМД, ты член Ин-та философии, пожалуйста, мы тебе предлагаем доклад, сделай доклад, выступи с самокритикой открыто, со всеми твоими разногласиями — мы обсудим», так мы ему говорили. Нет, не сделал доклада т. Фурщик; он заявил, что у него и разногласий-то нет. Он не явился и на это собрание, хотя дух Фурщика витал здесь в достаточной степени. (Смех).

Теперь о Каутском. Должен сказать тем товарищам, которые не совсем знакомы с историей марксизма, а это не является каким-либо обвинением, что есть ряд работ у Каутского, которые написаны при непосредственном участии Энгельса. Вот как обстоит дело. Они были проредактированы, прокорректированы даже Энгельсом. Поэтому просто выкинуть их нельзя, потому что в таком случае мы должны выкинуть некоторую часть Энгельса. Энгельс очень много редактировал, корректировал, принимал личное участие в целом ряде работ, в частности, в ряде работ, написанных Каутским. Однако их тоже надо знать. Посмотрите, каково отношение Ленина к марксистским работам старого Каутского. Ленин в 1920 г. писал, что Каутский в некоторых своих работах учил марксовой диалектике; это он писал в «Детской болезни левизны»; ряд работ Каутского остается и останется навсегда,— говорит Ленин, — ценным приобретением социалистической литературы. Да, эти работы имеют определенную историческую ценность, мы не можем их просто выкинуть, это нигилизм какой-то, левый нилигизм, этому нас не учил Ленин, этому нас учит Корш, этому нас «учит», одним словом, вся ультра-левая группировка, которая теперь выступает против Ленина. Вот как обстоит дело в отношении Каутского.

Значит ли это, что мы, и я в частности, считали когда-нибудь Каутского выдержанным до конца диалектическим материалистом? Нет, этого не было никогда, даже тогда, когда я был моложе и выступал на страницах «Neue Zeit». Тут говорят о том, что надо критиковать Каутского. Но ведь я это уже делал. Я в предисловии к «Материализму и эмпириокритицизму» Ленина приводил старое письмо Каутского по вопросу о махизме и кантианстве и указывал, что никогда Каутский не стоял на почве выдержанного диалектического материализма. А мы, старые социал-демократы, в 1906—1907 и 1908 гг. разве не знали, что на страницах «Neue Zeit» в одинаковой степени пишут и махисты и материалисты? Я же и выступал на страницах «Neue Zeit» как раз против махистов. Почему? Потому, что «Neue Zeit» колебался и давал место одинаково и тем и другим. Об этом говорили и писали, и мы это же делали. Видите, как обстоит дело с действительной историей.

То же самое с Плехановым. Нельзя так просто разделаться с ним, это же нигилизм, левый нигилизм, который для нас неприемлем. Разве я не выступал с критикой Плеханова—не помню в каком году—на огромном собрании-диспуте в Колонном зале Союзов, в Институте народного хозяйства в 1928 г., в некоторых своих статьях? Разве я не указывал, что у Плеханова есть отдельные механистические ошибки, что у Плеханова имеется по сравнению с Лениным недооценка диалектики и ряд других недостатков. Ведь это напечатано. Наоборот, меня критиковали за это механисты. Варьяш и его единомышленники, выступая против меня, ссылались на Плеханова, а я отстаивал ленинскую точку зрения. Я говорил: нет, Ленин пошел дальше Плеханова, и Ленин прав, а Плеханов не прав, как Плеханов

[вопрос]ов в целом ряде других пунктов, о которых, уверяю вас, т. Варьяшу даже [и] не снится вот в эту прекрасную ночь. Надо уметь разобраться, где что [пра]вильно и где что неправильно с нашей нынешней точки зрения, когда мы стоим на более высоком историческом уровне, когда мы имеем и работы Ленина, новые работы Энгельса и новые работы Маркса, когда мы теперь уже больше видим, какие имеются у Плеханова в этом отношении недочеты. Так что упрекать меня в этом никто не может. Я первый это сделал, а теперь вы меня «критикуете», узнав обо всем этом от меня же, но при этом, как полагается левым загибщикам, вы готовы Плеханова вообще вычеркнуть из истории марксизма. Плеханов об'является [Фу]рщиком идеалистом, и больше ничего,—нет, товарищи, полегче, против этого мы будем бороться, потому что мы не Иваны-Непомнящие, и нам совсем не надо вычеркивать историю. Что сделано, то сделано, ошибки были, [буд]ем их оценивать, обсуждать, отвергать, но просто заявлять, что Плеханов идеалист, и надо его выкинуть, — это мы считаем неправильным. Как же так?—Ленин, который заявлял еще в 1921 г. против Бухарина и Троцкого, что работы Плеханова в области философии являются самыми лучшими во всей мировой марксистской литературе, ошибался? Тогда скажите это. У вас антимарксистский подход и все подобные выступления носили, таким образом, по существу, антиисторический характер. А что значит антиисторизм для марксиста, для коммуниста? Это есть антидиалектика. Значит, они диалектики не понимают, не понимают того, что те или иные ошибки Плеханова [ну]жно об'яснять историко-материалистически, нужно найти корни их, вскрыть [с н]ашей современной точки зрения, но, вместе с тем, не выкидывать из истории Плеханова, о работах которого Ленин говорил, что без их знания нельзя быть сознательным коммунистом.

Вот как обстоит дело с Каутским и Плехановым. Когда я здесь указывал на статью Фурщика, как на образец извращения самокритики, то т. Дмитриевым, которому очень хочется все истолковать в превратном смысле, было истолковано это так, будто я против самокритики. Извините, пожалуйста, мы говорим: такая самокритика чрезвычайно опасна. Опасно, когда [бер]ут половину фразы, вытаскивают и говорят: вот, смотрите, что он сказал. Это в высшей степени опасная вещь. Я протестую против извращения [мои]х взглядов, против фальсификации цитат. Вот против чего я [про]тестую. Вы меня деликатно предупредили: «позвольте, это только первое выступление против вас, это только начало самокритики». Покорно благодарю. Если будет проводиться такая «самокритика», то она принесет только [вре]д, а не пользу.

Между тем, что я говорю и что говорит Каутский — разница колоссальная. В этом все дело.

Я ведь определенно заявляю, что нравственность имеет место только [в] человеческом обществе; и только те, которым угодно извратить мои [взгля]ды, в тех или других целях, могут, конечно, писать все, что им угодно, [вплоть] до того, что я убил свою бабушку. Относительно социальных инстинктов я вам привел в прошлый раз цитату из Энгельса, который говорит, что [социа]льные инстинкты являются тем рычагом, который привел в процессе [разв]ития от обезьяны к человеку. Вот что говорил Энгельс. Правда, нашлись [так]ие товарищи, которые примерно так рассуждают: то, что говорит Энгельс, это давайте еще посмотрим, но то, что говорит Фурщик, это для нас является истиной... Вы видите, [ре]визия Энгельса Фурщиком одобряется только потому, что критика направлена против меня грешного. Для [них] можно ревизовать и Маркса, и Энгельса, и Ленина. Однако, может

быть, Энгельс в этом отношении «устарел», может быть, у него есть неправильная формулировка, тогда давайте обсуждать, давайте «прорабатывать» Энгельса. Ведь формулировка Энгельса во сто раз резче моих формулировок в этом вопросе. Да или нет?

Сегодня была приведена другая мысль Энгельса. Тов. Юринец привел цитату из Энгельса насчет государства, что государство или зачатки государства имеются уже в животном мире; хотя это и сказано у Энгельса, но я, например, заявляю, что в такой форме сказать это — не точно. Я думаю, что у Энгельса это просто заметка.

С места: Это простая запись.

Деборин: Простая запись, которую нельзя так просто приводить. Нам нужно быть очень осторожными в таких случаях.

Что же касается вообще вопроса об инстинктах, то т. Фурщик заявляет, что таких вещей нет у Маркса и Энгельса, что это выдумано Дебориным. Тов. Фурщик высмеивает меня,—это легко, бумага терпит,— за ту мысль, что при известных условиях на известном этапе инстинкт принимает сознательный характер, превращается в сознание. А вот что говорит Маркс по поводу инстинктов вообще и по поводу перехода инстинкта в сознание. «Сознание есть изначальный исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди». Если быть очень придирчивым, как некоторые товарищи ко мне, и особенно т. Фурщик, можно сказать, что Маркс — идеалист. «Сознание — изначальный исторический продукт», стало быть вся история определяется сознанием...

С места: Прочитайте дальше, там про Фурщика очень хорошо сказано.

Деборин: Я прочту: «Сознание есть изначальный исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди». «Сознание является, разумеется, прежде всего сознанием ближайшей чувственной обстановки и сознанием их органической связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида...».

С места: Про баранов прочтите.

Деборин: Прочту, прочту.

«Это в то же время — сознание природы, которая противостоит первоначально людям в качестве совершенно чуждой, всемогущей и неприступной силы, к которой люди относятся совершенно по животному и которая властвует над ними, как над скотом; следовательно, это — чисто-животное сознание природы (природная, естественная религия), а, с другой стороны,— сознание необходимости вступить в сношение с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе. Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени; оно чисто-стадное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт, или что его инстинкт носит сознательный характер». Вот что говорит Маркс. В этой в высшей степени важной мысли Маркса и Энгельса заключена глубочайшая идея о переходе животного мира в человеческий, о связи биологического царства с собственно социально-историческим, о превращении стадного инстинкта в сознание и пр., и пр. Но что до всего этого нашим «критикам», в роде т. Фурщика?

Я мог бы привести и ряд других выписок из Маркса об инстинктах, но хватит. Не будем усложнять дело.

Но это не мешает тому, чтобы Фурщик не посчитался со всем этим, а выхватил то, что ему казалось нужным. Далее, почему инстинкт вечен, не

подвергнут изменениям? Это они вычитали из разных буржуазных писателей и аргументируют.

Далее. Совершенное непонимание того, что если мы говорим о свободе, как материалисты, то это не то, что говорят идеалисты о свободе. Между прочим, Фурщик, повторяя за Шопенгауэром его понимание свободы воли, базирует на этом понимании свою критику. Но почему мы должны следовать за Шопенгауэром, а не за Марксом и Лениным? Я не могу входить сегодня в более глубокое рассмотрение вопроса о свободе, как мы ее понимаем, но я вам приведу только одну цитату из Маркса. В «Капитале» и в целом ряде других сочинений он говорит, что свобода для пролетария возможна лишь в коммунистической коллективности. Только в коллективности, говорит он, индивид получает средство, дающее ему возможность всестороннего развития своих задатков, следовательно, только в коллективности возможна личная свобода. Опять-таки при известном желании можно Марксу приписать совершенно превратные мысли. В другом месте Маркс пишет следующее: «Действительной коллективности индивиды добьются в своей ассоциации и через эту ассоциацию в то же время и своей свободы» (см. Маркс и Энгельс о Л. Фейербахе, «Архив Маркса и Энгельса» кн. I, стр. 243).

Приведу еще одну цитату из III тома «Капитала»: «Царство свободы, — пишет Маркс, — начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону материального производства». «Свобода в этой области, — продолжает он, — может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе». Так пишет Маркс. Но для т. Фурщика существует не Маркс, а Шопенгауэр с его «определением» свободы, которое и становится исходным пунктом для трактовки проблемы свободы.

Теперь скажу несколько слов насчет нашего поворота, как я его понимаю, затем насчет наших кадров и несколько слов относительно самокритики. Прежде всего про поворот. Мне кажется, что в докладе я в достаточной степени охарактеризовал сущность поворота. Правда, некоторые товарищи считают недостаточным или неполным то, что было мною сказано по этому вопросу. Я охотно это признаю, я это и оговорил в самом начале своего доклада. Исчерпать эту тему совершенно невозможно, здесь нужен был бы специальный политический доклад, ибо, конечно, поворот имеет прежде всего политический характер. Об этом я говорил, я сказал, что речь идет о нашей политике на идеологическом фронте и специально на философском фронте. Поэтому я ограничился несколькими общими соображениями. Но когда здесь выступают и говорят: вы не говорили о лозунге ликвидации кулачества как класса в связи с сплошной коллективизацией, то это просто придирка, так как об этом сказано в декларации. Я должен был обосновать в небольшом докладе основные тезисы декларации, которые, правда, встретили здесь со стороны некоторых товарищей резкий отпор. Декларация эта об'явлена антиапртийным документом. Прежде всего напомню, что эта декларация прошла через ряд инстанций.

И вот вы теперь выходите и заявляете, что документ, прошедший через правление Института философии, через правление ОВМД, через специальную комиссию из 10 человек и т. д., что это антипартийный документ. При чем никаких конкретных указаний нет, а есть огульное обвинение. Это несерьезно. При таких условиях, товарищи, невозможна совместная работа.

Вы что хотите? Вы будете копаться в том, что в каких-то черновых проектах не было совершенных формулировок. Но разве у нас были разногласия относительно формулировок этих?

Тов. Лепешинский также принимал участие в этой работе, он подтвердил, что все наши проекты принимались за основу, не было принципиальных разногласий. Вносились лишь те или иные частные поправки, которые часто без обсуждения даже принимались. Как же иначе возможна коллективная работа? Говорят о руководстве и ругают его последними словами. Но кто такие «руководство», товарищи? Все документы политической важности проходят через коллективы в 2—3 десятка человек. Единоличного или кабинетного руководства нет. Идеальный документ вряд ли возможен. Конечно, он может быть лучше отточен, лучше сформулирован, против этого я не спорю. Совершенства нет, и мы дали то, что могли и теперь ставим на обсуждение этого большого коллектива.

Против нас выдвигают обвинение, что самокритики нет, что руководство узкое. Как же узкое, когда мы выносим на ваше обсуждение, на ваше рассмотрение этот документ? Так что я должен совершенно отмести эти обвинения.

Так вот те основные моменты, которые выдвигаются этим поворотом. Товарищи, для меня это не ново. Ведь я уже указывал на то, что еще 4 года тому назад я постоянно твердил о необходимости изучения закономерностей переходного периода. Точно также я в 1926 году указывал и подчеркивал, что основная задача нашей эпохи сводится к применению материалистической диалектики ко всем жгучим проблемам современности в области общественной жизни, которая ставит перед нами совершенно новые задачи. Уже тогда я указывал, что необходимо серьезно заняться изучением проблем нашей революции, диктатуры пролетариата, нашего хозяйственного строительства, политики и тактики рабочего класса. Не буду приводить цитат. Они вам известны. Это еще в 1926 году. Но, конечно, если вы пред'являете, чтобы я лично или те 3—4 товарища, которые работают, оплатили по этим векселям, то мы окажемся «банкротами», потому что с нас достаточно того, что мы делаем. Мы не можем больше делать при нашей перегруженности и при наличии тонкого слоя кадров.

Вы не можете говорить, что мы уходили от практической жизни в свои кабинеты. Хорошими мы были бы коммунистами и хорошими марксистами, если бы уходили в кабинеты, если бы отходили от конкретных задач, которые выдвигаются нашей революцией. Но теперь, на данном этапе, как я уже говорил в своем докладе, все эти задачи ставятся особенно остро, и в этом заключается смысл и сущность поворота. В этом именно, т.-е. в осмысливании, в теоретической разработке всех этих проблем, — это узловой пункт поворота. Я в своих семинарах, — пусть товарищи, которые знают, подтвердят, в начале учебного года выработал программу об актуальных проблемах переходного периода.

Выработал программу, имеющую отношение исключительно к проблемам, стоящим в порядке дня нынешнего этапа нашей революции, роздал темы. И что же, товарищи, которые нас здесь критиковали, написали ли хоть одну работу, одну статью? Нет. Этого не было, так как они заняты более легким

делом: они нас ругают, критикуют, но делом не занимаются. Философское «руководство», по вашему мнению, состоит из 3—4 человек, смешно было бы говорить о том, что оно может само справиться с теми огромными, колоссальными задачами, которые перед нами стоят. Поэтому мы зовем весь коллектив на работу. Вот как стоит вопрос.

Не имея возможности более подробно останавливаться на этом вопросе, я резюмирую. Какова должна быть наша платформа сейчас? Я уже говорил: прежде всего, в центре внимания, в центре особо жгучего интереса и внимания должны стоять проблемы непосредственного социалистического строительства в том разрезе, о котором я уже говорил. Это центральное, и этим характеризуется и обусловливается поворот. Я уже заявлял, вслед за тов. Сталиным, прошлый раз, что теоретическая мысль отстает до известной степени и у нас (поскольку речь идет об истмате) от тех практических политических задач, которые ставятся развитием нашей революции. В других отношениях мы подвинулись далеко вперед. Этого тоже не надо забывать. Что же касается специально исторического материализма, то я неоднократно предостерегал, что мы на этом участке отстаем, но дело двигалось до сих пор туго. Но теперь особенно остро ставятся все эти проблемы потому, что мы вступили в новый этап, который заставляет нас уже по-новому, по-иному подойти к целому ряду проблем, изучение которых должно также помочь нам в практической работе.

Но значит ли это, как здесь говорили, что мы должны отказаться от тех задач, которые стояли перед нами на предыдущем этапе? Нет, я считаю, что мы не можем отказаться от тех задач, которые стоят и которые завещаны Лениным. Завещание Ленина ведь остается в силе. Я считаю нашей обязанностью разрабатывать материалистическую диалектику. В этом отношении изучение диалектики переходного времени может и должно быть увязано с разработкой теории материалистической диалектики.

Мы не можем, далее, отказаться от той работы, которая ведется нами в области методологии естествознания. Естествознание имеет для нас огромное значение. Должен напомнить высказывание Энгельса о связи естествознания с коммунистическим переворотом: при переходе к коммунизму, после социалистической революции, — говорит Энгельс, — естествознание приобретает совершенно другой смысл и другой характер. Согласно Марксу и Энгельсу при коммунизме происходит известный процесс сближения естествознания с обществознанием. Можем ли запустить этот участок? Разумеется, нет. Мы должны продолжать ту работу, которую делали до сих пор, работу по подведению марксистского диалектико-материалистического фундамента под современное естествознание, что даст новый толчек развитию естествознания.

Дальше на очереди продолжение и усиление борьбы со всеми враждебными идеологиями и в первую очередь с социал-демократической идеологией. И здесь мы кое-что сделали, но недостаточно, и это мы признали. Но разве я не призывал товарищей образовать специальный семинар для создания книги «Анти-Каутский», в которой предполагал подвергнуть «Материалистическое понимание» Каутского разрушительной критике? Из этого дела ничего не вышло, и я считаю, что это остается еще нашей задачей. Кое-что было сделано в семинаре т. Луппола. Но ведь только кое-что! А нужно было взять «Материалистическое понимание истории» Каутского и проблему за проблемой подвергнуть с точки зрения марксизма-ленинизма жесточайшему разгрому. Я мечтал о том, что такая работа будет переведена на иностранные языки и что это поможет нашим братским партиям, я мечтал об

этом, но из этого ничего не вышло, потому что у нас нет работников. Посадил я на эту работу т. Фурщика, но он, как вы знаете, счел нужным пойти по иному пути.

Остается ли на данном этапе механистическая опасность главной опасностью? Я говорил об этом в своем докладе и считаю необходимым еще раз подчеркнуть со всей силой, что механистическая концепция до сих пор остается главной опасностью, и с ней, я считаю, мы должны в дальнейшем бороться, продолжать, углублять нашу борьбу. Но вместе с тем, как мною было сказано, мы должны бороться и с теми уклонами, которые намечаются в нашей собственной среде.

С места: Правильно.

Деборин: Я имею в виду формалистические тенденции Дмитриева, отдельные ошибки других товарищей и т. п.

Несколько слов о массовой работе. Конечно, и здесь нужно еще раз в порядке самокритики сказать, что массовая работа у нас недостаточна, что у нас нет популярной литературы. Но мы неоднократно этот вопрос ставили, вырабатывали программу, раздавали темы, но не получили ни одной работы. Эта работа продолжается уже $1\frac{1}{2}$ — 2 года. Ни одной работы я не получил, хотя, кажется, если не ошибаюсь, и т. Дмитриеву была поручена работа.

Дмитриев: Я отказался от нее.

Деборин: Вы слышите, он отказался от нее. Было предложено,— но отказался, потому, что это ниже его достоинства. Тут говорили, чтобы Деборин писал популярные книжки. Я не считаю ниже своего достоинства писать популярные работы для рабочих, работать для партактива. Я охотно это делал, я охотно буду это делать, если только время позволит. Я не поступаю так, как те преподаватели в ИКП, которые хорошо выступают в полемике на общих собраниях, но считают ниже своего достоинства преподавать на подготовительном отделении и хотят непременно на основном отделении. А я говорю: товарищи, я пойду на подготовительное отделение и буду работать с рабочими, а вы идите на основное отделение. (Аплодисменты). Вот как обстоит дело.

Голос: Кто это?

Деборин. Кто это? Фурщик. У нас с Фурщиком вышел конфликт на этой почве. Тов. Лупнол подтвердит. Я тогда говорил: давайте обменяемся. Я с величайшим удовольствием буду заниматься на подготовительном отделении, а вы идите на 4-й или 3-й курс.

С места: А его туда не пустят.

Деборин: Как же не пустите, вы же его выдвигаете

Далее, необходимо, чтобы мы продолжали работу по борьбе с теоретическими основами правого уклона, который является еще и теперь в партии главной опасностью, то же самое, как мы должны, и я это определенно подчеркнул, вести работу в области критики троцкизма. До сих пор она велась совершенно недостаточно.

С места: Правильно.

Деборин: Антирелигиозная пропаганда. Я в своем докладе уже говорил о том, что нами было сделано, и что не сделано. Но опять-таки те товарищи, которые для себя считают ниже своего достоинства этим заниматься, будут «критиковать», но не будут этим заниматься. Но если вы думаете, что 3—4 человека могут все это делать, то, конечно, вы ошибаетесь. Здесь нужна действительно серьезная работа, смычка с Союзом безбожников. У нас имеется специальная комиссия по изданию литературы по этим вопросам. Нами делегированы представители в Союз безбожников.

Разве мы этого не сделали? Но, к сожалению, наш маленький, узкий коллектив не в состоянии справиться со всеми этими задачами.

Что касается нашей международной работы, то здесь дело обстоит очень плохо, а между тем и в этой области нам нужно что-нибудь дать.

Мы затеяли огромное дело: мы мечтаем о создании «марксистской—философской—энциклопедии». Об этом все забыли. Считают, повидимому, что это уже отошло в область предания. А между тем философская энциклопедия была признана, хотя т. Дмитриев считает ее «аристократической затеей», — весьма важным делом. Ведь мы предполагаем дать нечто в роде «системы» марксизма, с учетом всех завоеваний науки и общественной, революционной практики. Мы привлекли к этому делу всех товарищей, работающих в области философии марксизма. Для всякого ясно, что не может быть хорошей популярной литературы там, где нет научной разработки проблем. Но помощи в этом деле мы ни от кого не имеем, и у нас забирают последних работников.

После II конференции мы обратились с призывом ко всем философам заняться конкретными проблемами; мы говорили: теперь наступил новый период, теперь недостаточно писать статьи о диалектике вообще, а нужно итти в конкретные науки, надо специализироваться, надо применять свой метод в конкретных науках. И поэтому не должно быть ни одного философа вообще, а должны быть философы специалисты в той или другой конкретной области, где они действительно могли бы что-нибудь сделать. Мы к этому призывали, и это остается и по сей день одной из основных задач.

Два слова по вопросу о подборе кадров. Здесь т. Дмитриев, который всегда любит выступать с обвинениями без всякой аргументации, заявляет: подбор кадров, видите ли, плохо поставлен, беспартийные сидят и т. д. Да, верно, беспартийные сидят. В Институте философии есть и беспартийные, верно. Но ведь и Дмитриев там сидит. Что он сделал для Института? Ничего. Мы ведь постоянно обращаемся к партийным органам с просьбой дать нам работников. Мы готовы сегодня же заменить всех беспартийных партийными работниками, но дайте их нам. Разве мы не обращались и не обращаемся с просьбой, с требованием дать нам коммунистов? Постоянно. Но не получаем работников, нам их не дают. У нас даже забирают старых работников. И поэтому, чтобы была возможна хоть какая-нибудь работа, хотя бы техническая работа, приходится прибегать к помощи беспартийных. Кроме того, это имеет еще свою историю, и истории, как известно, диалектики «особого толка» совершенно не понимают. С кадрами безусловно дело обстоит неблагополучно, — кто об этом не знает, об этом со всех крыш чирикают все воробьи. Это одно из самых трудных, одно из самых больных наших мест. Конечно, нужно в 10 или 20 или в 50 раз увеличить кадры, и, конечно, основная задача, это подобрать рабочих и воспитать их. Здесь совершенно правильно говорил т. Смирнов, тоже рабочий, что критика должна быть конкретной, и тогда она поможет действительно воспитать кадры. Это верно, нам нужно создать рабочие кадры. К сожалению, пока мы имеем только единицы, и в этом отношении нужно употребить героические усилия, чтобы возможен был настоящий серьезный перелом. Так обстоит дело с кадрами.

Тут говорилось о философском руководстве. Как вам очень хорошо известно из истории, бывают исторические периоды, когда старое руководство оказывается неспособным понять смысл нового исторического этапа, новой исторической эпохи, и тогда это руководство должно быть снято. Это бывает. И поэтому странно было бы нам, материалистам-диалектикам, обижаться, если бы вопрос стоял таким образом. Я уже раньше го-

ворил, что если действительно философское руководство не способно вести дальше наш корабль, если нужно новое руководство, — пожалуйста, выдвиньте его, дайте ваше руководство, посмотрим. Но ведь вы же не противопоставили нам ничего существенного, помимо тех положений, которые мы развивали здесь перед вами, помимо тех общих принципиальных установок, которые мы же вам дали и которые вы признаете, у вас ничего нет. Так что, если бы дело обстояло таким образом, конечно, надо было бы снять и поставить других людей. Но пока что из всего того, что выяснилось здесь перед нами, дело в этом отношении обстоит совсем не так. Нам, с одной стороны, говорили: нет, мы не против руководства, мы против разгрома руководства, но с другой стороны, все усилия ряда товарищей были направлены к тому, чтобы дискредитировать руководство. Своей же линии, платформы, о которой можно было бы говорить всерьез, у них нет. Так чего же они хотят и к чему стремятся?

Поэтому, заканчивая свое заключительное слово, я заявляю: мы стоим перед большими трудностями, я это заранее говорю.

Я знаю те колоссальные задачи, которые перед нами стоят, знаю, что требуются огромные усилия, чтобы их действительно осуществить. Знаю, что для этого необходима серьезная совместная товарищеская работа,— знаю это, но сознаюсь, видя те настроения, которые создались за последнее время, и оценивая то, что произошло перед моими глазами, я предвижу, что предстоят большие трудности.

Все намеченные задачи, повторяю еще раз и еще раз, возможно будет осуществить только коллективными силами и при дружной товарищеской атмосфере. Но атмосфера портится... Если мы коллективными силами пойдем по нашему пути, то, несмотря на то, что на нем имеются большие трудности, я убежден, что мы и здесь придем к новым успехам, которые, конечно, связаны теснейшим образом с успехами социалистического строительства в целом.

О XII Ленинском Сборнике[1]).

Ник. Карев.

I.

Материалы XII Ленинского Сборника являются непосредственным продолжением ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля, опубликованных в IX Сборнике. Они включают конспекты Ленина: «Истории философии» и «Философии истории» Гегеля, лекций о сущности религии и работы о Лейбнице Л. Фейербаха, «Святого семейства» Маркса, книги Лассаля о Гераклите, «Метафизики» Аристотеля, сочинений о войне Клаузевица и целого ряда других работ по философии и естествознанию.

Рассмотреть в одной статье колоссальное богатство идей, развиваемых Лениным в этих конспектах, конечно, совершенно невозможно. Сборник дает огромной важности материал для характеристики самых различных сторон ленинского учения и ленинского гения. Вместе с IX Ленинским Сборником он определяет собой новый этап в разработке философских основ марксизма. Задачей этой статьи является лишь обратить внимание на некоторые существенные указания Ленина в сборнике, дающие новое для решения для важнейших проблем теории материалистической диалектики.

В качестве введения необходимо остановиться в связи с содержанием Сборника хотя бы в нескольких словах на ленинском понимании марксизма вообще и роли философии в нем. Как и все в мире, марксизм также имеет свою историю. Она же, подчиняясь в своем развитии диалектическим законам, идет не по прямой линии, а как бы по спирали. В особенности это очевидно на примере судеб философии в истории марксизма. В эпоху II Интернационала до 1910—1914 гг., на ряду с обогащением опыта рабочего класса в ряде областей классовой борьбы и гигантского роста его массовых организаций, развитие революционной марксистской теории шло весьма своеобразным путем. Своеобразное положение марксистской теории в эпоху II Интернационала очень рельефно может быть показано на примере судьбы философии в эту эпоху. В целом ряде руководящих партий II Интернационала, у целого ряда руководящих его теоретиков, философия была на задворках. Отношение к теории материалистической диалектики являлось для теоретиков II Интернационала сплошь и рядом точным показателем их действительной революционности. Наибольшее значение в эпоху II Интернационала вопросам философии придавалось в русском марксизме. Но именно в России, стране с наиболее остро выраженной в это время революционной ситуацией, наиболее сильно было ортодоксальное, революционное понимание учения Маркса, именно на ее почве впервые выступил на историческую сцену боль-

---

[1]) Статья представляет исправленную стенограмму доклада, сделанного в Институте философии Коммунистической Академии 8 мая с. г.

шевизм. Весьма поучительно сопоставить то место, которое занимала философия у наиболее крупных представителей II Интернационала—даже таких, как Каутский и Плеханов, с тем местом, которое она занимала у Ленина. Что касается К. Каутского и того места, которое он занимает в истории марксизма, то, конечно, было бы грубой ошибкой рассматривать Каутского во все периоды его жизни, как нечто неизменное [1]), как человека, который никогда не имел никакого отношения к революционному рабочему движению. Однако даже в лучшие годы своей жизни, скажем, в период «Анти-Бернштейна», полемики с Б. Баксом, статьи «Славяне и революция», работы о движущих силах русской революции 1905 г., несмотря на то, что в этих работах Каутский подчас давал недурные примеры применения исторического материализма к отдельным конкретным историческим вопросам, он, однако, никогда не понимал решающего значения идеи диктатуры пролетариата в теории классовой борьбы Маркса и **никогда не был последовательным диалектическим материалистом.** Отношение Каутского к философии лучше всего характеризуется цитатой из Фихте, приведенной в письме к нему Плеханова в 90-х гг. прошлого столетия: «Каков человек, такова и его философия».

Киселеобразная, примиренческая в отношении к ревизионизму, центристская позиция Каутского в области теории нашла свое выражение еще в полемике с Бернштейном и в отношении к **философскому** ревизионизму. В то время как Плеханов, критиковавший ревизионистов в эту эпоху резче всех теоретиков II Интернационала, напирал на философию, Каутский отговаривался тем, что в отношении философии бернштейнианство беспокоит его меньше всего, и «в крайнем случае» он готов примириться с дополнением Маркса и Кантом, и Махом. Таким образом в области философии Каутский никогда не был не только **воинствующим** диалектическим материалистом, но и сколь-нибудь последовательным сторонником марксовского мировоззрения вообще. Отождествлять в этом отношении Каутского и Плеханова было бы вопиющим нарушением исторической перспективы. Плеханов никогда не стоял в отношении к философии на точке зрения Каутского. Борьбу с ревизионизмом в лучшие годы своей жизни Плеханов вел также не по Каутскому. Именно Плеханов был тем человеком, который первый требовал во

---

[1]) Каутский ныне пытается доказать, что он всегда говорил то же самое, что он расписывает теперь в полных ядовитой слюны статьях против революционного пролетариата. Этим он надеется опровергнуть обвинения со стороны Ленина и большевиков в ренегатстве. Напрасный труд! Клейма, наложенного Лениным, Каутскому не смыть ничем, какое бы количество грязной воды ни изливал он во всех своих статьях и книгах в наше время. Нет, однако, ничего удивительного в том, что ультра-«левый» К. Корш в своей критике «Материалистического понимания истории» К. Каутского по сути дела солидаризируется с ним в этом пункте, также заявляя, что Ленин неправильно назвал Каутского ренегатом, так как де Каутский всегда был одним и тем же. Впрочем, у Корша есть при этом «своя» цель. Согласно ура-«революционным» воззрениям Корша Ленин потому считает Каутского ренегатом, что он сам никогда не был свободен от остатков каутскианского центризма. Зато вот Троцкий, по мнению Корша, правильно определил сущность и историческую роль воззрений Каутского! Уж не потому ли, что Троцкий сейчас в ряде пунктов действительно благополучно возвращается к Каутскому?

Несомненно, что даже в самых лучших работах Каутского периода борьбы с ревизионизмом мы можем и должны отмечать отступления от последовательного проведения взглядов революционного марксизма и вскрывать таким образом зародыши его позднейшего предательства. Без выполнения этой задачи нельзя по-настоящему понять судьбу марксизма в эпоху II Интернационала, то, каким образом был «подготовлен» Каутский последних двух десятилетий. Эта критика может быть прекрасным средством воспитания **непримиримости** ко всем, даже малейшим отступлениям от метода Маркса. Но столь же неправильно было бы подвергнуть ревизии взгляды Ленина по этому поводу, записаться в агенты Корша и выдать К. Каутскому свидетельство в идейной последовательности и непорочности.

II Интернационале исключения Бернштейна из партии. Известны заслуги, которые он имеет в борьбе против махизма, неокантианства и т. д.

Ленин указывал в 1921 г., что работы Плеханова в области философии представляют лучшее в международной литературе марксизма и нельзя быть настоящим коммунистом, н е и з у ч и в их. Однако, на ряду с этим, даже у Плеханова мы теперь можем отметить некоторое отличие от того подхода к философским проблемам, который мы встречаем у Ленина.

С одной стороны это отличие заключалось в том, что у Плеханова, несмотря на то, что он придавал философии огромное значение и в лучшие годы своей борьбы с ревизионизмом защищал ее очень решительно против всяких «критиков», не нашла все же столь яркого выражения идея п а р т и й н о с т и в ф и л о с о ф и и, как это имело место у Ленина.

Идея партийности в философии, далее—непосредственного соприкосновения между философией и политической борьбой, непосредственного перехода философии в политическую борьбу и политической борьбы в философию,—это у Плеханова не нашло такого яркого выражения, как у Маркса, Энгельса и Ленина.

В этом пункте характерно отношение в кругах, близких к Плеханову, к тому типу борьбы за диалектический материализм и постановке проблемы связи философии с политической борьбой, какие имели место у Ленина. Иногда эпигоны, выхватывая и раздувая некоторые слабые места во взглядах учителей, дают ключ к пониманию их действительных недостатков. Если вы возьмете рецензию, которой встретила в свое время Л. Аксельрод «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, — вы увидите, насколько далека она была от уразумения ленинской идеи партийности в философии. Конечно, Плеханов—не Л. Аксельрод. «Воинствующий материализм» его писания против Богданова известен. Но Ленин все же говорил «п о - с в о е м у», и люди, близкие к Плеханову, явно не понимали, что это «свое», ленинское, есть новое с л о в о в развитии марксистской философии, в частности и по линии установления глубочайшей внутренней связи между философией и революцией, указанной еще молодым Марксом.

На ряду с этим у Плеханова был и другой фундаментальной важности недостаток. Стоя целиком и полностью на позициях диалектического материализма, прекрасно понимая, что только диалектический материализм дает действительно ответы на все те вопросы, которые ставит современное знание, Плеханов, однако, разработку самой теории материалистической д и а л е к т и к и, как на это неоднократно указывал Ленин, оставил на заднем плане. Плеханов и Ленин в этом отношении представляли не разные эпохи в рабочем движении, а р а з л и ч н ы е с т р у и в нем, в марксизме — различную глубину его понимания. И чем больше Плеханов отходил от революционных позиций, тем больше он отходил и от диалектического материализма. В этом отношении чрезвычайно показательно приближение Плеханова к взглядам Канта в области этики во время мировой войны [1]).

---

[1]) Параллельно этому можно было бы показать эволюцию Плеханова и в понимании исторического материализма от «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и критики Струве через «Основные вопросы марксизма» до «Истории русской общественной мысли». В этой эволюции, неразрывно связанной с политической эволюцией Плеханова к меньшевизму и социал-шовинизму, все более и более стушевывалось решающее значение идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата в марксизме и выступало на первый план механическое понимание общественного развития, согласно которому уровень развития производительных сил, сведенных в конечном счете к уровню развития техники, в к а ж д ы й данный м о м е н т н е п о с р е д с т в е н н о обуславливает весь ход исторического процесса. Но это—тема, требующая особого рассмотрения.

Ленин представляет собою в эпоху II Интернационала единственного теоретика рабочего класса, который в отношении философии занимал целиком и полностью ту же самую позицию, которую занимали в свое время Маркс и Энгельс. Ленину мы обязаны прежде всего чрезвычайным подчеркиванием идеи партийности в философии. С другой стороны Ленин понял лучше, чем кто бы то ни был до него, то место, которое занимала философия и в системе марксизма, и в генезисе его. Достаточно указать на то значение, которое он придавал философии, указывая, что только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из того духовного рабства, в котором до тех пор прозябали все угнетенные классы. Достаточно указать, как систематически Ленин подчеркивал то решающее значение, которое для марксизма в целом имеет материалистическая диалектика.

Можно сказать, что по отношению ко II Интернационалу мы имеем у Ленина некоторую новую ступень в понимании самого содержания учения Маркса и Энгельса, новую ступень в понимании соотношения между различными сторонами марксизма, в понимании того значения, которое играла философия в деле подготовки учения Маркса и синтетическом охвате на основе его всей совокупности человеческого знания. В этом отношении Ленин, опираясь на глубокое проникновение в самую суть марксизма, гениально предвосхитил то, что дает в настоящее время только после революции появившийся материал, касающийся развития и применения учения Маркса. Я имею в виду так наз. подготовительные работы Маркса к «Св. семейству» «Критику гегелевской философии права» и «Диалектику природы» Энгельса. Ленин, не располагая этим ценнейшим материалом, который проливает новый свет на целый ряд положений марксизма, сумел с гениальным проникновением рассмотреть действительно решающее значение философских предпосылок в подготовке и применении Марксова учения.

Совершенно несомненно, что только подчеркивая решающее значение в марксизме материалистической диалектики, можно было указать большую дорогу развитию марксизма по пути подчинения ему всего человеческого знания. Против профессорско-либерально-позитивистского понимания марксизма, которое ограничивало до чрезвычайности тот круг вопросов, который охватывал марксизм, — Ленин выдвинул со всей силой необходимость подчеркнуть универсальное значение метода марксизма. Это было необходимо для того, чтобы поставить задачу подчинения марксизму всей совокупности современного знания, в том числе и естествознания, и всех вопросов стратегии и тактики рабочего движения. Само собою разумеется, что из того, что философия необходима для правильной тактики и должна осмысливать ее, ее уроки, не следует, что тактику можно заменить философией или философию тактикой. Но внутренняя связь между учением Маркса во всех его частях и его философской основой была выявлена и выражена Лениным так, как никто до него этого не сделал. Материалы XII Ленинского Сборника в этом смысле бросают новый свет на исторический образ Ленина. Они до чрезвычайности интересны в том смысле, что они вскрывают всю многосторонность Ленинского гения, сочетавшуюся с поразительной прозрачностью, целостностью и чутьем действительности как в отношении настоящего, так и в отношении прошлого человеческой истории.

Одновременно, начиная приблизительно с 1913 года, Ленин изучает гегелевскую «Историю философии», делает выписки из книги Клаузевица «О войне», занимается теорией империализма и национальным вопросом, изучает целый ряд новейших работ в области естественных наук, изучает кри-

ж социализма, крах II Интернационала, собирает силы для III Интернационала.

Перед вами гигантский диапазон интересов, одновременный охват самых разнообразных вопросов, которые, однако, все подчинены о д н о й цели, связаны в некотором едином узле, так что ни одна нить не может быть вырвана из этого узла, подчинены одной основной цели: осмыслить решающий кризис в «пред'истории» человеческого общества, начатый мировой войной, несравненным диагностом которого был Ленин. Именно все большее и большее подчеркивание решающего значения материалистической диалектики для понимания этого кризиса мы имеем в это время у Ленина во всех его работах — и в характеристике переписки между Марксом и Энгельсом, и в целом ряде других работ, кончая заметками по поводу записок Суханова.

Ленин отмечает словами: «очень умно» то место в «Философии истории» Гегеля, где Гегель замечает, что «народы и правительства ничему не учились из истории: каждое время для этого с л и ш к о м и н д и в и д у а л ь н о». Простое перенесение шаблона одной исторической эпохи на другую ничего не может дать для правильного ориентирования в ней, для правильного понимания задач, которые стоят перед определенными классами в эту историческую эпоху. Но вместе с тем несомненно, что правильно ориентироваться в чрезвычайно сложной и противоречивой обстановке, которая была создана новейшим развитием капитализма и обострялась все больше и больше, — б ы л о в о з м о ж н о л и ш ь т о г д а, к о г д а владеешь л о г и к о й к о н к р е т н о г о п р о т и в о р е ч и в о г о движения. И м е н н о э т у л о г и к у к о н к р е т н о г о п р о т и в о р е ч и в о г о д в и ж е н и я д а в а л а м а т е р и а л и с т и ч е с к а я диалектика. В то время, как д о г м а т и ч е с к а я философия в широком смысле слова (включая Канта) исходила из обособленного суб'екта, сознания вообще, отвлеченного об'екта, вещи в себе вообще или материи вообще, и таких отвлеченных границ познания, — м а р к с и з м и с х о д и т и з предметной м а т е р и а л ь н о й д е я т е л ь н о с т и л ю д е й в е е историческом р а з в и т и и. Поэтому и теория познания строится им совершенно отлично от всей предшествующей философии.

II.

Что дает нам для разрешения проблемы соотношения в марксизме между теорией познания и логикой XII Ленинский Сборник?

Исходным пунктом познания нами окружающего нас внешнего мира является то, что дают нам наши органы чувств. Это неоднократно подчеркивает Ленин, в частности в конспекте лекций о сущности религии Фейербаха. В одном месте Ленин замечает, что «чувственное = первое, само по себе существующее и истинное».

В другом месте там, где Фейербах употребляет как равные друг другу понятия чувственного и физического, Ленин делает замечание: «замечательное приравнение» [1]). Тот факт, что именно чувственный опыт является исходным пунктом познания, имеет чрезвычайно важное значение для построения материалистической теории познания. При этом чувственно-данное рассматривается диалектическим материализмом как нечто такое, что не заключает в себе различия, что представляет собою пассивный материал, с которого начинается активная деятельность сознания, совершенно растворяющийся в ней.

[1]) Само собой разумеется, что и Фейербах, и Ленин понимают здесь чувственное не в махистским, а в материалистическом смысле, как обусловленное независимо от нас существующим внешним миром.

Точка зрения на чувственное, как на нечто совершенно бесформенное и пассивное, нашла наиболее яркое выражение в учении Гегеля и, конечно, совершенно чужда материализму. Ленин подчеркивает целый ряд мест у Фейербаха, в которых Фейербах указывает на то огромное значение, которое чувственный опыт имеет для познания окружающего нас мира. Ленин солидаризируется с тем местом у Фейербаха, где Фейербах говорит, что чувственный опыт достаточен для того, чтобы мы могли познать мир во всей многосторонности.

Фейербах пишет: «У нас нет никакого основания воображать, что если бы человек имел больше чувств или органов, он познавал бы также больше свойств или вещей природы. Во внешнем мире, в неорганической природе их существует не более, чем в органической. У человека как раз столько чувств, сколько именно необходимо, чтобы воспринимать мир в его целостности, в его совокупности».

Ленин замечает по этому поводу: «Если бы человек имел больше чувств, открыл ли бы он больше вещей в мире? Нет» [1]).

«Важно против агностицизма».

Там, где у Фейрбаха говорится относительно того, — не имеет ли место вечный разрыв и противоречие между бытием и мышлением, и там, где Фейербах отвечает на этот вопрос: «Да, лишь в голове, а в действительности это противоречие давно уже разрешено, только, правда, способом, соответственным действительности, а не твоим школьным понятиям, а именно,— разрешено посредством не менее чем пяти чувств», Ленин замечает: «Прелестно сказано» (117).

Чувственный опыт является исходным пунктом в познании именно потому, что в нем дается единство, связь человека и природы, сознания и бытия, суб'екта и об'екта.

Чувства сообщают нам о многообразии предметов природы, независимо от нас существующих, но мы не можем остановиться на пассивном их восприятии. Уже в самой чувственности есть активный момент и вместе с ним подготовляется и обосновывается переход к познанию всеобщего, открытию единства в многообразии.

В этом отношении, вопреки Гегелю, Ленин солидаризируется с теми утверждениями Фейербаха, в которых Фейербах подчеркивает, что, в сущности говоря, в самой чувственности есть некоторые элементы всеобщего, само чувство, реагируя так или иначе на различные предметы окружающего нас мира, подготовляет возможность перехода ко всеобщему в понятии.

Фейербах по поводу одного места у Лейбница в «Новых опытах», что «общность состоит в сходстве единичных предметов между собой и сходство это является реальностью», пишет: «Но разве это сходство не чувственная истина? Разве существа, которых рассудок причисляет к одному классу, к одному роду, не одинаковым образом аффицируют мои органы чувств?.. Разве для моего полового чувства — чувства, которое имеет также огромное теоретическое значение, хотя обыкновенно и оставляется без внимания в учении об органах чувств — нет никакой разницы между женщиной и самкой животного?» И дальше: «В чем же в таком случае заключается различие между рассудком и чувством или способностью к ощущениям? Чувственное восприятие дает предмет, рассудок — название для него. В рассудке нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в рассудке находится лишь номинально, по названию. Рассудок есть высшее существо, правитель мира; но лишь по названию, а не в действительности» (141). Ленин по этому поводу замечает: «Хорошо сказано».

[1]) XII Ленинский Сборник, стр. 103.

Эти положения самым резким образом направлены против гегелевского понимания чувственности и составляют основу для построения материалистической теории познания. Однако, если в самой чувственности подготовляется и обосновывается переход ко всеобщему, и в этом в данной связи отличие материализма от Гегеля, отрывающего их друг от друга, — отсюда вовсе не следует, что можно остановиться на ступени одного чувственного познания.

Ленин указывает, что для того, чтобы познание могло развиваться далее, для того, чтобы познание могло охватить предмет в его истине,—для этого оно на известный момент должно отступить от него, чтобы затем иметь возможность прыгнуть вперед. Ленин выписывает целый ряд мест из Гегеля относительно того, что только знание всеобщего равно знанию необходимого, равно знанию сущности предмета, оно одно только дает возможность выразить закон его движения.

Но если возможность перехода ко всеобщему обоснована и подготовлена еще в чувственном опыте, то свое завершение и возможность безграничного развития этот переход находит лишь в мышлении и языке. Лишь тогда всеобщее в действительности, которое там «облачено в кровь и плоть» (ср. Л. Сб. XII, стр. 237), находит наиболее совершенное выражение. В чувственности уже есть общее, оно улавливается нами, но не может быть выражено и развито соответственно движению общего в самой действительности.

Таким образом, в чем же заключается необходимость перехода от чувственного к мышлению? Переход необходим для адэкватного познания самого конкретного, чувственно данного нам. Только установление всеобщего дает род, необходимость, закон, сущность предмета, так как без него мы не в состоянии постигнуть целого ряда явлений и охватить в единстве историю предмета. Поэтому недостатком всякого сенсуализма и эмпиризма в истории философии являлось отсутствие именно исторической точки зрения. Переход от чувственности к мышлению, от единичного к развитому и осознанному всеобщему, есть именно диалектический переход, который предполагает в одно и то же время и их различие, и их единство.

Однако, именно в необходимости перехода от чувственного ко всеобщему заложена в то же время возможность их разрыва, ведущая к распаду чувственного на изолированные, самостоятельные восприятия, оторванные от внешнего мира, и превращению всеобщего в царство самостоятельных абстрактных сущностей, царство «божественных теней».

Здесь, по Ленину, лежат и логические корни идеализма.

Само собой разумеется, что Ленин не мог, конспектируя гегелевскую историю философии, подробно рассматривать те социальные причины, которые обусловливают собой возникновение идеалистических представлений.

Он интересовался в данном случае именно логическими корнями идеализма. В чем же он их видел?

Решающее значение в этом отношении имеет одно замечание, которое Ленин делает в конспекте «Метафизики» Аристотеля. Об аристотелевской критике пифагорова учения о числах и платоновского учения об идеях Ленин пишет: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и идеи стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь-в-себе»; связь земли и солнца, природы вообще—и закон, логос, бог. Раздвое-

ние познания человека и возможность идеализма (=религии) даны уже в первой, элементарной абстракции («дом» вообще и отдельные дома).

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете=бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии (337—339). Именно в этой возможности разрыва между всеобщим и единичным Ленин и видит возможность обособления продуктов нашего мышления в самостоятельные существа, из которого вырастает идеалистическая точка зрения. То же Ленин подчеркивает неоднократно и в связи с конспектированием Фейербаха. Ссылаясь на одно место из Фейербаха, он указывает:

«Человеку свойственна способность извращать, делать самостоятельными абстракции, — например, время и пространство» (99). В другом месте он пишет: «Глубоко верно!» по поводу следующего замечания Фейербаха:

«Человек отделяет в мышлении прилагательное от существительного, свойство от сущности... И метафизический бог есть не что иное, как краткий перечень, или совокупность наиболее общих свойств, извлеченных из природы, которую однако человек посредством силы воображения, именно таким отделением от чувственного существа, от материи природы, снова превращает в самостоятельного суб'екта или существо» (117). Поэтому же Ленин отмечает существенное для основ философского материализма замечание Фейербаха, что «познание существенного, нестираемого различия между мышлением и жизнью (или действительностью) есть начало всякой премудрости в мышлении и в жизни» (121). Но вместе с тем эта премудрость превращается в ложь, если мы не будем видеть их единства и возможности соответствия. Кто отождествляет всеобщее в понятии с действительностью— тот идеалист. Кто их абсолютно разрывает — тот метафизик. Неумение вскрыть истинное значение всеобщего, общих понятий — основа основ всех бед метафизического материализма.

Именно потому, что метафизический материализм не в состоянии был по-настоящему обосновать необходимость внутренних связей действительности, а ее со всей силой подчеркивал и развивал идеализм, именно за это, как говорит Ленин, в одном месте, ценили классики идеализм (ср. стр. 259).

В другом месте, разбирая Гегелевскую критику материализма, Ленин указывает:

«Гегель серьезно «верил», думал, что материализм, как философия, невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об общем, а общее есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого суб'ективного идеализма, который он всегда называл «дурным» идеализмом. Об'ективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел вплотную к материализму, частью даже превратился в него...» (225).

В этой же связи Ленин пишет в другом месте: «Сторонник диалектики Гегель не сумел понять диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика» (235). И сбоку замечает: «диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли и т. д.».

Значит, именно в умении преодолеть противоположность между всеобщим и единичным, именно в умении показать и с т о ч н и к и основание, прообраз всеобщего в действительности, вскрыть д и а л е к т и ч е с к и й процесс познания, именно в этом заключалось то решение этой чрезвычайно важной философской проблемы, которое дал диалектический материализм и которое р а з и н а в с е г д а в ы р в а л о т е о р е т и ч е с к у ю п о ч в у из-под в с я к о г о и д е а л и з м а. Поэтому Ленин подчеркивает со всей силой против Гегеля, что «необходимость понятия» ни капли не уничтожается учением об и с т о ч н и к е познания и понятия. Утверждение противного есть к л е в е т а на материализм. В другом месте Ленин пишет, что источник познания, его «первое начало» забыто и извращено идеализмом. А д и а л е к т и ч е с к и й материализм один с в я з а л «начало» с продолжением и концом (251). В этом именно заключалась величайшая заслуга теории познания диалектического материализма.

Наконец, по поводу слов Гегеля, что спекулятивное понятие есть эмпирическое, постигнутое в его синтезе, Ленин напоминает слова Фейербаха о том, что «евангелие чувств читать в связи = мыслить» и замечает: «Совпадение понятий с «синтезом», суммой, сводкой эмпирии, ощущений, чувств н е с о м н е н н о для философов в с е х направлений. О т к у д а это совпадение? От бога (я, идея, мысль и т. д. и т. д.) или от (из) природы? Энгельс прав в своей постановке вопроса» (239).

Что же представляет собой то общее, что создается нашим мышлением в процессе познания окружающего нас мира? Это общее никогда не может рассматриваться как разом, непосредственно данный нам абсолютно завершенный и точный слепок с действительности. Оно всегда неполно, противоречиво, представляет собой приблизительное отражение тех связей и переходов в действительности, которые мы открываем в природе по мере углубления познания ее. «Значение общего, — пишет Ленин,—противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно и т. д. и т. п., но оно только и есть с т у п е н ь к познанию к о н к р е т н о г о, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Б е с к о н е ч н а я сумма общих понятий, законов и т. д. дает к о н к р е т н о е в его полноте» (229). Категории логики — с т у п е н ь к и нашего углубления в познание природы, м о м е н т ы познания человеком природы.

Это — узловые пункты в сети охвата нами явлений природы, об'ективное значение которых проверяется и подтверждается п р а к т и к о й, свидетельствующей своими успехами при употреблении этих категорий, что они действительно выражают одну из сторон реального.

В философии, в ее методе, в логике осознаются в ц е л о м категории, которые открыты человечеством на данной ступени его исторического развития. П о э т о м у с о о т н о ш е н и е л о г и ч е с к и х к а т е г о р и й о т р а ж а е т п р о ц е с с у г л у б л е н и я п о з н а н и я в о б ' е к т и в о с п р о и з в о д с т в а в н у т р е н н и х с в я з е й э т о г о о б ' е к т а.

Само познание при этом должно быть понято н е к а к п о з н а н и е а б с т р а к т н ы м ч е л о в е к о м а б с т р а к т н о г о о б ' е к т а, а как п р о ц е с с познания р е а л ь н о г о и с т о р и ч е с к о г о с у б ' е к т а, о п и р а ю щ е г о с я н а в с ю с о в о к у п н о с т ь е г о т р у д о в о й д е я т е л ь н о с т и. Орудия труда, движение общественных отношений и орудия познания находятся в глубокой внутренней связи друг с другом.

Теория познания должна показать, как возникает и развивается знание.

Но категории логики и дают картину реального, исторического движения познания в е г о н а и б о л е е ч и с т о м в и д е. Поэтому категории логики нельзя отрывать от общественно-исторического процесса практической деятельности людей и превращать их по-гегелевски в абсолют,

а теорию познания нельзя по-кантовски рассматривать независимо от диалектики его реального исторического движения.

Поэтому диалектика и теория познания в марксизме непосредственно соединяются одна с другой.

Диалектика изучает общие законы развития, формы связи, переходов и опосредствования в природе, обществе и человеческом мышлении. Так как ее категории — ступеньки углубления в познание природы, их об'ективное значение опирается на практику, необходимо входящую поэтому в теорию диалектики. Внутри логики в переходах от одной категории к другой постоянно приходится прибегать к помощи практики. Так, переход от суждения всякости к суждению необходимости, от индуктивного умозаключения, опирающегося на аналогию, к умозаключению необходимости, от эмпирических умозаключений и гипотезы к закону по сути дела возможен только опираясь на критерий практики.

III.

Ленин придавал особенное значение в теории материалистической диалектики закону единства противоположностей. С бо́льшей силой, чем кто бы то ни было до него, Ленин подчеркнул, что закон единства противоположностей является основным законом диалектики. В XII Ленинском Сборнике мы находим в этом отношении целый ряд чрезвычайно важных дополнений к тем фундаментальным положениям, которые уже известны из IX Ленинского Сборника.

Прежде всего Ленин указывает на связь, которая существует между диалектикой и идеей развития. Он показывает, что последовательное проведение точки зрения развития возможно лишь на основе диалектического понимания мира и познания.

В конспекте «Истории философии» Гегеля, говоря об элеатской школе, Ленин делает следующее замечание: «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XIX века) «согласны все».— Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть того рода согласие, которым душат и опошляют истину.—Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, увеличение (соответственно уменьшение) и т. д. Раз так, то, во-вторых, надо точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы. А, во-вторых, если все развивается, то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая об'ективное значение. Кроме того, всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.» (185—187).

Значит, сущность диалектического метода определяется таким образом, что, применяя его, необходимо постоянно иметь в виду развитие изучаемого предмета, его самодвижение, которое, однако, неразрывно связано со всем остальным миром, составляет момент в единстве мира. Сама материя вечно развивается, представляя собой единство в развитии и развитие в единстве. Но что же представляет собой само развитие предмета, каков его источник, принцип движения? Как постигнуть и выразить его? Чтобы определить предмет, мы должны вырвать его из всеобщей связи природы и противопоставить ему другой предмет. Чтобы понять само движение предмета, мы должны вскрыть в нем самом источник его отрицания.

Как известно, еще Спиноза говорил, что всякое определение есть отрицание. Это нужно понимать не только в том смысле, что всякое определение, выделяя данный предмет, отрицает тем самым другие определения

ля него, а в том более глубоком смысле, что истинное определение предмета необходимо предполагает указание на противоположный ему предмет в рамках данного единства. Пролетариат получает свое истинное определение в противопоставлении буржуазии, живое — неживому, положительное электричество — отрицательному, причина — действию, качество — количеству. Но диалектика не останавливается на этом противопоставлении, а требует затем рассмотрения развития и перехода друг в друга данных противоположностей. И, только вскрыв эти противоположности, можно понять их реальную связь в движении предметов, открыть закон самого движения. Говоря об элеатской школе, Ленин делает следующее замечание о диалектике: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как выразить его в логике понятий», и по этому поводу дальше пишет,— мне кажется, что это замечание представляется чрезвычайно важным для понимания самой сущности диалектики: — «мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (193).

Единство противоположностей, их борьба и переход одной в другую есть не нечто внешнее для каждой противоположности, а есть ее соотношение со «своим» «другим», «развитие в свою противоположность» (199).

Наличное во всех предметах и явлениях действительности единство противоположностей обуславливает и особый характер диалектических переходов. «Чем отличается,— спрашивает Ленин,— диалектический переход от недиалектического? — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» (237).

На первый взгляд кажется, что идея единства, даже тождества бытия и небытия является чисто-мистической идеей. Однако Ленин неоднократно к ней возвращается. Там, где Гегель, излагая взгляды софиста Горгия, пишет, что Горгий сознает, что бытие и небытие «исчезающие моменты» в их взаимоуничтожении, Ленин замечает: «Это — прекрасное определение диалектики» (217). Почему? Потому, что диалектическое движение предполагает постоянное единство возникновения и уничтожения, появления нового и исчезновения старого. Абстрактное бытие есть лишь момент во всеобщем течении вещей. На точке зрения самого себе равного, абстрактного бытия стояли элеаты, доведшие поэтому метафизическое понимание мира до его самого крайнего выражения (именно поэтому они и дали такой толчок развитию диалектического мышления).

Ошибка Гегеля заключалась в том, что, определяя движение, становление, как единство бытия и небытия, он признавал, вопреки требованиям диалектического метода, творение из ничего, насильственно раз'единяя эти данные всегда в противоречивом единстве моменты. В действительности мы всегда имеем движение не от ничего, а от чего-либо, так как материя вечна. Но она вечна не как нечто неизменное, а как вечный процесс смены своих форм движения, в котором всегда сплетаются их «рождение» и «смерть». Исчезновение представляет переход от бытия к небытию данной формы, к скачку при превращении ее в иное; возникновение представляет переход от небытия к бытию, возникновение нового на основе предшествующего развития. Если бы в этом смысле не было бы перехода небытия в бытие и обратно — под солнцем не возникало бы ничего нового и мир не очищался бы от старых форм. Всякое движение заключает в себе и момент бытия и момент небытия, так

как в нем всегда происходит возникновение и уничтожение, так как ни один предмет, не остается неизменным.

Однако этим еще не исчерпывается характеристика диалектического движения. Движение конкретного предмета представляет собой единство бытия и небытия, как «исчезающих моментов».

Это движение есть процесс возникновения в природе внутренних различий, переходящих в противоположность, борьба этих противоположностей, развивающаяся в определенных условиях связи предмета со всем окружающим его миром. Но так как противоположности, развертывающиеся в движении предмета, не остаются неизменными, а взаимно переходят друг в друга, «снимают» друг друга, и противоречие «разрешается», то поэтому движение предмета ведет не только к его отрицанию, но и к отрицанию этого отрицания, к утверждению нового единства на основе «снятия» старой противоположности. Поэтому, образно говоря, этот процесс неизбежно имеет в своем развитом виде как бы характер движения по спирали, с возвратом к исходному пункту, обогащенному всем предшествующим процессом. Поэтому указанные Энгельсом три основных закона диалектики необходимо предполагают и обуславливают друг друга. Раздвоение единого ведет к борьбе противоположностей и их взаимному проникновению, неразрывно связанному со скачками, возникновением нового, а новое единство означает отрицание отрицания старого, новый исходный пункт нового движения. В связи с этим Ленин делает, конспектируя книгу Лассаля о Гераклите, следующее глубокое замечание: «Движение и становление, вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту и тогда такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека — все это вбивало человечеству в головы не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т.-е. диалектического движения» (301).

В этом диалектическом движении преходящи не только явления, отдельные стороны предмета, но и сущности вещей также. «Диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» (183).

В этом именно заключается последовательный историзм в понимании мира с точки зрения диалектического материализма, так как и самые сущности вещей, законы он рассматривает как исторические законы.

Самые универсальные законы диалектики, являющиеся общими законами развития в природе, обществе и человеческом мышлении, он рассматривает не как пустые, неподвижные абстракции, а как конкретно-всеобщие, включающие в себе богатства особенного и единичного и поэтому в своем развитии и применении необходимо предполагающие охват содержания конкретного предмета. Что же касается всех частных законов в различных областях действительности, что они так же историчны, как и отношения и явления, характер движения которых они выражают.

IV.

Поэтому было бы совершенно неправильно, если бы всеобщие, универсальные законы развития в природе, обществе и мышлении мы поняли в том смысле, что они сами по себе в своем абстрактном виде дают вечную, неизменную сущность всех действительных реальных процессов и явлений мира.

У нас за последнее время все более и более проявляется тенденция абстрактно-формалистического подхода к теории диалектики.

На очереди стоит разработка теории материалистической диалектики. Для того, чтобы разрешить эту задачу, мы должны опереться на весь тот материал, который дает нам современная эпоха, вся совокупность современного знания. Мы должны перейти к изучению тех новых явлений, которые складываются у нас сейчас на наших глазах и настоятельно требуют своего осмысливания. В этих условиях возникает опасность того, что мы закостенеем на тех общих категориях и абстрактных положениях, которых мы достигли на прошлой ступени нашего развития, что мы не будем достаточно чувствительны к тем новым явлениям и отношениям, которые мы должны изучить, что у нас вместо конкретного изучения реального исторического процесса, будет культивироваться и распространяться абстрактная и безжизненная схоластическая дедукция понятий, оторванных от какого бы то ни было материального содержания. Эта опасность находит себе выражение в целом ряде областей знания, в целом ряде наук, в том числе и в области философии, и на нее нужно сейчас обратить внимание. Если мы хотим по-настоящему перестроиться так, чтобы действительно давать ответы на те вопросы, которые выдвигаются практикой классовой борьбы, то естественно тогда, что и в нашем методе мы должны прежде всего подчеркнуть ту решающую для нас сторону, что это есть метод изучения **конкретного** движения, метод изучения **нового**, создаваемого во всемирной истории и открываемого в ней человечеством, что задача его — это изучение самого содержания предмета, что **не дело логики**, а **логика дела должна главным образом привлекать наше внимание**. А между тем мы имеем целый ряд таких примеров, когда диалектические положения и законы превращаются в безжизненные, абстрактные, мертвые схемы, которые чисто-внешне накладываются на действительность, вместо того, чтобы на основе их применения изучать реальный, конкретный исторический процесс. У нас подчас диалектические категории и законы отрываются от содержания, превращаются поэтому в бессодержательные абстракции, в свою собственную противоположность. В некоторых науках выступают люди, которые говорят о том, что и то и другое, и пятое и десятое—все это есть единство противоположностей, и общими, заранее данными формулами ограничиваются вместо того, чтобы закон единства противоположностей **применить как закон конкретного движения данного предмета**.

Мы должны всеми силами защищать необходимость разработки и построения теории диалектической логики. Ее законы носят характер общих законов развития в природе, человеческом обществе и мышлении. Эти законы—содержательные законы, **не опираясь на них**, нельзя изучить никаких **действительных процессов во всем многообразии их связей**, но эти законы не представляют собою универсальных отмычек, которые сами по себе в абстрактной форме могли бы заменить реальный предмет и которые, раз данные, могут нам заменить изучение действительных отношений в той или другой области. Если диалектика вместо того, чтобы служить живым методом познания и движения вперед науки, превратилась бы в совокупность абстрактных формул и схем, в которых **замораживались бы** готовые результаты исследования, то она была бы больше похожа на богдановскую тектологию, чем на материалистическую логику. Опасность такого чисто-формалистического понимания диалектики, отрыва формы от содержания, превращения диалектических законов в абстрактную схему,—у нас есть. Это отчасти определяется и тем, что интерес к Гегелю, сейчас разбуженный, часто недостаточно нами удовлетворяется по линии материалистической переработки законов и положений гегелевской логики. На эту опасность нужно обратить внимание, надо исправить допущенные в этом отношении ошибки и для того, чтобы двигаться дальше, по пути по-

строения теории материалистической диалектики и обогащения ее всей совокупностью современных знаний, и для рационального применения ее при об'яснении новых явлений во всех областях действительности.

Известное теоретическое выражение эта тенденция получила и в некоторых работах в области материалистической диалектики, появившихся у нас в последнее время. В частности, мне хотелось бы обратить внимание на одну из недавно появившихся работ, посвященную предмету теории диалектики, заслугой которой является острая постановка проблемы, на статью тов. Гоникмана во втором сборнике «Проблемы Марксизма» за 1930 г.—«О предмете диалектики». Я хочу остановиться в этой статье на двух положениях, не рассматривая ее во всех отдельных частностях и подробностях.

Во-первых, говоря о предмете диалектики, тов. Гоникман исходит из того, что, определяя предмет диалектики, мы можем отвлечься от так называемой суб'ективной диалектики и диалектики общественного процесса познания. Если отвлечься от того и другого,— говорит тов. Гоникман,— то у нас останется диалектика, как наука об общих законах движения и развития в природе и обществе (стр. 5). Таким образом, тов. Гоникман полагает, что, определяя предмет диалектики, мы можем выделить, так сказать, онтологическую ее сторону, отвлекшись совершенно от ее теоретико-познавательного значения. Вообще говоря, конечно, при определении того или другого предмета мы можем отвлечься от какой угодно его стороны. Однако важно, чтобы тогда, когда мы хотим дать определение предмета, мы при этом не отвлеклись от существенной стороны его содержания. Между тем, если мы отвлечемся в отношении предмета диалектики от суб'ективной диалектики и диалектики общественного процесса познания, т.-е. если мы отвлечемся в определении диалектики от того, каким образом диалектические законы отражаются в нашем мышлении, и от того, как обуславливаются эти диалектические законы практикой общественно-исторического развития людей, человеческого общества, то мы несомненно отвлечемся от одной из существеннейших сторон диалектики. Ведь то новое, что внес Ленин в теорию диалектики, в противоположность, в частности, и Плеханову, заключалось, между прочим, в том, что теория познания, логика и диалектика для марксизма — это одно и то же.

Почему мы не должны отрывать теорию познания от диалектики, почему мы не должны отрывать диалектику от практики общественно-исторического познания людей? При построении диалектической логики, нам, вообще говоря, могут угрожать две опасности. С одной стороны, нам может угрожать опасность рассматривать диалектические законы только как пособия нашего мышления, чисто-прагматически, рассматривать их, как суб'ективные категории, суб'ективно создаваемые нами понятия, не отражающие никаких реальных связей и реальных форм движения в действительности. Эта точка зрения отчасти находила свое выражение и у механистов, когда они отрицали об'ективное значение целого ряда диалектических законов.

Другая опасность заключается в том, что диалектические законы, которые мы устанавливаем по отношению к действительности на основе данной ступени достигнутых нами знаний, на основе современного этапа в развитии предметной материальной деятельности людей, будут абсолютизироваться, превращаться в абстрактные логические сущности, в абсолюты, и потеряют, таким образом, то значение, которое они в действительности имеют в нашем познании.

Если в первом случае грозит опасность суб'ективизма, то во втором — опасность скатиться назад к давно превзойденным материализмом взглядам об'ективного идеализма гегелевского типа, со всеми его плохими сторонами,

но без того исторически-прогрессивного, что он в свое время заключал в себе.

Как Ленин решает вопрос о взаимоотношении между диалектикой и теорией познания, между логикой и историей познания, как он рассматривает те категории, которыми мы оперируем в нашей материалистической логике? История познания и диалектическая логика, теория познания, конечно, не совпадают. История познания предшествует логике, на нее опирается логика. История познания показывает нам, каким образом в конкретном историческом процессе развития человеческого общества люди все более и более познавали окружающую нас действительность, все глубже и глубже вскрывали ее внутренние связи, каким образом они возвышались до современного уровня знания. Категории, которые мы создаем, есть не что иное, по определению Ленина, как моменты познания человеком природы, ступеньки углубления нашего в познание природы. Так как эти ступеньки углубления нашего в познание природы которые подтверждаются и проверяются каждый раз всей совокупностью предметной человеческой деятельности, общественной практики людей, то поэтому они носят об'ективный характер [1]). Наше знание не абсолютно, не суб'ективно, а об'ективно. Оно никогда не достигает такой ступени, чтобы процесс познания был бы закончен, чтобы его категории и законы были превращены в некие абстрактные абсолютные законы, но эти законы об'ективны в том смысле, что они выражают об'ективные связи действительности, постигнутые нами на данной ступени исторического развития. История познания показывает, как конкретно исторически подготовлялась данная ступень знания природы. Логика дает систематическую связь категорий, которая должна раскрыть нам внутренние связи действительности, внутренние связи между различными формами движения в действительности. Но при этом логическое и историческое не исключают друг друга. Энгельс указывает, что логическое есть то же историческое, взятое в его классической и очищенной от исторических случайностей и отклонений форме; именно в противопоставлении логического историческому и заключалась одна из основных ошибок И. И. Рубина в понимании метода Маркса. Поэтому и в системе категорий логики связь между этими категориями не есть нечто оторванное от исторического процесса познания, а она дает нам этот исторический процесс в его наиболее очищенной, классической форме, она дает нам его, как обоснование нынешнего представления о структуре различных форм движения природы, человеческой истории и человеческого мышления. Различные ступеньки познания, с одной стороны, представляют собою моменты в историческом процессе развития познания, а с другой стороны—они имеют об'ективный характер, подтвержденный практикой познания, и составляют моменты в систематической связи категорий, которые воспроизводят нам действительность так, как он открывается нашему познанию на основе данного уровня его развития, на основе всей совокупности практической и предметной деятельности людей в данную историческую эпоху. Поэтому логика никогда не может носить законченный характер, но вместе с тем она имеет систематический характер. Ее категории должны быть связаны между собою соответственно тому, как связаны между собою различные формы движения в действительности, которые мы познаем и правильность познания которых подтверждается нашей практической деятельностью. Поэтому логика и

---

[1]) Уже из этого видно, что, отвлекаясь от общественного процесса познания, от практики, в предмете диалектики, тов. Гоникман впадает сам в противоположность того, к чему стремится, и отвлекается от истины в ней.

является в то же самое время теорией познания в широком смысле слова, и поэтому практика включается в нее.

Что же касается теории познания в более узком смысле этого слова, тех вопросов, которые обсуждались в старой теории познания, то она входит составной частью в диалектическо-материалистическую логику так же, как составной частью в диалектическо-материалистическую логику входит проблема соотношения между теорией и практикой, между суб'ектом и об'ектом в познании.

Это решение вопроса о соотношении между теорией познания и логикой, которое указано Лениным, как мне кажется, является единственно правильным, и оно одинаково предохраняет нас как от того, чтобы понимать категории логики, как суб'ективные внешние формы, так и от того, чтобы превратить эти категории в гегелевские логические сущности, оторванные от исторического процесса познания,— как от того, чтобы противопоставить логику истории, так и от того, чтобы перейти в этом отношении на рельсы вульгарного их отождествления.

Второе, что неправильно в статье тов. Гоникмана, это то, что, касаясь законов, установленных диалектикой, он определяет при этом диалектику, как «науку о сущности законов имманентного развития материи и сущности законов взаимодействия, т.-е. науку о сущности законов конкретного развития материи» (22). Неправильно противопоставление «сущности законов» имманентного развития материи «сущности законов» взаимодействия, так как диалектический процесс есть единый процесс, и, когда мы говорим о материи в целом, то взаимодействие и имманентное развитие противопоставить друг другу ни на момент нельзя.

Так же неправильно определение диалектики, как науки о «сущности законов имманентного развития материи», недостаточно подчеркивая то обстоятельство, что диалектические законы являются *не абстрактными сущностями*, а являются *формами конкретного движения и конкретного развития*, по отношению к которому каждый раз должен быть дан и формулирован закон именно данного конкретного ряда явлений. Если вы скажете, что, скажем, закон единства противоположностей составляет и сущность капиталистического способа производства, и сущность строения атома, и сущность взаимоотношения между формой и содержанием в каком-нибудь художественном произведении, и *ограничитесь этим*, то этим самым вы, в сущности говоря, превратите совершенно правильное положение в абстрактную схему, в пустую формулу, не дающую вам никакой возможности понять действительную сущность данной конкретной области природы. Закон единства противоположностей есть действительно универсальный закон, но именно потому, что он универсальный закон, одинаково приложимый ко всем областям действительности,— именно поэтому мы должны всегда помнить, что это не абстрактная сущность, а реальная форма движения многосложной реальной действительности, что это—*конкретно-всеобщее, которое включает в себя богатство особенного и единичного.* Когда мы раскрываем содержание этого конкретно-всеобщего, мы должны постоянно иметь в виду, что оно представляет не абстрактную сущность, а содержательную форму, включающую в себя особенное и реализующееся в нем,—общее различных конкретных форм, заключающее их в себе.

Так как законы диалектики превращаются у тов. Гоникмана в абстрактные «сущности», оторванные от практики познания, от всех богатств реального мира природы и общества, то их движение превращается в чисто-логическую дедукцию наподобие гегелевской. Потому у тов. Гоникмана получается, что в процессе определения предмета диалектики само «понятие развития развивается дальше, оно конкретизируется». «Но и на

достигнутом уровне понятие развития не находит себе успокоения (?), но (!) рефлектирует в самое себя, стремясь с возможной полнотой выявить свою сущность» (13). Чем не гегелевская дедукция категорий? Разница между Гегелем и тов. Гоникманом заключается только в том, что у Гегеля саморазвитие понятия, в своей извращенной форме, все же в конечном счете опиралось на реальное историческое развитие в природе и обществе, и последние находили себе место в логике хотя бы в примечаниях,— тов. Гоникман же хочет зачеркнуть и эти примечания!

Что дело здесь не в одной неудачной «высокой стилистике», не в кокетничании гегелевской терминологией, а в понимании самого существа метода, показывает опыт применения тов. Гоникманом того же саморазвития понятий к теории исторического материализма.

В своей статье «Теория классов и классовая борьба в капиталистическом обществе» («Под Знаменем Марксизма» № 2—3 за 1930 г.) тов. Гоникман пытается чисто-схематически, абстрактно развернуть содержание теории исторического материализма, путем развития понятия общества, что приводит его к целому ряду неудачных и неправильных формулировок. Я не буду касаться в данной связи отдельных из них (определение роли крестьянства в революции, включение служащих в состав пролетариата, подход к соотношению производительных и производственных отношений и т. д., что представляет особую тему), и отмечу лишь общее понимание тов. Гоникманом теории исторического материализма. По тов. Гоникману теория исторического материализма, так же как и теория материалистической диалектики, «не может ставить своей задачей установление законов классовой борьбы в каждой общественной формации — это дело конкретных общественных наук. Точно так же исторический материализм не может устанавливать законов классовой борьбы, общих всем общественным формациям — таковых не существует. Исторический материализм, поскольку его задачи расширяются за пределы установления законов, общих всем общественным формациям, может установить лишь сущность классов и классовой борьбы» (35). Но это и значит рассматривать категории исторического материализма как абстрактно-всеобщее и лишить их всего богатства особенного и единичного. При этом понимании теория исторического материализма теряет значительную часть своего содержания и превращается в мумию отвлеченных схем и бесплотных формул. Сам тов. Гоникман в дальнейшем не может удержаться на этой позиции, дополняя свое изложение рассмотрением классов капиталистического общества [1]). Его побуждает к этому, очевидно, та же самая тоска по содержанию, которая, по слова Маркса, никогда не дает покоя спекулятивному философу, искусственно отгородившему себя областью формальной дедукции понятий. Эта тоска по содержанию тем повелительнее для коммуниста, что без обращения к конкретному историческому процессу он не может сделать ни шагу в практике своей борьбы.

Опасность абстрактно-формалистического понимания диалектики должна быть подвергнута особой критике именно сейчас, когда мы вплотную подошли к систематической разработке ее категорий. Критика формализма является такой же предпосылкой дальнейших успехов в этом направлении, как критика гегельянской интерпретации марксизма Лукача было необхо-

[1]) Рассмотрение классов капиталистического общества, по тов. Гоникману, дело не исторического материализма, а научного социализма. При таком разграничении этих понятий не трудно дойти до того, что рассмотрение классов феодального общества будет об'явлено делом «научного капитализма», а классов рабовладельческого общества — делом «научного феодализма»!.. Этим лишний раз прекрасно иллюстрируется вся абсурдность абстрактно-социологического понимания марксизма.

димой предпосылкой приступа к материалистической переработке гегелевской логики. К сожалению, у нас до сих пор сплошь и рядом процветает «цитатная диалектика», сводящаяся к ученическому повторению в лирической последовательности фраз из Гегеля, Энгельса и Ленина по всякому поводу и без повода, без изучения движения, пульса жизни самого предмета. Так появляются «диалектические» схемы, представляющие в одинаковой степени издевательство и над подгоняемым под заранее данную схему предметом, и над диалектикой, суть которой ведь и заключается в том, чтобы отдаться ритму движения самого предмета, помочь вскрыть закон его собственного развития.

Борьба с формализмом в теории диалектики находится в глубокой внутренней связи с дальнейшим развитием теории материалистической диалектики, проникновением ее во все области знания и с тем поворотом в нашей философской работе к новым вопросам непосредственного социалистического строительства, который мы в настоящее время стремимся осуществить.

Дальнейшее движение в области разработки теории материалистической диалектики возможно лишь при условии осознания в ее категориях всей совокупности современного знания и опыта классовой борьбы пролетариата. Формалистическое, ведущее в конечном счете к идеализму, понимание диалектики может не столько способствовать дальнейшим успехам научного исследования, сколько тормозить его, окостеневает в раз навсегда данных категориях, приобретающих абсолютный характер. К нему применимы все те возражения, которые Маркс направляет по адресу гегелевского метода [1]). И так же, как в случае с Лукачем—чем решительнее сейчас будет критика формалистического понимания диалектики, чем скорее будут исправлены сделанные в этом отношении ошибки, — тем более будут обеспечены дальнейшие успехи разработки теории материалистической диалектики.

V.

В связи с этим большое значение имеет вопрос о том, как строить теорию материалистической диалектики, каким образом рассматривать те категории, которыми мы должны оперировать при построении теории материалистической диалектики, какова должна быть связь между этими категориями, каковы должны быть сами эти категории.

Попытку построить диалектическую логику представляет собою логика Гегеля. Совершенно естественно, что при построении теории материалистической диалектики, мы должны начать с рассмотрения гегелевской логики. В добавление к тем замечаниям по поводу ее, которые были опубликованы в IX Ленинском Сборнике. — ряд замечаний мы находим и в XII Сборнике.

Прежде всего Ленин замечает в одном месте, что логику Гегеля нельзя принимать в данном ее виде. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей. Это еще большая работа.

Задача, которую ставит в этом отношении Ленин, заключается в том, что мы должны из «Логики» Гегеля взять то, что является для нас наиболее ценным и значительным, что является действительным отражением действительности, универсальных связей и переходов в ней. Однако вместе с тем мы не можем взять «Логику» Гегеля в готовом виде,—мы должны подвергнуть ее критическому рассмотрению под углом зрения того, насколько ее категории отражают действительные соотношения в природе, обществе и мышлении, мы должны очистить ее от «мистики идей».

[1]) Ср. нашу статью «Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса» в сб. «За материалистическую диалектику», в которой дана попытка свести воедино ряд таких возражений Маркса.

Это—задача, конечно, чрезвычайно сложная, и она не может быть разрешена в короткий промежуток времени. Она может быть по-настоящему разрешена, лишь опираясь на всю совокупность современного нам знания.

Если мы подойдем к делу чисто-формально и ограничимся той или иной комбинацией того, что в той или другой форме имеет место у Гегеля, то несомненно, что по-настоящему разрешить задачу построения теории материалистической диалектики мы не сможем.

Что в этом отношении есть также путаница, неправильное понимание того, как мы должны подходить к построению логики марксизма, — это свидетельствует целый ряд выступлений.

Для примера возьму только что появившуюся статью тов. Дмитриева «Логика Гегеля и логика марксизма», напечатанную в № 35—36 «Вестника Комакадемии».

Я не могу останавливаться сейчас на всех отдельных неправильных положениях, имеющих место в этой статье, я укажу только на то, что сейчас может найти довольно значительный отклик на философском фронте и что поэтому должно быть подвергнуто особенно тщательной критике.

Во-первых, указывая на те задачи, которые стоят перед нами в деле разработки теории материалистической диалектики, тов. Дмитриев пишет: «Мы думаем—и это мы постараемся в дальнейшем обосновать,—что в настоящее время центральным узлом всех проблем, которые определяют вид, конструкцию, тип построения нашей материалистической логики, является не столько вопрос о характере самих категорий, из которых должна состоять эта логика, а проблема порядка их расположения» (разрядка Дмитриева. *Н. К.*) [1]). Дальше он говорит, что в общем с теми или другими поправками мы можем принять основные категории гегелевской об'ективной логики. и в этом случае вопрос кардинальной важности состоит в том, можем ли мы согласиться с тем толкованием порядка, которое дает сам Гегель.

Верно ли, что в настоящее время, при переходе к построению теории материалистической диалектики, центральным вопросом является не столько вопрос о характере категорий, из которых должна состоять эта логика, сколько проблема порядка их расположения?

Здесь, несомненно, есть две грубейшие ошибки. Первая состоит в том, что совершенно невозможно отрывать вопрос о характере категорий от вопроса о порядке их расположения. Вопрос о характере категорий — это прежде всего вопрос о том, будем ли мы строить логику как материалистическую логику, или эта логика будет логикой идеалистической. Решение этого вопроса вовсе не безразлично для вида, конструкции и типа построения нашей логики. Если мы исходим из материалистической точки зрения, материалистического понимания категорий, то и вид, конструкция, тип построения нашей логики будут совершенно отличными от той конструкции, от того типа ее построения, которое есть у Гегеля. От этого зависит, например, место времени и пространства в системе категорий. Тов. Дмитриев—незаметно для самого себя — в данном случае смазывает различие между идеалистическим и материалистическим пониманием диалектики.

Вторая грубая ошибка заключается в том, что тов. Дмитриев совершенно неправильно представляет дело в отношении самих категорий логики. Гегель опирался для своего времени на все современное ему знание. С того времени, как Гегель строил свою логику, прошло сто лет с лишним. За это время в области естествознания произошел целый ряд переворотов, открыты новые формы движения материи, изучены новые формы связи в области общественных наук; за это время выступил на историческую сцену марксизм;

[1]) «Вестник Комакадемии» № 35—36, стр. 94.

во всемирной истории возник целый ряд новых форм общественной жизни. И совершенно несомненно поэтому, что тех категорий, которыми оперировал Гегель, осознавая современное ему знание, совершенно недостаточно для того, чтобы построить в наше время диалектико-материалистическую логику. Полагать, что на гегелевской логике заканчивается мировое развитие, что данные в ней категории в общем и целом исчерпывают основные формы движения в природе и обществе, — это и значит стоять не на конкретной, исторической, материалистической точке зрения, а на абстрактной, формальной, идеалистической.

Забавно, что на ряду с этим, в той же самой статье, тов. Дмитриев сочетает с этой оценкой гегелевской логики совершенно противоположную оценку гегелевской философии в целом. В другом месте он пишет, что «вся философия Гегеля в целом, и особенно его логика, представляют собой одно большое, единое доказательство бытия бога» (100). Ежели философия Гегеля представляет собой единое доказательство бытия бога, то спрашивается, каким образом, будучи поставлена с головы на ноги, она могла стать алгеброй революции? Доказательство бытия божия, даже вывернутое наизнанку, остается только доказательством бытия бога и ничем другим. Как тогда гегелевская философия могла, по словам Ленина, вплотную подойти к материализму и частью даже превратиться в него?

То понимание Гегеля, которое развивает в данном случае тов. Дмитриев, представляет собою истолкование, дававшееся Гегелю в истории философии уже неоднократно. Это то понимание Гегеля, которое было у правых гегельянцев и которое в наше время развил в своей известной работе И. Ильин. Совершенно несомненно, что у Гегеля мы имеем теологическую систему; совершенно несомненно, что гегелевская система была попыткой теоретически оправдать и обосновать теологию, но видеть в гегелевской философии *только эту сторону его системы*, это значит не *понимать внутренних противоречий, заложенных в гегелевской философии*, это значит совершенно неправильно исторически об'яснить и указать их, это значит лишить себя возможности понять, каким образом вместе с тем гегелевское учение могло послужить исходным пунктом для развития, приведшего впоследствии к марксизму.

Наконец, третью ошибку, которую следовало бы отметить в этой связи в статье тов. Дмитриева, — это по вопросу о соотношении между категориями в гегелевской логике.

Тов. Дмитриев пишет:

«Ступени — категории логики — суть ступени развития самого мира» (102). «Разделение (у Гегеля) об'ективной логики на две части — бытие и сущность — гармонирует с разделением неорганической формы развития материи на две ступени — механика и физика. Все категории бытия — качество, количество, мера — должны находить свои корреляты в области механики. Физические и химические процессы стоят под знаком сущности» (106—107).

Правильно ли это понимание Гегеля? — Конечно, неправильно, потому, что до чрезвычайности *упрощает* логику Гегеля.

Во-первых, Гегель сам не стоял на той точке зрения, что механика предшествует физике и химии исторически потому, что у Гегеля в области философии природы есть развитие только в пространстве, а не во времени.

Далее. Если вы возьмете те категории, которые Гегель разбирает в отделе бытия и в отделе сущности, то разве, скажем, проблема *скачка* не есть проблема развития одинаково для всех областей природы? Разве *форма* имеет место только в физике и химии и не имеет места в органи-

ском мире? Разве механика не знает сил? Ведь механизм, химизм и телеология в целом появляются и у Гегеля только в суб'ективной логике.

У Гегеля есть ряд определений, когда он развитие приписывает только понятию. Но это в совершенно ином смысле, — только в отделе понятия по Гегелю мы достигаем закона самодвижения предмета, подготавливаемого всем предшествующим движением категорий. В материалистической логике мы, конечно, должны будем говорить не о понятии как принципе развития, а об историческом законе конкретного материального движения. Понять же Гегеля в том смысле, что «об'ективная логика... еще не знает развития» (106), как понял его тов. Дмитриев, значит ничего не понять в гегелевской логике, так как вся логика Гегеля обосновывает и раскрывает наиболее общие формы развития в природе, обществе и человеческом мышлении.

Наконец, качество, количество, мера по Гегелю могут и должны «находить свои корреляты» вовсе не только в области механики. Скажем, в отделе меры у Гегеля разбирается целый ряд тех отношений, которые находят свое иное выражение в химии. Цитируя Аристотеля, Ленин указывает, что Аристотель дает правильное определение математике, когда указывает, что это — наука об определенной стороне действительности. Ленин подчеркивает, что это материалистическое ее определение. Это определение имеется и у Гегеля, там, где он разбирает отдел количества. Но, конечно же, по Гегелю математика «находит свои корреляты» не только в механике. Подгоняя под свои схемы процесс развития категорий у Гегеля, тов. Дмитриев явно не улавливает действительного смысла ее построения. Верно, что Гегель в целом ряде мест в своих работах подводит реальные исторические процессы и явления под те или иные категории, что это приводит его подчас и рядом к вульгарному эмпиризму и дуализму, как это показал еще молодой Маркс, но этого нельзя сказать об общем построении гегелевской логики, так как в ней, наоборот, Гегель чаще отрывался от конкретного исторического процесса развития мира, чем стремился следовать ему.

Каким же образом должна строиться теория материалистической диалектики, какие указания в дополнение к тем указаниям, которые уже были даны в IX Ленинском Сборнике, дает во вновь опубликованных материалах Ленин? Наибольшее значение в этом отношении имеют замечания Ленина на план малой логики Гегеля. Ленин пишет: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc. — таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания и политической экономии (и истории). Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на истории отдельных наук. В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления». И дальше: «Бросается в глаза, что иногда Гегель идет от абстрактного к конкретному (Seyn — абстрактное — Dasein—конкретное—Fürsichseyn), — иногда наоборот (суб'ективное понятие—об'ект—истина—абсолютная идея). Не есть ли это непоследовательность идеалиста (то, что Marx называл Ideenmystik [1]) у Гегеля)? Или есть более глубокие резоны? (например, бытие — ничто — идея становления, развития). Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, — потом развиваются понятия качества (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus [2]) явления—при-

[1]) —мистика идей. *Ред.*
[2]) —против. *Ред.*

чинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от суб'екта к об'екту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (абсолютной идее) (290—291).

Это рассуждение, как мне кажется, показывает, что Ленин исходит в решении вопроса о структуре диалектическо-материалистической логики из следующих соображений. Он полагает, что развитие категорий логики в основном должно соответствовать движению нашего познания в процессе углубления его в изучении природы. С одной стороны, оно должно отразить путь воспроизводства нами в нашем мышлении внутренних связей действительности, на основании достигнутого нами на данной ступени развития уровня знания, с другой стороны — отразить исторический путь развития человеческого познания до этой ступени.

Но в связи с этим сейчас же возникает вопрос — должна ли в развитии этих логических категорий найти себе отражение только история познания или также хотя бы до некоторой степени и история предмета познания?

Мне кажется, что на этот вопрос нужно дать следующий ответ: совершенно несомненно, что развитие логических категорий должно соответствовать в общей, классической форме прежде всего истории познания[1]). Но это не значит, что мы должны полностью отвлечься в нем и от истории самого предмета. Было бы неправильно, конечно, понимать Гегеля в том смысле, что взаимодействие существует позже, чем количество и качество. Правда, этой нелепости Гегель, в качестве идеалиста, избегал очень дорогой ценой — тем, что развитие логических категорий вообще происходит у него вне времени.

Но, когда мы строим теорию материалистической диалектики, мы не можем предполагать, что, скажем, категории сущности, — форма, содержание, внутреннее и внешнее, случайность, необходимость, причинность, взаимодействие и т. д., которые разбираются позже категорий бытия: качества, количества, меры, — что эти категории соответствуют какому-либо предмету, возникшему позже, чем тот предмет, которому соответствуют категории, дающие нам движение качественных и количественных определений действительности.

Естественно, что процессу развития категорий в данном случае соответствует движение и история нашего познания, а не развитие самого предмета. Но когда мы изучаем отдельно каждую из этих категорий и особые типы их перехода, когда выясняем те логические оттенки и особые формы, которые они имеют в многогранной действительности, — а в установлении всего их богатства и заключается ценность диалектики, — тогда совершенно несомненно, следуя в этом отношении в известном смысле и Гегелю, мы должны будем в развитии категорий учитывать и исторический процесс развития самого предмета познания.

Если, например, мы разбираем категорию меры, которая имеет огромное значение для рассмотрения различных форм движения в природе и обществе, мы не можем ограничиться фиксированием ее в одной лишь тощей, абстракт-

[1]) Однако только в общей, классической, очищенной от исторических случайностей форме. Не обязательна точная хронологическая последовательность (Ср. замечание Ленина в «К вопросу о диалектике»). Ведь и в марксовском «Капитале», могущем служить прообразом всякого систематического развития категорий науки, логическое их движение начинаясь с того, с чего начинается и история, в дальнейшем подчас резко отличается от нее, имея своей основной целью дать картину того, как связываются друг с другом категории развитого капиталистического общества. Исторический момент тогда все же сохраняет свое место, но уже в рассмотрении различных отделов «Капитала» (Ср., напр., анализ ренты в «Капитале»).

ной форме. Мы должны раскрыть все то богатство различных типов мерных отношений, которые имеют место в действительности.

А характер этих различных типов мерных отношений, характер соотношения между различными формами мерных отношений должен отражать характер соотношения между этими мерными отношениями в самом предмете, т.-е. в развивающейся действительности. Поэтому в развитии категории меры на ряду с историей познания должна найти себе известное отражение и история самого предмета.

Такое построение логики, которое абсолютно отрывало бы развитие логических категорий от исторического развития предмета, которое было бы оторвано от реальных предметов и только в конечном результате приходило бы к реальному, — было бы совершенно не материалистично, не диалектично и лишало бы нас всего того многообразия оттенков и форм действительного движения, умение уловить которое составляет важнейшую отличительную черту диалектического мышления.

Для построения теории диалектики, для понимания ее категорий, для понимания соотношения между категориями, соотношения между логическим и историческим процессом, для всего этого чрезвычайно важное значение имеет марксовский «Капитал».

В марксовском «Капитале» дана система науки, которая подтверждается всем ходом всемирной истории и которая отражает развитие своего предмета во всем многообразии его форм и связей, а не просто является набором эмпирических данных. Структура «Капитала» представляет собою образец того, как должна быть построена система науки, которая отображает развивающийся реальный предмет.

Поэтому Ленин особо подчеркивает то значение, которое должно иметь изучение «Капитала» для построения теории материалистической диалектики. Он пишет: «Если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (291—292).

И дальше, рассматривая анализ движения различных категорий в «Капитале», он указывает, что это движение категорий дает нам историю капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее, — что анализ товара, например, есть анализ двоякий, — дедуктивный и индуктивный, логический и исторический. «Проверка фактами (соответственной практикой) есть здесь в каждом шаге анализа» (292). Ленин указывает, что мы должны разрабатывать и всякую систему науки, следуя этому образцу. Естественно поэтому, что для построения материалистической диалектики важнейшее значение имеет изучение логики «Капитала». Здесь необходимо, однако, указать на одну опасность, которая может иметь место. Очень часто изучение логики «Капитала» сводится у нас не к тому, чтобы вскрыть диалектику его категорий, не к изучению реальных связей и категорий, в которых нашло себе в нем выражение движение реального предмета, не на это направляется интерес, а интерес направляется на то, как бы подогнать ту или иную категорию, которая есть в «Капитале», под ту или иную категорию гегелевской логики.

Изучение метода «Капитала» таким образом ведет не к обогащению теории материалистической диалектики, а к тому, чтобы чисто-схематически проиллюстрировать лишний раз значение того или другого гегелевского положения. Чисто-внешне, механически накладывают друг на друга «Капитал» и гегелевскую логику, и не мудрено, что в результате получают нечто весьма схематичное и жалкое. Задача заключается не в том, чтобы Гегеля

иллюстрировать на Марксе, а в том, чтобы, использовав, как леса, то, что дает Гегель, вскрыть структуру марксовского метода.

Поэтому совершенно естественно, что построение теории материалистической диалектики — это грандиозная задача, которая должна опираться на всю совокупность знания, которое в настоящее время достигнуто человечеством. Ленин пишет в конспекте лассалевского «Гераклита», что «история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка и животных, история языка, психология, физиология органов чувств, следовательно, кратко — история познания вообще, вся область знания, вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектики».

«Греческая философия наметила все сии моменты» (315), но их синтезировать и разработать на основе современного уровня знания может только материалистическая диалектика.

VI.

Мне бы хотелось вкратце остановиться еще на подходе Ленина к истории философии и на взаимоотношении, по Ленину, между Гегелем и историческим материализмом.

Что касается подхода Ленина к истории философии, я ограничусь всего двумя словами:

Во-первых, Ленина в этом отношении характеризует требование строгой историчности при изучении развития философской мысли.

Там, где Гегель говорит об этом, Ленин замечает: «Превосходно за строгую историчность в истории философии, что бы ни приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних» (173).

Ленин издевается над Лассалем, который отвлекается от исторических условий, в которых развивалось учение Гераклита, и напяливает на него воззрения, созревшие лишь более двух тысяч лет спустя.

Ленин с любовью останавливался на каждом, пусть даже наивном, шаге вперед, делаемом материалистической мыслью. Страницы, посвященные в конспекте гегелевской истории философии Аристотелю или Эпикуру, дают ярчайшее представление о Ленине—борце в философии. Воспитательное значение этих страниц для всякого ленинца в философии огромно.

Наконец Ленина чрезвычайно интересует подготовка диалектического метода. Он с чрезвычайной тщательностью останавливается на каждом пункте развития диалектических идей в истории мысли. В особенности бросается в глаза это в ленинском конспекте книги Фейербаха о Лейбнице, в котором Ленин с чрезвычайным интересом анализирует отдельные проявления диалектического понимания действительности у Лейбница.

Наконец, что касается характеристики Лениным отношения Гегеля к теории исторического материализма, то здесь необходимо отметить, что Ленин подчеркивает два момента, имевшие значение для подготовки теории исторического материализма у Гегеля.

Ленин указывает (отчасти в антитезу Плеханову), что в философии истории у Гегеля для настоящего времени мы находим меньше всего ценного, потому что в этой области больше всего нового было дано Марксом.

Но две идеи у Гегеля чрезвычайно важны,—с одной стороны, понимание Гегелем единства исторического процесса во всем его многообразии, с другой стороны, то значение, которое Гегель придавал орудиям труда, роли труда в развитии человека. В этом отноше-

ми Ленин отмечает тот пункт, который в гегелевской философии имел особое значение для генезиса марксизма.

На основе работ Маркса и Энгельса, недавно опубликованных, мы знаем, что связь между Гегелем и Марксом была значительно больше, чем это казалось до последнего времени, и из всех последователей Маркса и Энгельса только Ленин понял ее истинное значение.

Гегель оказал влияние на Маркса и дал материал для создания марксистской теории не только в том отношении, что им была разработана диалектика, хотя и поставленная на голову, но Гегель неразрывно связан с марксизмом еще и по линии рассмотрения тех общественных институтов и установлений, которые создаются в процессе исторического развития человеческого общества.

Три идеи Гегеля в этом отношении оказали огромное влияние на развитие мировоззрения Маркса. Это, во-первых, признание того, что мы должны рассматривать все развитие человека, как результат его трудовой деятельности, во-вторых, идея рассмотрения человека не как абстрактного, изолированного человека, а как коллективного, родового, исторически развивающегося человека. Правда, Гегель самый труд понимал еще как абстрактный, духовный труд, а не как конкретную материальную деятельность людей, но все же шаг, сделанный им по пути к историческому материализму, был значительнее всего того, что было сделано до него. В-третьих, это — идея целостности исторического процесса и его развития в противоречиях.

* * *

Изучение философского наследства Ленина сейчас только начинается. Эпоха требует разработки теории материалистической диалектики. Надо сказать, что в этом отношении за последние годы классики марксизма приходят нам на помощь каждый раз в решающий для дальнейшего развития момент. Достаточно указать, что дало для разработки теории материалистического понимания опубликованное за последние годы наследство Энгельса, Маркса и Ленина. Было бы недостойно марксистов-ленинцев, если бы мы эти огромные сокровища оставили втуне. Нет ни тени сомнения, что первые же шаги их разработки вооружат нас новым оружием для уничтожения классового общества и победы коммунизма.

Некоторые вопросы методологии правого уклона в ВКП(б) и троцкизма [1]).

В. Вандек и С. Турецкий.

«Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибок у того, кто ее делает».

Ленин. Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 57.

Рабочий класс СССР во главе с коммунистической партией ведет грандиозную борьбу за построение социализма. В этой колоссальной исторической работе сочетаются воедино ожесточенная борьба, разрушение старого и вместе с тем созидание невиданно новых форм жизни; грандиознейшая целеустремленность в будущее с мельчайшими вопросами повседневности, вопросами сегодняшнего дня; величайший энтузиазм, охватывающий миллионы с точнейшим расчетом, грандиозный размах с кропотливейшим учетом всех мельчайших деталей. Все эти противоречивые с точки зрения метафизического мышления моменты делают совершенно непостижимым для буржуазного сознания все происходящее у нас. Нашу пятилетку называли утопией из-за поистине грандиозных «фантастических» перспектив, которые она открывает. Но буржуазные и социал-демократические борзописцы не учли того простого обстоятельства, что это «утопия» особого рода, «утопия», построенная на основе точного учета всех возможностей, на основе кропотливой детальной работы. Привыкшие рассчитывать баланс с точки зрения простого соотношения вложения и выручки, буржуазные и мелкобуржуазные умы иронизировали по поводу «поправки на энтузиазм», как они называли учет возможности колоссального волевого под'ема рабочего класса, собственными руками строящего социализм. Опыт социалистического соревнования, ударных бригад, коммунистических цехов и проч. прекрасно показал, что значит эта «поправка на энтузиазм», и лишний раз доказал, что с меркой буржуазного «здравого рассудка» трудно охватить то, что происходит у нас. Наш путь—единство противоположностей. Тот, кто забывает эту истину, неминуемо сворачивает с правильного пути. Уклон в одну сторону ведет к забвению цели из-за интересов дня, к ползучему эмпиризму, «путь все, цель ничто», к открытому делячеству, к отказу от борьбы и, по существу, к приспособлению к капитализму — правый уклон. «Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла

[1]) Статья написана 3 месяца назад. Поэтому в ней не нашли отражения некоторые моменты, связанные с разбираемыми вопросами, например, дискуссия о «новом этапе» в «Большевике» и т. д.

бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране» [1]). Обратный уклон ест отрыв от конкретных условий и прямолинейная устремленность вдаль, без учета реальных возможностей и конкретных задач различных этапов развития, «сверхчеловеческие прыжки», «политика дальнего прицела», а, по существу, авантюризм в политике и путь к реставрации капитализма — троцкизм. «Несомненно, что победа «левого» уклона в нашей партии привела бы к отрыву рабочего класса от его крестьянской базы, к отрыву авангарда рабочего класса от остальной рабочей массы, — следовательно, к поражению пролетариата и к облегчению условий для восстановления капитализма» [2]). Тов. Сталин следующим образом характеризует установку и приемы правых и «левых»: «Если правые говорят: «Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться», а «левые», наоборот, возражают: «Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак». Если правые говорят: «Наступили трудности, не пора ли спасовать», а левые, наоборот, возражают: «Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности, — летим во всю вперед» [3]). И те и другие идут против единственно верного диалектического пути, и те и другие против единственно-правильной линии партии, и те и другие ведут к срыву социалистического строительства. И те и другие имеют в основном одинаковые социальные корни, питаются тем мелкобуржуазным окружением, в котором борется пролетариат и его партия, и давление которых эти уклоны отражают: «Они, эти уклонисты, и правые и «левые», рекрутируются из самых разнообразных элементов непролетарских слоев, элементов, отражающих давление мелкобуржуазной стихии на партию и разложение отдельных звеньев партии [4]). Вот почему борьба с ними есть одно из звеньев классовой борьбы в нашей стране. Но всякое направление в политике, отражающее то или иное социальное влияние, имеет и свои теоретические корни, т.-е. методологические предпосылки, на которых покоятся его политические выводы. Линия партии, как и вся борьба рабочего класса, имеет в своей основе теорию диалектического материализма, покоится на методе материалистической диалектики. Все, что идет в разрез с этой линией, все, что имеет иные социальные корни, цепляется за метафизическое мышление. В этой борьбе с диалектикой цепляется за метафизическое мышление. В этой борьбе с диалектикой буржуазное мышление часто апеллирует к «здравому рассудку», к эмпиризму, к привычным фактам. Апологией этого здравого рассудка, обывательского традиционного способа мышления является у нас механистическое направление, суть которого сводится к отрицанию диалектики, к капитуляции перед буржуазным способом мышления. Но этот здравый рассудок ничего не может понять во всем том, что творится у нас. Он, однако, является прекрасной основой для всякого рода уклонов от генеральной линии партии, метафизически гипертрофирующих, как мы видели, то ту, то другую сторону из того единства противоположностей, в котором протекает борьба и творчество рабочего класса в эпоху диктатуры пролетариата.

У нас уже появился ряд статей, посвященных философским корням правого уклона. Все они преимущественно пытались вскрывать механистическую суть теоретических высказываний идеолога правых тов. Бухарина. Наша задача лежит в несколько иной плоскости: взяв некоторые политические положения, которые троцкисты и правые противопоставили линии партии, показать, что они покоятся на основе механистической методологии.

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 497.
[2]) Там же, стр. 498.
[3]) Там же, стр. 528.
[4]) Там же, стр. 532.

Вне поля зрения этой статьи остались поэтому те идеалистические, суб'ективистские, волюнтаристические моменты, которые также характеризуют троцкизм и которые, несомненно, теснейшим образом связаны с механистической стороной его методологии.

I.

Уклонение от генеральной линии партии является отнюдь не индивидуальным творчеством чистой мысли, а отражением динамики и зигзагов жизни. Итак, будучи отражением и теоретическим оформлением действительности, уклоны имеют свою линию развития, свою закономерность. Несмотря на это, они все же находятся в противоречии с той же породившей их действительностью, ибо уклоны—это кривое зеркало, которое и обманывает, и преувеличивает. Иначе говоря, уклоны имеют свою историю. Самой характерной особенностью, общей всем уклонам, являются два момента: с одной стороны, в процессе своего развития они снимают свой исходный, первоначальный пункт, с другой—логикой своей борьбы неизбежно впадают в беспринципность. Оба эти момента пагубны для них, и в борьбе своей они теряют принципиальную установку, пользуются всеми средствами, лишь бы победить. Высшей целью его теперь является поражение противника, и на этом пункте об'единяются все крайности, правая и левая. Между ними возникает союз «всерьез и надолго». Но это и является прямой дорогой к принципиально противному лагерю: контрреволюционному, буржуазному, реакционному. Ярким историческим примером может служить хотя бы ноябрьская антисоветская демонстрация об'единенной оппозиции. Ведь раз взята установка «всерьез и надолго», то это уже не союз крайностей, а образование новой политической партии на основе одной из этих крайностей,—левой или правой. Последнее зависит лишь от того, какая из них имеет свою историю и практику, свою принципиальную установку. Вот почему зиновьевская группа неизбежно должна была принять троцкизм. В чем же методологическая суть троцкизма?

Одним из основных принципов троцкизма является решительное несогласие с ленинским утверждением о возможности построения социализма в одной стране. Поводом к этому утверждению троцкизма служили конкретные трудности социалистического строительства и кризис роста с одной стороны, а с другой — отчаянное сопротивление капиталистических элементов города и деревни. Но это только повод, и в такой связи, и в такой постановке троцкизм некоторым образом отражал действительность, но это отражение было кривым и искаженным: отражение влияния мелкобуржуазной стихии. Эта теоретическая проблема была непосредственно связана с вопросом о политической линии партии. Поэтому-то и было весьма естественно, что партия не могла не остановиться серьезно на троцкизме и не показать всю его ложь и несостоятельность. Для этого необходимо было дать четкое и правильное ленинское разрешение этого вопроса.

Что утверждал троцкизм? Он доказывал, что строительство социализма в одной стране невозможно. Вся его аргументация была построена на тезисе о невозможности изолированного существования пролетарской революции, а отсюда всякая революция и, в частности, Октябрьская революция в России рассматривалась т о л ь к о как толчок, сигнал и исходный пункт для социальной революции в других частях мира. Таким образом, из этого вытекает, что строительство социализма возможно лишь в том случае, если пролетариат победит одновременно в нескольких важнейших странах: «Подлинный под'ем социалистического хозяйства в России,—писал Троцкий,—станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы. Потому что без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти

и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру» [1]). Такая постановка и разрешение проблемы являются прямой противоположностью и отрицанием основных утверждений ленинизма. Эта троцкистская теория всецело покоится на ложных методологических предпосылках, она исходит из механистического, антидиалектического понимания действительности и явно метафизична. В чем же, в сущности, его основная ошибка?

Троцкизм стоит на механистической точке зрения, когда невозможность построения социализма в одной стране аргументирует тем, что невозможно его изолированное строительство, ибо Россия есть часть мирового капитализма. При этом упускается из виду диалектическая постановка вопроса о взаимоотношении целого и частей, упускается из виду самое понимание целого не как простой суммы частей, а как качественно-своеобразного единства, подчиненного своему специфическому закону развития. Нельзя понять Октябрьской революции в России, если не принять во внимание процесса развития мирового капитализма в эпоху империализма; но нельзя также понять ее, если упустить из виду те своеобразные условия, в которых проявлялся этот мировой капитализм в России. Из самой сути мирового капитализма, из законов его развития с неизбежностью вытекало неравномерное экономическое и политическое развитие отдельных стран и их своеобразное положение. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» [2]). Как раз то общее, что делало мировой капитализм—целым, требовало особенного своеобразного его проявления в отдельных частях. Диалектическое тождество не есть тождество абстрактное, а конкретное тождество в различии. «Целое не есть отвлеченная единица, но единство некоторого различного многообразия; но это единство, как то, в чем многообразное взаимно к себе относится, есть его определенность, стало быть часть [3]). Возможность революции в России была осуществлена прежде всего тем, что наступил период гибели капитализма, что противоречия производительных сил мирового капитализма и его производственных отношений привело к разрыву империалистической цепи. «Надо рассматривать пролетарскую революцию, — пишет тов. Сталин, — прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране» [4]).

Но прорыв этот возможен там, где эта цепь слаба и где вместе с тем капитал достиг известной высоты развития [5]). А это означает не что иное, как специфическое сочетание противоречий мирового империализма и своеобразных условий развития данной страны. Это и есть та относительная «самостоятельность» части, которая с необходимостью вытекает из диалектического понимания целого

Но диалектическое понимание целого и части связано еще с тем, что, раз часть оторвалась от целого, изменив совершенно свою внутреннюю структуру, она уже больше не часть целого и развивается самостоятельно по законам своего внутреннего развития, отличающимся от законов развития этого целого. Целое тогда делается внешним, по отношению к своей бывшей

[1]) Троцкий, Наша революция, стр. 278.
[2]) Ленин, О лозунге Соединенных Штатов Европы, т. XIII, стр. 133 (1-е изд.).
[3]) Гегель, Наука логики, ч. 1, кн. 2, стр. 104.
[4]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 95.
[5]) По поводу указания Бухарина в «Экономике переходного периода», что крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией», Ленин замечает: «Неверно: с «средне-слабых». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло» (Ленинский Сб. XI, стр. 397).

«части» оно превращается в одно из условий ее развития, но самый процесс этого развития подчиняется уже новым внутренним законам развития «части», которая перестала быть уже частью, а сделалась самостоятельным целым, качественно-отличным от остального «целого». «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира...» [1]) (Подчеркнуто нами. *В. и Т.*).

Вступив на путь социалистического развития, Россия этим самым выступила против остального капиталистического мира и ни в коем случае не может рассматриваться как часть его. А это означает, что, отнюдь не теряя внешнее из виду (было бы смешно не учитывать условий той среды, в которой строится социализм у нас в СССР), мы должны рассматривать возможность построения социализма в нашей стране, исходя из внутренних движущих сил эпохи диктатуры пролетариата. По поводу приведенных слов Ленина Сталин пишет: «Что значит подчеркнутая фраза Ленина: «Организовав у себя социалистическое производство»? Это значит, что пролетариат победившей страны может и должен организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество» [2]). Возможность построения социалистического общества дана, с одной стороны, фактом отрыва России от капиталистического целого и вступления ее на самостоятельный «закон развития» социалистического. Методологическая суть ошибки Троцкого в этом вопросе заключается в механистическом понимании целого: целое с этой точки зрения существует поскольку вообще имеется связь между отдельными элементами. А какова эта связь, а отличие внутренней связи от внешней,—этого не существует для троцкизма, так же как и не существует для механистов. Вот почему «часть» для него остается частью целого, независимо от того, что она качественно изменилась. Диалектическое понимание взаимоотношения целого и части отметает троцкистское возражение против возможности построения социализма в одной стране на том основании, что, де, Россия была и остается частью мирового капитализма. Но самая возможность построения социализма в СССР заложена еще во внутренних законах развития переходного периода. Троцкисты и здесь сбились с правильной диалектической постановки вопроса.

II.

Нетрудно показать, что именно механистическая методология, которая лежала в основе троцкизма, связана была с тем, что он не в состоянии был вскрыть движущие силы революции и диктатуры пролетариата.

Характерным для троцкистской методологии является аналитический подход к действительности: он расчленяет всякое данное явление и берет только одну сторону, превращая ее в абсолют. Как известно, теория перманентной революции Троцкого признает только один революционный класс—пролетариат и игнорирует существование иных революционных сил. Исходя из этой своей установки, он поэтому вполне последовательно (с его точки зрения) считает, что пролетариат, взявший власть в одной какой-нибудь стране, не может долго удержаться у власти, если ему на помощь не придет социалистическая революция в других странах. Рабочий класс, взяв-

[1]) Ленин, т. XIII (изд. 1-е), стр. 133.
[2]) Сталин, Об оппозиции 1928 г., стр. 277.

щий власть, «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживают его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьян, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» [1]).

Здесь нашла свое яркое выражение вся концепция троцкизма. «Широкие массы крестьянства», могут с его точки зрения находиться только во враждебных отношениях с пролетариатом. Трудящиеся массы крестьянства вместе с буржуазией, как нечто совершенно однородное, противопоставляется пролетариату — пролетариат должен притти во враждебное столкновение с ним. Но похоже ли это на марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы? Подлинно ленинское понимание классовой борьбы заключается в том, что основное противоречие между пролетариатом и буржуазией проявляется в своей особой форме в отношении всех промежуточных мелкобуржуазных и прочих группировок, что своеобразное положение каждой из этих группировок требует различного к ним отношения со стороны пролетариата, различных форм связи с ними;—что это своеобразное положение их приводит к тому, что они на известных этапах являются союзниками пролетариата в борьбе с капитализмом [2]).

Но такого диалектического подхода к вопросу нет в троцкизме. Для троцкизма отношение пролетариата к крестьянству носит абстрактный и неизменный характер. Самое отношение, связь рассматривается не в движении, не в развитии, а как нечто метафизически данное. Кроме того, не выделяются различные слои крестьянства, а все крестьянство в целом противостоит как враждебная сила пролетариату. Насквозь метафизическая постановка вопроса.

Но при таком подходе пролетариат во время своей диктатуры оказывается в сплошь враждебном окружении, и, следовательно, спасти его может только международный пролетариат. «Без прямой господствующей поддержки европейского пролетариата,—писал Троцкий,—рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» [3]).

Но к чему сводится в таком случае само понимание диктатуры пролетариата? Очевидно, к голому противопоставлению пролетариата всем остальным классам, с которыми он борется и которые должен уничтожить. Диктатура пролетариата тогда просто превращается в насильственный захват власти, при одновременном захвате власти пролетариатом в других странах; это борьба, по окончании которой только и встает вопрос о построении социализма. Здесь борьба противопоставляется строительству; оба момента метафизически противопоставляются друг другу. Но в таком случае борьба носит крайне абстрактный характер борьбы вообще, а строительство превращается в чисто-положительную, мирную работу. Между тем, что значит построить социализм в любой области,—в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и т. д.,—как не одновременно же вести борьбу с теми формами производственных отношений, с теми психологическими и идеологическими навыками, которые господствовали в этих областях до этого времени? Но что значит, с другой стороны, уничтожить клас-

[1]) Троцкий, 1905, стр. 4.

[2]) Подробно об отношении пролетариата к крестьянству в эпоху диктатуры пролетариата мы говорим в 3-й главе, в связи с правым уклоном.

[3]) Троцкий, Наша революция, стр. 278 (Цит. по Сталину, «Об оппозиции», стр. 137).

сы,—это, прежде всего, изменить существующие производственные отношения, т.-е. на месте товарно-капиталистических отношений создать новые—социалистические. Диктатура пролетариата есть, таким образом, одновременно и самая ожесточенная форма классовой борьбы и одновременно же созидание, построение социалистического общества. Рассматривать оба эти моменты раздельно—значит впасть в метафизику и не понять ни того, ни другого. А главное не понять тех своеобразных форм, какие классовая борьба, именно вследствие этого, принимает в переходный период.

«Диктатура,—говорит Ленин,—означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация» [1]).

Сталин следующим образом характеризует три основные стороны диктатуры пролетариата: 1) использование власти пролетариатом для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариатом других стран, для развития и победы революции во всех странах; 2) использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата; 3) использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без государства.

«Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как единственно характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны взятые вместе дают нам полное и законченное понимание диктатуры пролетариата» [2]).

Здесь блестяще сформулирована невозможность оторвать задачу подавления эксплоататоров от задачи упрочения союза пролетариата с массами трудящихся и «вовлечение этих масс в дело социалистического строительства». Здесь борьба берется не абстрактно, не вообще, а в связи с теми задачами, которые стоят перед пролетариатом. Эта задача — уничтожение классов и построение социализма—требует различного отношения к различным классам общества. Не все классы должны быть уничтожены методами голого насилия; основная масса крестьянства (середняк) должна быть переделана, и самая эта переделка связана с отрывом ее от буржуазии.

Двойственный характер среднего крестьянства (с одной стороны трудящийся, с другой — собственник) диктует особую форму связи с ним пролетариата — союза под руководством пролетариата. «Диктатура пролетариата, — пишет Сталин, — есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат». Это особого рода союз, союз, целью которого является уничтожение классов, борьба с капитализмом, переделка самого крестьянства и перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы. Этот союз, следовательно, не простое сотрудничество классов вообще, а сотрудничество с особой целью и в особых формах; союз, который включает в себя как моменты и борьбу, и положительное строительство. В этом союзе (в тех различных формах, которые он принимает на различных этапах диктатуры про-

[1]) Ленин, т. XVI, стр. 222.

[2]) Сталин, Об оппозиции, стр. 248.

летариата) происходит процесс отрыва трудящихся масс крестьянства (середняка) от буржуазии, при чем сами середняцкие и бедняцкие массы крестьянства участвуют (особенно на высшей стадии, на стадии производственной смычки с ними пролетариата), в борьбе с капитализмом, который рождается из его собственной среды, в борьбе с кулачеством, а также в своей собственной переделке, в борьбе за социалистические формы сельского хозяйства. Итак, правильное соотношение с крестьянством отнюдь не приводит к его абстрактному враждебному противопоставлению пролетариату, а, наоборот, делает трудящиеся массы крестьянства участником социалистического строительства.

«Два основных класса,—пишет Сталин,—стоят перед нами: класс пролетариата и класс частных собственников, т.-е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можем ли мы построить социализм своими собственными силами, то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или не преодолимы» [1]. Троцкистское, голое, метафизическое противопоставление пролетариата крестьянству не давало разрешения этому противоречию и связано было с невозможностью построения социализма в одной стране, с невозможностью для пролетариата продержаться продолжительное время у власти без помощи мировой революции.

Правильное диалектическое понимание классовой борьбы вообще и этих противоречий, в частности, которое лежало в основе политики партии, привело к тому, что широкие середняцко-бедняцкие массы крестьянства не выступили как враждебная сила против пролетариата, а, наоборот, делаются сами строителями социалистического общества. Политика партии тем самым показала и доказала возможность победы социализма в одной стране. «Что такое «возможность» победы социализма в одной стране? Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах» [2].

III.

Одним из центральных вопросов, по которым шли разногласия правых с партией, является вопрос о крестьянстве, об обострении классовой борьбы, о решительном наступлении на капиталистические элементы города и деревни и о развертывании коллективизации. Правые утверждали, что усиленное наступление на кулака приведет к разрыву союза с крестьянством, устранит стимул к хозяйствованию и приведет сельское хозяйство к деградации.

В чем методологическая суть и в чем ошибочность этих положений? Чтобы разобраться в этом, необходимо коснуться вопроса о понимании правыми классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. «Я думаю,—пишет Сталин,—что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию тов. Бухарина о врастании кулака в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата» [3]. В чем сущность проблемы классов в

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 137.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Сталин, О правом уклоне в ВКП(б), «Большевик» № 23—24, 1929 г., стр. 22.

марксизме? Методологическую ясность в проблему классов вносит лишь проблема диалектического единства противоположностей. Социал-демократы разных толков определяли классы по совокупности признаков, присущих всем индивидам, входящим в состав данного класса, признаков, создающих их общий интерес. Это механистическое понимание явления, рассматривающее его как совокупность признаков и неумеющее выделить его суть, приводит к ряду оппортунистических выводов. Действительно, при таком понимании, деление классов на различные группы (профессии, различный национальный состав класса и т. д.) неминуемо приводит к разобщению классовых интересов. Общность национальных интересов ослабляет тогда единство пролетариата, и социал-демократы противопоставляют национальные интересы классовым. При таком положении промежуточные классы, обладая признаками и того и другого класса, должны играть роль буфера, ослабляющего борьбу. Ибо с этой точки зрения классы суть силы противоположно направленные, и все, что находится между ними, должно смягчать остроту их столкновения. Каждый из классов здесь рассматривается как совершенно самостоятельная сила, существующая сама по себе; их столкновение есть лишь внешнее столкновение, и задача, следовательно, будет заключаться в том, чтобы выяснить условия их равновесия и условия нарушения этого равновесия. Вполне возможно, следовательно, достижение полного равновесия классовых сил и замирание классовой борьбы: теория, которую усиленно развивал в последнее время один из лидеров австро-марксизма Отто Бауэр.

Подлинное марксистско-ленинское понимание классов резко противоречит этому механистическому взгляду. Бухаринскому определению классов, как групп лиц, «об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе, со всеми вытекающими отсюда последствиями для распределения», Ленин противопоставляет следующее: «Классы представляют из себя прежде всего «группы лиц» (не точно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа присваивает себе труд другой группы» [1]) (подчеркнуто нами. *В. и Т.*). Определение классов Ленин, вслед за Марксом [2]), связывает с внутренним противоречием исторически-определенных способов производства. Для понимания классов, существующих в определенном обществе, необходимо исходить из данной общественной формации с ее специфическим строем производства, с внутренним противоречием этого строя производства, раздвоение единого на противоположные классы. Классы в этом случае уже не выступают, как внешние, самостоятельные силы, и противоречие между ними не есть их противоположная направленность; самый характер классов определяется тем внутренним противоречием, которое имеется в данной формации. Без этой особой формы противоречия, связанной с отношением к средствам производства и специфической формы эксплоатации, непонятна и самая суть борющихся классов, путь их развития и их судьба. Победу пролетариата над буржуазией опять-таки нельзя об'яснять простым количественным ростом его сил, как это делают некоторые механисты (Сарабьянов). Буржуазия сильна не своим количеством; сила ее в тех огромных производственных силах, которыми она обладает; но в этой же силе кроется и ее слабость; развитие этих производительных сил приходит в противоречие с буржуазными же производственными отношениями. Сила пролетариата опять-таки не только и не столько в его количественном ро-

[1]) Ленинский Сборник XI, стр. 357.

[2]) «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства...» (Маркс и Энгельс, Письма, 1923 г., стр. 52).

ге, сколько в силе его организации и в силе противоречий капиталистического общества... Короче говоря, дело не только в количественном росте сил того или другого класса, но и в остроте внутренних противоречий капиталистического общества. Классовая борьба не есть дальше механическое передвижение людей в пространстве в противоположных направлениях, а связана с внутренними противоречиями общества, с его специфической формой движения. А в таком случае нелепо говорить о промежуточных группах, как ослабляющих классовую борьбу. Промежуточные группы всегда становятся на сторону того или другого борющегося класса; они не ослабляют борьбу, а лишь осложняют ее своими колебаниями, своей двойственностью. «На деле,—писал Ленин,—все решает исход борьбы пролетариата и буржуазии, а промежуточные, средние классы (в том числе вся мелкая буржуазия, а значит и все «крестьянство») неизбежно колеблются между тем и другим лагерем» [1]). В таком случае смешно говорить о равновесии классовых сил, о равновесии, приводящем к компромиссу и прекращению классовой борьбы: классы образуют непримиримое противоречие внутри общества, противоречие развивающееся и обостряющееся. Пока существует данная общественная формация, существуют и развиваются внутренние противоречия, лежащие в ее основе, а, следовательно, не может быть и речи о равновесии классовых сил. Такова диалектическая точка зрения на классы и классовую борьбу. Но этот взгляд покоится, очевидно, на совершенно иных методологических предпосылках, нежели бухаринская теория равновесия. С точки зрения этой теории суть всякого явления заключается в известном правильном соотношении отдельных его элементов, их приспособления друг к другу, их равновесия между собой и с окружающей их средой. Между тем, как с диалектической точки зрения сущность всякого явления связана с его внутренней борьбой противоположностей, с его формой движения. В нашей литературе уже достаточно раз указывалось на непосредственную связь «теории равновесия» Бухарина с организационной теорией Богданова. Богданов сам очень хорошо выяснил, в чем суть его расхождения с Марксом: «Пользуясь нашим методом,—пишет он,—мы с самого начала определили диалектику так: организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных тенденций. Совпадает ли это с пониманием Маркса? Очевидно, не совсем. Там дело идет о развитии, а не об организационном процессе» [2]). Нам еще придется коснуться вопроса о том, какое место занимала эта теория в различных буржуазных и мелкобуржуазных концепциях советского хозяйства. Замечательно, однако, что Богданов, очевидно, учитывал то влияние, которое его теория могла оказать на практическую работу в ряде отраслей социалистического строительства, и в своем предисловии к изданию «Тектологии», вышедшему в 1922 г., писал: «К счастью, повидимому, все же не придется ждать, пока европейцы самостоятельно повторят то, что уже сделано. По крайней мере, в России я с большой радостью могу констатировать, что моя надежда на присоединение товарищей сотрудников, наконец, оправдалась. Ряд молодых—даже не только молодых—ученых определенно пошли по пути тектологического исследования, применяя его методы и наиболее установленные выводы к различным живым вопросам практики и науки: в государственно-хозяйственном плане, о программах и приемах педагогики, об анализе переходных экономических форм, о социально-психологических типах и проч.» [3]).

Итак, с точки зрения бухаринской «теории равновесия» (а также с точки зрения богдановской «организационной науки»), существование

[1]) Ленин, Об обмане народа, т. XVI, стр. 240.
[2]) Богданов, Философия живого опыта, стр. 189.
[3]) Богданов, Тектология, 1929 г., Предисловие, стр. 15.

всякого данного предмета или явления связано с взаимной прилаженностью, приспособленностью отдельных частей друг к другу. «Известно, например,— пишет Бухарин,—что в науке об организмах биологи говорят о приспособлении. Под приспособлением понимают такое положение вещей, при котором то, что приспособляется к другому, может вместе с этим другим длительно существовать... Сходное явление мы наблюдаем, однако, и в так называемой «мертвой» природе... Тут говорят обычно не о приспособленности, а о равновесии между телами, о равновесии между системами этих тел и проч. Наконец, сходное явление мы наблюдаем и в обществе. Общество худо ли, хорошо ли живет в природе; оно более или менее к ней приспособлено, так или иначе оно находится с ней в равновесии. И различные части общества, все же, поскольку общество живет, так прилажены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими? Изо всех этих примеров видно, что по сути дела речь идет об одном и том же, а именно о равновесии» [1]). Сущность всякого явления заключается в этой взаимной прилаженности отдельных его частей друг к другу и в приспособлении его к окружающей среде. Познать явление значит указать условие его равновесия. «Закономерность общественного процесса,—пишет Бухарин,—легче всего раскрыть, рассматривая условия общественного равновесия» [2]). Движение, противоречие, развитие являются вторичным, производным; они об'ясняют только колебания системы, ее разрушение, а не самый факт ее существования. «Найти законы этого равновесия (товарно-капиталистического общества. *В. и Т.*),—писал Бухарин в «Экономике переходного периода»,—есть основная проблема теоретической экономии... Лишь поняв законы равновесия, можно было итти дальше и поставить вопрос о колебаниях системы». Но в таком случае сущность всякой классовой формации заключается не в классовой борьбе; характер ее определяется не этой борьбой противоположностей, а тем сочетанием отдельных элементов общества, которое образует его равновесие. Сочетание классовых сил выступает тогда как один из моментов равновесия, а борьба классов как нарушение этого равновесия. Хотя Бухарин в целом ряде мест подчеркивает классовую проблему, как основную для понимания классового общества, отношения классов, как определяющие характер общественной формы и т. д., однако это следует скорей отнести за счет непоследовательности, эклектичности его системы. Рассуждая последовательно, Бухарин должен притти,—и в целом ряде мест приходит,—к тому положению, что классовые отношения являются лишь одним из способов сочетания, связывания элементов в обществе (те отношения, где люди находятся «не рядом, а друг над другом», отношения командования и исполнения) и что классовая борьба приводит, следовательно, к разрыву этих связей, нарушению равновесия. Проблема классов подменяется проблемой организованности или неорганизованности данной хозяйственной системы, большей или меньшей устойчивости ее равновесия. Это целиком согласуется с бухаринским толкованием «закона простых трудовых затрат», который и есть не что иное, как теория равновесия в области общественных явлений. В этом смысле сочетание отдельных элементов хозяйства (его «равновесие») не определяется типом классовых противоречий, а, наоборот, классовые противоречия являются моментом, нарушающим пропорциональность этого сочетания. Но, в таком случае, задача пролетариата в переходный период заключается в том, чтобы максимально укреплять равновесие системы, установившейся после революции, равновесие классовых сил, существующих в переходный период, и не

[1]) Бухарин, Теория исторического материализма, 1929 г., стр. 74.

[2]) Там же, стр. 91.

ком случае не обострять классовую борьбу, дабы не нарушать равновесия, не разрушать общественную систему. Мы должны в таком случае стремиться к тому, чтобы мирно ужиться с теми классами, которые уже существуют. «И вот, когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может итти иначе. Т.-е., другими словами, после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм... если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа» [1]). И дальше, на следующей странице идет развитие этого положения: «...раньше наша социальная позиция была позицией разрушительной.. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы» [2]).

Любопытно, что в «Экономике переходного периода» Бухарин видел главное отличие переходного периода в том, что в нем недействителен постулат равновесия»... «На это могут возразить, — писал он, — что, поскольку общество не погибло, равновесие есть. Однако такое рассуждение было бы правильно, если бы период времени, который мы рассматриваем, представлял бы весьма длительную величину. Вне равновесия общество долго не может и умирает. Но эта же общественная система может некоторое время находиться в «ненормальном» состоянии, т.-е. вне состояния равновесия» [3]). Тогда Бухарину переходный период представлялся кратковременным периодом «ненормального состояния», суть которого заключается как раз в том, что рвутся все связи и рушится равновесие, т.-е. периодом разрушения, нарушения равновесия общества. Позднее, когда переходный период оказался относительно длительным, Бухарин, по той же самой схеме равновесия, счел необходимым отнести его во вторую рубрику, в рубрику ненарушенного равновесия [4]). Здесь задача заключается, в таком случае, в правильном сочетании отдельных сторон общественной жизни; в таком сочетании, которое не нарушалось бы никаким обострением классовой борьбы, ибо это обострение ведет к разрушению «системы» и не в интересах пролетариата, в руках которого находится власть. Мы видим таким образом, что проповедь

---

[1]) Бухарин, Ленин как марксист, сб. «Атака», стр. 275.

[2]) Там же, стр. 277.

[3]) Там же, стр. 132—133.

[4]) В своих заметках на «Экономику переходного периода» Ленин сопровождает приведенные слова Бухарина об отсутствии равновесия в переходный период вопросительными знаками, а затем замечает: «Отсюда ясна недействительность фразы «постулат равновесия недействителен» (Ленинский Сборник XI, стр. 388). Совершенно очевидно, что известное, относительное равновесие существует всегда, поскольку существует данное явление. Равновесие, однако, вовсе не абстрактное, раз-на-всегда данное, а само определяется формой движения данного явления, его качественным своеобразием. «Всякий покой, всякое равновесие только относительно, имеет смысл по отношению к той или другой форме движения» (Энгельс, Анти-Дюринг, 1922 г., стр. 31). Нет равновесия вообще; есть своеобразное для каждого данного качества пропорциональное соотношение частей, соотношение, в котором это явление может развиваться и которое является нарушением равновесия для другого качества, ибо оно в таких пропорциях развиваться не может. Равновесие, следовательно, ничего не об'ясняет в сущности данного явления, а, наоборот, само об'ясняется его внутренней структурой, процессом борьбы противоположностей, который определяет форму его движения. Равновесие существует, следовательно, всегда в какой-нибудь форме движения, в постоянном развитии и именно поэтому постоянно нарушается.

правых о замирании классовой борьбы, вообще, в переходный период теснейшим образом связана с концепцией равновесия, с отрывом момента движения и противоречия от момента существования данного явления в его качественном своеобразии.

Взгляд этот целиком противоречит ленинскому пониманию эпохи диктатуры пролетариата как периода «невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее». «Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы (в новой форме)» [1]). Для Ленина, как и для Маркса, взаимоотношение и борьба между классами не являлись моментом, лишь разрушающим данную «систему», данное явление в его качественном своеобразии. Классовые отношения и классовая борьба в своей специфической форме как раз и являются тем единством противоположностей, которое определяет форму движения данного явления (общественной формации), его сущность. Это отнюдь не исключает того момента, что эта же борьба противоположностей, в процессе своего развития, приводит к уничтожению данного общества и замене его другой общественной формацией. Причина развития данного явления и причина его уничтожения — с точки зрения диалектического материализма—одна и та же: внутренние противоречия, которые, обостряясь, приводят его к гибели. Бухарин проглядел эту сторону диалектики и видит преимущество своей теории равновесия в том, что она учитывает оба момента: существование и разрушение, конечно, раздельно. «Вместо эволюции (развития) и только эволюции, — пишет он, — она позволяет видеть также и случаи разрушения материальных форм» («Беглые заметки»).

Итак, по Бухарину, в основе данного явления лежит равновесие, а противоречие лишь разрушает его; с точки зрения диалектического материализма в основе всякого данного явления лежит единство и борьба противоположностей, — она определяет форму его движения, его качественное своеобразие. «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их как единство противоположностей» [2]). Классовые отношения не являются просто одним из видов производственных отношений, существующих рядом с другими отношениями; классовое противоречие и есть то раздвоение единого, которое образует внутреннюю основу «самодвижения» данного общества. «Капиталист и наемный рабочий, — пишет Маркс, — единственные деятели и факторы производства, отношение и противопоставление друг другу которых вытекает из сущности капиталистического способа производства» [3]). Взаимоотношения, связь и борьба между наемным трудом и капиталом определяют суть капиталистического общества.

Но диктатура пролетариата есть «продолжение классовой борьбы», есть последнее классовое общество и, следовательно, характер его развития при всем его различии от других классовых формаций также определяется классовой борьбой, сдвигами и перемещениями классовых сил. Классовая борьба осталась, классовая борьба и теперь идет по основной линии между буржуазией и пролетариатом. «На деле все решает исход борьбы пролетариата с буржуазией, а промежуточные средние классы... неизбежно колеблются между

---

[1]) Ленинский Сборник III, стр. 495.

«Уничтожение классов, — пишет Ленин, — дело долгой, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата, не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (Ленин, т. XV, стр. 227).

[2]) Ленин, К вопросу о диалектике, Ленинский Сборник XII, стр. 323—324.

[3]) К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. I, стр. 210.

тем и другим лагерем» («Об обмане народа», т. XVI). Но если основная линия борьбы идет и здесь между буржуазией и пролетариатом, то тип борьбы, форма борьбы совершенно изменилась, изменились также и классы, борющиеся между собой. «Формы классовой борьбы пролетариата при его диктатуре не могут быть прежние» [1]). «Классы остались, — писал Ленин, — но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение» [2]). Пролетариат и буржуазия — уже не наемный труд и капитал, а класс, взявший господство в свои руки с целью уничтожения классов и построения социализма и класс, потерявший могущество, класс разбитый, но еще не добитый и «удесятеривший вследствие этого свое сопротивление». «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране)» [3]). Классы и классовая борьба обладают в переходный период специфическими чертами, отличающими их от непереходных общественных форм вообще и от капиталистического общества, в частности. Там классовые отношения устанавливались внутри единого способа производства; их противоречия выражали противоречивый характер этого способа производства. Здесь каждый из борющихся классов представляет собой особый способ производства; здесь идет борьба двух различных, противоречивых типов производственных отношений, борьба двух тенденций: капиталистической и социалистической. Каждый из этих способов производства не есть, однако, нечто совершенно самостоятельное и независимо друг от друга существующее. В том своеобразном единстве, которое представляет собой переходный период — оба эти способа производства являются раздвоением этого единого, единством противоположностей, как всегда на основе одной из них, на основе социалистической. Но об этом подробней ниже.

Изменились, таким образом, классы, изменились соотношения между ними, изменился вместе с тем и характер противоречия и формы борьбы классов, но классы остались, а вместе с тем осталась и классовая борьба, которая «только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [4]).

Задача пролетариата в эпоху его диктатуры — уничтожить классы и построить социализм. Обе эти задачи не выполняются раздельно, а существуют в единстве. Нет и не может быть чистой, мирной строительной работы в эпоху диктатуры пролетариата; строительство социализма протекает в самой ожесточенной борьбе. Для тех, кто придерживается «организационной точки зрения» или точки зрения равновесия — строительство и организация есть известное сочетание элементов, их приспособление друг к другу. Строительство как абсолютно мирная организационная работа противопоставляется тогда борьбе. На самом же деле нет строительства, организации, сочетания элементов вообще; есть строительство в определенной социальной форме, — в данном случае социалистическая переделка всего существующего, переделка всей структуры общества, а она не может не протекать в форме самой ожесточенной борьбы с остатками старой общественной структуры, борьбы социализма с капитализмом. Так, колхозное движение есть с о з д а н и е социалистического хозяйства в деревне, есть способ максимального повышения производительных сил деревни, но вместе с тем оно является жесточайшей б о р ь б о й за выкорчевывание корней капитализма в де-

---

[1]) Ленинский Сборник III, стр. 300.

[2]) Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XVI, стр. 354.

[3]) Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XVII, стр. 117.

[4]) Ленин, т. XVI, стр. 227.

ревне, протекает в ожесточенной схватке с кулачеством, ликвидация которого есть оборотная сторона процесса коллективизации деревни. Индустриализация страны есть «реконструкция народного хозяйства на базе социализма» (Сталин), есть несомненно процесс построения социализма. «А что собой представляет реконструкция народного хозяйства на базе социализма? Она представляет наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту» (Сталин, «О правом уклоне в ВКП(б)», журнал «Большевик» № 23—24, 1929 г.). Социалистическое соревнование и ударничество являются формами создания нового коммунистического труда и коммунистической дисциплины; вместе с тем это борьба с наследием капитализма — с разгильдяйством, расхлябанностью, индивидуализмом и проч.

Идет решительная ломка всего старого и процесс построения нового связан с уничтожением этого старого. Диалектический материализм учит о том, что при переходе низшей формы движения материи в высшую элементы низшей формы включаются в высшую, но в совершенно новой внутренней структуре. Структура эта не есть просто новая связь между элементами, при которой они сохранялись бы в том же виде, в каком существовали раньше. Изменение внутренней структуры есть изменение формы движения, а вместе с тем и преобразование самых элементов. С этой точки зрения не может быть и речи о врастании отдельных частей капиталистического общества в социализм. А тем более не может быть речи о врастании в социализм кулака, представителя и защитника капиталистического общества, в непримиримой борьбе с которым только и может быть построен социализм. «До сих пор марксисты-ленинцы думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует непримиримая противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина о мирном врастании капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплоататоров и эксплоатируемых исчезает, эксплоататоры врастают в социализм» [1]). Действительно, надо совершенно забыть о непримиримости классового антагонизма буржуазии и пролетариата, чтобы представлять себе дело таким образом, будто кулак (или нэпман) может мирным путем превратиться в государственного приказчика в своем собственном хозяйстве и врасти в социализм. Капитализм не может врасти в социализм; эта истина является осью разногласий между социал-демократами и коммунистами, между ревизионистами всех толков с одной стороны, марксистами-ленинцами с другой. Методологическая суть ее заключается в отличии механистического, эволюционного пути развития от диалектического, революционного. Все, что сохранилось от капитализма в эпоху диктатуры пролетариата, должно быть переделано, преобразовано для того, чтобы перейти в социализм. В этой переделке, в этом преобразовании—суть переходного периода, и переделка эта протекает в ожесточенной борьбе классов, в борьбе социализма с капитализмом. Совершенно очевидно, что это преобразование имеет совершенно разный смысл в отношении различных классовых групп. Если переделка среднего крестьянства означает, действительно, добровольный перевод его на рельсы крупного социалистического хозяйства, путем коллективизации, то «переделка» кулачества — означает просто «уничтожение кулака как класса». Иной не может быть «переделки» для капиталистов, для класса, который является рьяным защитником отмирающего общества, иного не может быть для него «врастания в социализм». Ведь самый процесс переделки середняка

[1]) Сталин, «Большевик» № 23—24, 1929 г., стр. 23.

и бедняка протекает в ожесточенной борьбе между капиталистами и пролетариатом, между капитализмом и социализмом. «Весь вопрос,—говорил Ленин в речи на II всероссийском с'езде политпросветов, — за кем пойдет крестьянство, — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капитализмом» (т. XVIII, ч. 1). «Кто кого?» При таких условиях совершенно чудовищной, конечно, является сама постановка вопроса о возможности врастания кулака в социализм.

Нет и не может существовать единого способа «преобразования» различных классов для перехода к социализму, для уничтожения классов; способ этот зависит от того, какова социальная суть этого класса. Задача уничтожения классов конкретизируется, поэтому, в различных формам по отношению к различным классам. Чудовищно-механистической является точка зрения, игнорирующая это обстоятельство. Задача одна — уничтожение классов. Но классы различны, и форма их «уничтожения» не может не быть разная. Тот, кто не учитывает этого положения, неминуемо отклоняется от правильной партийной линии в этом вопросе. Мы видели уже, как троцкизм сваливал в одну кучу кулака и середняка, как группы, враждебные пролетариату, и проповедывал непримиримую борьбу со всем крестьянством, совершенно не учитывая качественного своеобразия середнячества как класса и своеобразных методов его преобразования (а следовательно, и упразднения как класса). Правые сваливали также в одну кучу все крестьянство, полагая, что и кулак переделывается на ряду с середняком, хотя (об этом ниже) не понимают и способа переделки середняка.

IV.

Сущность союза понимается Бухариным также с точки зрения равновесия, как известное благоприятное сочетание классовых сил; при чем из этого сочетания выхолащивается весь его классовый смысл; союз превращается в бессодержательный союз вообще в некую неизменную, застывшую форму связи, форму равновесия. «Главной гарантией социалистического строительства у нас, — пишет Бухарин (Политическое завещание, стр. 21),— есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма... забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме — на этот раз «строительной форме». При этом строительная форма берется как мирное строительство, из которого выбрасывается момент борьбы, и союз поэтому есть простое сожительство, простое сочетание классовых сил. Метафизическое понимание связи, сочетания — всегда пусто и бессодержательно; диалектическая связь носит всегда содержательный качественно-своеобразный в каждом случае характер. При этом связь уже не простое сочетание, а форма движения. Только чисто-механистическое толкование связей и вытекающее из него оппортунистическое понимание союза как равновесия, как приспособления, — могло привести Бухарина к установлению неподвижного, не меняющего своих форм союза, как сочетания классовых сил, притом со всем крестьянством в целом, при всей разнородности классовых элементов, входящих в его состав. Каково же ленинское понимание союза? Мы видели уже, что суть ленинского понимания эпохи диктатуры пролетариата заключается в рассматривании ее как эпохи ожесточенной классовой борьбы. Эта классовая борьба, эта борьба за уничтожение классов, борьба против капитализма, выкорчевывание корней капитализма и всего его влияния, которое он оказывает на различные элементы общества. Сила капитализма, указывал Ленин, заключается и в силе мелкого производства, сила его и в саботаже и вредительстве «спецов», в бюрократизме и формализме как наследии капиталистического мира, сила его в том разлагающем влиянии,

которое мелкобуржуазная стихия оказывает на отсталые элементы рабочего класса; недисциплинированность, разгильдяйство и т. д.[1]).

Рассматривая новые формы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, Ленин пишет: «Две основные линии (или формы, или типы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата: А) подавление эксплоататоров= война более беспощадная, чем иные; В) «нейтрализация» средних элементов мелкой буржуазии, крестьянства, нейтрализация складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения уклонения насилием и т. п.; С) подчинение себе враждебных для позитивной работы («спецы»); Д) воспитание новой дисциплины»[2]).

С большой ясностью здесь Ленин рассматривает всю великую борьбу рабочего класса в эпоху диктатуры пролетариата как классовую борьбу, как борьбу против капитализма и всего его наследия, как борьбу за уничтожение классов; но вместе с тем он с неменьшей отчетливостью указывает на многообразие форм этой борьбы, связанное с пестротой социального состава страны в переходный период. В частности Ленин указывает на огромное различие, которое существует между борьбой с капиталистами, в отношении которых задача заключается в прямом их уничтожении как класса, и задачей переделки средних элементов, трудящихся мелких производителей, в отношении которых не может быть и речи об их прямом уничтожении, ибо задача заключается в их переделке, в том, чтобы в процессе длительного воздействия на них, вместе с ними вести борьбу против их собственных капиталистических тенденций. «Уничтожить классы, — писал Ленин, — значит не только прогнать помещиков и капиталистов... Это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»[3]). В другом месте Ленин по поводу этой переделки, по поводу этого длительного систематического воздействия пишет следующее: «систематическое, руководящее воздействие (тоже борьба, но особого рода и преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев»[4]). На первый взгляд здесь нет намека на союз, но так оно представляется тому, кто союз представляет себе метафизически, как простое соединение, кто не видит сути этого соединения, кто не видит основной задачи этого союза — уничтожение классов. «Естественное дело, что при условии громадного преобладания крестьянского населения главной задачей — и политики вообще, и политики экономической в частности — является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством. В первый раз в новейшей истории мы имеем дело с таким общественным порядком, когда класс эксплоататорский удален, но когда мы имеем два различных класса — рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не может не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается и в течение долгого ряда лет неминуемо останется — правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов[5]) (подчеркнуто нами. *В.* и *Т.*).

---

[1]) «Революция, — писали Маркс и Энгельс, — необходима не только потому, что нельзя никаким способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» («Архив», т. I, стр. 227).

[2]) Ленинский Сборник III, стр. 495.

[3]) Ленин, Детская болезнь левизны.

[4]) Ленинск. Сб. III, стр. 494.

[5]) Ленин, т. XVIII, ч. 1 (1-е изд.).

Но, в таком случае, не может быть и речи о союзе со всем крестьянством, включая сюда и кулака, ибо кулак не может быть переделан, — он должен быть уничтожен. У Ленина всегда речь идет о «союзе городских рабочих со средним крестьянством» (речь на первом всероссийском с'езде земотделов, комитетов бедноты и коммун, т. XV). «По отношению к среднему крестьянству, — пишет Ленин, — наша политика была всегда — союз с ним» (Речь на всеросс. с'езде земотделов, комитетов бедноты и коммун, т. XV).

Но и самый союз у правых носит абстрактный характер; не указаны движущие мотивы союза и потому не ясна его тенденция. Между тем, союз пролетариата с трудящимися массами крестьянства (середняком) проистекает из самой сути диктатуры пролетариата, как единства классовой борьбы и строительства социализма (единство борьбы и строительства); союз этот связан с необходимостью уничтожения классов, с необходимостью переделки и среднего крестьянства как особого класса. Эта сторона дела не учитывается правыми, которые рассматривают союз как простое благоприятное сочетание классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма, и упускают из виду, что самое строительство протекает в форме классовой борьбы. На самом деле союз возможен лишь с классом, отличным от пролетариата (иначе не нужен союз), но, вместе с тем, невозможен союз с капиталистическим классом (кулаком), интересы которого непримиримы с интересами пролетариата. Союз этот является противоречивым единством, так как классы, его образующие, не однородны и выражают две противоположные тенденции общественного развития. «Впервые в истории, — писал Ленин, — существует государство, где имеются только два класса, только пролетариат и крестьянство. Мы стремимся определить отношение пролетариата, держащего государственную власть в своих руках к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производителю» [1]).

Крестьянство потому является «последним капиталистическим классом» (Ленин), что покоится на мелком производстве, а «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, «ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). В этом смысле крестьянство выражает товарно-капиталистическую тенденцию хозяйства, в противоположность «социалистической тенденции пролетариата». «Капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянства являются в своей основе однотипным хозяйством. Конечно, мелко-крестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство, но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки тов. Бухарина «Экономика переходного периода», о «товарно-капиталистической тенденции крестьянства, в противоположность социалистической тенденции пролетариата» (Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов).

Но среднее крестьянство является вместе с тем классом трудящихся, и его исторические запросы могут быть разрешены только на почве социализма. Вот почему не может быть и речи о прямом, насильственном уничтожении середняка как класса; речь идет о руководстве им со стороны пролетариата

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 326. «Крестьянское хозяйство, — писал Ленин в другом месте, — продолжает оставаться мелкотоварным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XVII).

и переделке тех производственных отношений, в которых он живет. Союз пролетариата со средним крестьянством под углом зрения уничтожения классов, есть таким образом руководство крестьянством и переделка его,—в процессе которой и протекает борьба социалистической тенденции товарно-капиталистической.

Переделка мелкого производителя, которая вместе с тем является построением социалистической базы сельского хозяйства, является одной из труднейших форм классовой борьбы, одной из труднейших задач, стоящих перед пролетариатом особенно «при условии громадного преобладания крестьянского населения» (Ленин). «Социализм есть уничтожение классов, — писал Ленин. — Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы и выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками» [1]).

Союз со средним крестьянством покоится на двойственном характере его. «Крестьяне — особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплоатации, но в то же время они собственники» [2]).

Если бы крестьянин-середняк был просто спекулянтом, но не был бы тружеником, не могло бы быть и речи о союзе с ним; если бы, с другой стороны, середняк был тружеником, но не был бы собственником, если бы он не обладал тенденцией выделять из себя непрерывно капиталистов, — он совпадал бы с пролетариатом и опять-таки не было бы нужды в союзе с ним. Только то единство противоположностей, которое борется в самом середняке, делает возможным и необходимым союз с ним, но именно это-то единство противоположностей придает союзу особую, специфическую форму [3]). Только благодаря этому возможен не союз вообще, не вообще сотрудничество, а такой союз со средним крестьянством, который «направлен против капиталистических элементов, против капитализма вообще», который «обеспечивает руководящую роль рабочего класса в этом союзе», который облегчает дело уничтожения классов» [4]). Союз представляет собой особую форму руководства трудящимися массами крестьянства со стороны пролетариата; союз есть особая форма классовой борьбы; союз есть борьба за влияние на крестьянство (борьба между пролетариатом и буржуазией), борьба за переделку мелкотоварного крестьянского хозяйства, а следовательно, и борьба против капиталистических тенденций самого мелкого производства и, в конечном счете, борьба за упразднение класса мелких производителей и уничтожение классов вообще. Ибо руководить крестьянством—«это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 270. Цит. по Сталину, «Большевик» № 23—24, 1929 г., стр. 29). Этот союз есть, таким образом, одно из сильнейших орудий борьбы пролетариата с капитализмом в эпоху диктатуры пролетариата, есть форма борьбы с товарно-капиталистической тенденцией самого мелкого производства. «Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или под-

---

[1]) Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XVI, стр. 351.

[2]) Ленин, Об обмане народа, т. XVI, стр. 215—216.

[3]) «Крестьянин трудящийся, — пишет Ленин, — воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплоататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, заставляет крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время, экономическая обстановка товарного хозяйства неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашем и спекулянтом» (Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XVI, стр. 352).

[4]) Сталин, «Большевик» № 23—24, 1929 г., стр. 29.

чинят его капиталисты, от этого зависит исход борьбы»[1]). Использует ли капитализм собственническую природу середняка и капиталистическую тенденцию мелкого товарного производства; или же пролетариат сумеет, используя трудовой характер середняка-крестьянина, переделать его, организовать на основе социалистической формы производства, в этом суть вопроса.

Нельзя не привести здесь несколько длинную цитату из Сталина, блестяще характеризующую сущность союза пролетариата со средним крестьянством и его задачи. «Ленин говорил, — пишет он, — что крестьянство есть последний капиталистический класс. Верно ли это положение? Да, безусловно верно. Почему крестьянство квалифицируется как последний капиталистический класс? Потому, что из двух основных классов, из которых состоит современное общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкое товарное хозяйство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в вопросе о нашем марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса с крестьянством. Это значит, что нам нужен не всякий союз с крестьянством, а лишь такой союз, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства. Как видите, тезис Ленина о крестьянстве как о последнем капиталистическом классе, нисколько не противоречит идее союза рабочего класса и крестьянства, а, наоборот, дает этому союзу основание, как союзу рабочего класса и крестьянства, направленного против капиталистических элементов нашего хозяйства... (Подчеркнуто нами. *В.* и *Т.*).

Ленинизм безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает руководящую роль рабочего класса, укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов»[2]).

Основная задача диктатуры пролетариата—уничтожение классов и построение социализма, — именно в силу двойственности среднего крестьянства, преломляется здесь в этой сложной форме — союза пролетариата с середняком. А так как задача переделки мелкого производителя является труднейшей задачей, особенно в стране с преобладающей массой крестьянства; так как без разрешения этой задачи не может быть и речи о ликвидации корней капитализма, ибо мелкое товарное производство постоянно выделяет из своей среды капиталистов, — то понятно, почему такое огромное значение придается партией установлению правильных соотношений с основными массами крестьянства.

Но союз этот не есть уже «союз вообще», как простое сочетание двух классов и задача союза вовсе не заключается в том, чтобы давать возможность крестьянину беспрепятственно развивать свои собственнические тенденции. Что означает теория безграничных уступок крестьянству? Она означает, конечно, уступку его торгашеской, собственнической стороне, иначе говоря, возможность беспрепятственного выделения из его среды буржуазии. Она означает, следовательно, по существу, отталкивание середняка в лагерь кулака, в лагерь капиталистов. Правые совершенно метафизически поняли союз, не учли противоречия, которое кроется в этом союзе и, ратуя, якобы за сохранение союза, по существу толкали партию на разрыв с основными

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 34.
[2]) Сталин, «Большевик» № 23—24, 1929 г., стр. 28.

массами крестьянства, на отталкивание их в лагерь кулака [1]). Мы видели, что троцкизм тоже должен бы привести к этому разрыву на противоположном пути, выступая против политики союза с середняцкими массами крестьянства, полностью противопоставляя крестьянство пролетариату. К этому же разрыву неминуемо приводят и те антисередняцкие загибы в вопросах коллективизации, которые покоятся на забвеньи основного принципа переделки мелкого производителя (середняка) — добровольности, отличающей его от процесса насильственной «переделки» эксплоататорских классов, загибы, которые также сваливают в одну кучу кулака и середняка.

Метафизическое противопоставление союза и борьбы приводит в обоих случаях к одинаковым результатам. Этому метафизическому пониманию союза (как простого соединения) партия противопоставила диалектический взгляд на союз как на единство противоположностей. Союз здесь уже не просто связь, не метафизически-застывшее соединение, а форма движения, противоречивые моменты которого приводят к смене одной формы союза другой. Так как союз построен для руководства средним крестьянством в борьбе с капитализмом и с товарно-капиталистической тенденцией самого мелкого производства, то очевидно совершенно, что всякие сдвиги классовых сил, изменение соотношения классов приводит и к новой форме союза. В таком случае нелепо говорить о товарообмене, как единственной форме смычки пролетариата с крестьянством. Торговая форма смычки является лишь необходимым этапом для перехода к высшей производственной форме, которая одна только дает возможность действительно ликвидировать мелкое производство, перевести деревню на социалистический путь развития, уничтожить корни капитализма в стране.

Остановившись на снабженчески-сбытовой кооперации, как на столбовой дороге к социализму, Бухарин упустил из виду одно из основных марксистских положений о том, что не сфера распределения, а сфера производства определяет социальную суть различных классов, что, следовательно, оставаясь в сфере обращения, никак нельзя переделать крестьянство, никак нельзя и уничтожить базу капитализма [2]).

Мы постоянно встречаемся у Бухарина с заменой классовой характеристики того или иного способа производства степенью его организованности (анархическое или организованное производство). Проблема переделки крестьянского хозяйства также выступает у Бухарина как «организационная» проблема. В «Экономике переходного периода» мы встречаем следующее выражение: «...диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства». Ленин делает по поводу этого места следующее замечание: «Надо было сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и частно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подстав-

---

[1]) В речи на пленуме ЦК от 19 марта 1928 г. («Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)») Сталин говорил: «Вот как понимает Ленин вопрос о «правильных соотношениях с крестьянством». Дело тут не в том, чтобы ласкать крестьянина и в этом видеть установку правильных соотношений с ним, ибо на ласке далеко не уедешь, а дело в том, чтобы помочь крестьянину перевести свое хозяйство на новую техническую базу современного производства, ибо в этом основной путь избавления крестьянства от нищеты» («Вопросы ленинизма», стр. 511).

[2]) «К социалистическому производству на земле, — пишет т. Бухарин, — мы придем через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе» (Об экономической платформе оппозиции, стр. 15).

лить здесь слово организующей есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану» [1]).

Суть различия между бухаринским и ленинским кооперативным планом заключается в том, что для Бухарина переделка крестьянского хозяйства означает абстрактную организацию, об'единение раздробленного мелкотоварного крестьянского хозяйства, об'единение, которое возможно на почве снабженчески-сбытовой кооперации; для Ленина же переделка означает качественное изменение мелкобуржуазного способа производства середняка, т.е. изменение его экономической структуры, его производственных отношений.

В таком случае, союз с трудящимися массами крестьянства должен неминуемо вести к отрицанию торговой формы смычки — смычкой производственной, ибо только на этом пути достигается основная цель союза — уничтожение классов и базы капитализма — мелкого производства. При том, именно на этой высшей стадии союза мы достигаем полностью такого положения, когда основная масса крестьянства, в союзе с пролетариатом борется «с капиталистическими элементами крестьянства» (Сталин). Здесь крестьянство само борется с остатками капитализма в своей собственной среде; само, под руководством пролетариата, путем коллективизации выкорчевывает корни капитализма в самом крестьянстве, борется против капиталистической стихии в себе самом. Тогда ликвидация кулака как класса выступает как оборотная сторона процесса сплошной коллективизации, как один из моментов союза рабочего класса с крестьянством, союза против капиталистических элементов, за уничтожение классов. «Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-середняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию» (Сталин, «К вопросу об аграрной политике СССР», стр. 16). Раскулачивание (уничтожение кулака как класса) идет на основе мобилизации широких бедняцко-середняцких масс, на основе сплошной коллективизации, которая (как высшая форма смычки) приводит к уничтожению капитализма его корней в деревне. Таковы плоды правильного понимания союза пролетариата с основными (середняцкими) массами крестьянства.

V.

Ошибки правых в вопросе о формах смычки пролетариата с крестьянством теснейшим образом связаны с их ошибочным пониманием нэпа. Правые определяют нэп по одному признаку — «развязывание рыночных отношений», свобода торговли. В этом смысле нэп, как определенный этап общественного развития, представляет собой нечто застывшее, определенную неизменную систему мероприятия.

Нетрудно вскрыть метафизическую суть такого понимания, заключающегося в том, что всякое данное качественно-своеобразное явление рассматривается как нечто неизменное, как система, находящаяся в равновесии. Споры с механистами по вопросу о качестве как раз и шли по той линии, что они не отличали качества от свойств и рассматривали всякое явление по известной совокупности его признаков. Но тогда либо приходится признать, что явление, пока оно существует как таковое, неизменно, или же считать, что об'ективно нет более или менее длительно существующих, качественно своеобразных явлений, а всякое качество есть лишь условное, суб'ективное выделение ряда признаков (Сарабьянов). В том и другом случае тождество и различие, покой и движение метафизически противопоставляются друг другу: при этом тождество остается абстрактным тождеством, а различие — различием вообще. В противоположность этому, диалектическое понимание качества связывает его с внутренней структурой предмета, с его формой движения, а, следовательно, с внутренним противоречием, имеющимся внутри вся-

[1]) Ленинский Сборник XI, стр. 368.

кого явления. Этим самым покой — как относительная устойчивость, которой обладает данное явление, пока оно существует как таковое, — есть покой в движении, в определенной форме движения и качество само рассматривается в развитии. У правых нет этого диалектического подхода в понимании нэпа; они рассматривают его как неизменную совокупность признаков, и всякое изменение этих признаков принимают за уничтожение нэпа. Между тем, нэп есть «политика пролетарского государства», политика, рассчитанная на более или менее продолжительный период, на период, в котором протекает грандиозная борьба за построение социализма и не может не включать в себя целого ряда периодов, связанных с различными формами этой политики. Нэп существует и необходим, поскольку на ряду с социалистическим сектором существует сектор несоциалистический; нэп устанавливает взаимоотношения между социалистическим укладом и различными другими укладами, а в условиях мелко-крестьянского окружения, в первую очередь, с мелким товарным производством, т.-е. отношения города и деревни. Рассматривать эти взаимоотношения как нечто раз-на-всегда данное, значит совершенно не понимать того реального диалектического процесса, который здесь протекает, процесса построения социализма. Некогда троцкисты противопоставляли социалистический сектор несоциалистическому, рассматривали их как совершенно самостоятельные единицы, отношения между которыми носят чисто-внешний характер выкачивания социалистическим городом средств для социалистического строительства из несоциалистической деревни. Речь шла там лишь «об эксплоатации социалистической системой хозяйства досоциалистических форм» [1]). С другой стороны, правые тоже рассматривают социалистическую промышленность и крестьянский рынок как самостоятельно существующие силы, приспособляющиеся друг к другу. «Накопление в социалистической промышленности, — пишет Бухарин, — при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве» [2]). Или в другом месте: «Соотношение внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком» [3]). То же, по существу, повторяет, хотя и в усложненной форме и не без некоторого кокетничания диалектической терминологией, один из представителей бухаринской «школы молодых» — тов. Айхенвальд (См. его «Советская экономика», гл. VI). Правда, Айхенвальд говорит о «взаимопроникновении плана и стихии», но под «взаимопроникновением» он понимает тот факт, что, «поскольку стихии и плану приходится устанавливать равновесие в едином хозяйстве, постольку они обязательно должны как-то приспособиться друг к другу, как-то отразить в себе факт своего взаимососедства» [4]). И тот и другой секторы претерпевают, следовательно, с этой точки зрения, видоизменения, под влиянием взаимного воздействия друг на друга, иначе говоря, попросту, приспособляются друг к другу. Где же здесь диалектическое взаимопроникновение противоположностей? Нет и намека.

Правда, Айхенвальд говорит еще о гегемонии плана над стихией, но эта «гегемония» заключается в том, что «план включает в себя стихию», что «плановое создание равновесия учитывает стихийную игру сил» [5]), что стихия здесь образует лишь один из факторов, учитывая которые план «организует предварительно спроектированную равнодействующую» [6]). Хороша гегемония! Речь идет просто о приспособлении плана к стихии, социалистической промышленности к крестьянскому рынку.

---

[1]) Преображенский, Новая экономика, 1926 г., стр. 254.
[2]) Бухарин, Об экономической платформе оппозиции, стр. 20.
[3]) Бухарин, К вопросу о троцкизме, стр. 162.
[4]) Айхенвальд, Советская экономика, стр. 300.
[5]) Там же, стр. 301.
[6]) Там же, стр. 329.

Суть заключается в том, что Айхенвальд исходит из равновесия всех элементов хозяйства, а не из того реального движения, процесса строительства социализма, который при этом происходит.

Итак, троцкисты рассматривали социалистический сектор раздельно от несоциалистического, как «суб'ект» в отношении «об'екта»; и при этом упускали из виду, что строительство социализма не может ограничиться одной социалистической промышленностью, что оно требует также переделки мелкого производства, переделки деревни, которая во всяком случае не может быть достигнута методами эксплоатации; не учитывали совершенно всей сложности проблемы союза пролетариата с крестьянством и связи его с пониманием нэпа. Отсюда — нэп рассматривался ими как уступка капиталистическим элементам страны, как отступление (Зиновьев).

Правые тоже рассматривают оба сектора, как самостоятельно существующие единицы («ящики» по Сталину) с постоянной, неизменной формой соотношения между ними (товарообменом), отношения, в котором они приспособились друг к другу и образуют равновесие. «Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга... При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы», борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого» [1]).

Правые не видят, что проблема взаимоотношения социалистического и несоциалистического сектора включает в себя борьбу социализма с капитализмом, уничтожение мелкого производства, переделку крестьянских трудящихся масс. Этого нельзя видеть, если рассматривать эти секторы как самостоятельные единицы, а отношение между ними устанавливать как внешнее соотношение: борьба противоположно направленных сил (троцкизм), или взаимное приспособление этих сил друг к другу (правые). Социалистический и товарно-капиталистический (и прежде всего мелко-товарный) секторы не существуют раздельно в переходную эпоху, а образуют реальное единство, взаимопроникновение и борьбу противоположностей, при том, как и всякое диалектическое единство, — на основе одного из них — социалистического. При этом единство включает в себя борьбу, а борьба — единство. Единство не есть уже простое сочетание элементов (притяжение), а само обусловлено той формой борьбы, которая идет между социализмом и капитализмом, в процессе которой переделывается мелкое производство и строится социалистическое общество: единство существует только через борьбу. Но и борьба не есть уже борьба вообще, простое отталкивание, а возможна, в своей определенной форме, лишь благодаря единству и целостности общества переходного периода. Таким образом, это уже не простое сочетание секторов и не простое их отталкивание, а реальное противоречие, обуславливающее движение общества к социализму и имеющее тенденцию к переделке мелкотоварного производства, к уничтожению классов, а вместе с тем к уничтожению различия между социалистическим и несоциалистическим сектором. «Нэп, — говорит Сталин, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента

[1]) Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов.

социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма» [1]).

Поскольку существуют несоциалистические формы хозяйства, постольку и связь с ними носит в известной мере несоциалистический, товарно-капиталистический характер, характер товарообмена. Поскольку, с другой стороны, весь процесс движется в сторону уничтожения несоциалистического сектора, постольку эта форма связи должна в себя включать противоположную тенденцию к уничтожению свободной торговли. «Из этого следует, — пишет Сталин, — что, пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны, и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение известной свободы торговли, и вторая сторона, направленная против полной свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон и у вас не будет нэпа» (Сталин, Правый уклон в ВКП(б), «Большевик» № 23—24, стр. 29). Оба противоречивых момента находятся в нэпе. В борьбе этих противоположностей и развивается нэп. Вначале он движется на основе свободы торговли. Свободный товарообмен является основной формой смычки города и деревни в первые годы нэпа. В процессе своего собственного развития свобода торговли приводит к своей противоположности: на основе свободной торговли восстанавливается и развивается промышленность в городе, переходит из восстановительного в реконструктивный период; это создает основы для новой формы смычки производственной и, тем самым, для значительного ограничения свободы торговли, в конце концов, и для ее полного уничтожения с окончанием нэпа и переделкой мелкого производства. Но переход от одной формы смычки к другой связан со сдвигами классовых сил, «за так называемыми «ящиками» стоят классы» (Сталин). Производственная форма смычки означает реконструкцию сельского хозяйства, означает наступление на капиталистические элементы, развитие колхозного и совхозного движения, выкорчевывание корней капитализма и, в конечном счете, ликвидацию кулака как класса на основе сплошной коллективизации. Проблема переделки производственных отношений в деревне, уничтожение мелкого производства является, как мы видели, труднейшей задачей переходного периода; в ней концентрируются все классовые противоречия и классовые сдвиги. Вот почему противоречие между социалистическим сектором и крестьянским является основным движущим противоречием переходного периода [2]), вскрыв которое мы познаем закон движения нэпа и необходимые его переходы от одного этапа к другому.

Своеобразие эпохи диктатуры пролетариата, ее переходный характер заключается в том, что мы здесь имеем противоречие и борьбу между двумя типами производственных отношений, двумя тенденциями развития: товарно-капиталистической и социалистической. Всякая непереходная формация характеризуется единым способом производства, который определяет экономическую структуру, закон ее развития; другие существующие в ней социально-экономические уклады являются остатками прошлых формаций и образуют побочную форму движения, подчиняющуюся основной форме. Сущность же переходного периода заключается в борьбе социалистического способа производства с капиталистическим, сила которого заключается «в силе мелкого производства» (Ленин); борьба, которая, следовательно, выражается в противоречии между «товарно-капиталистической тенденцией крестьянства» и «социалистической тенденцией пролетариата».

---

[1]) Сталин, заключительное слово по политическому отчету ЦК XIV с'езду ВКП(б), «Вопросы ленинизма», стр. 305.

[2]) Сталин. О правой опасности в ВКП(б), речь на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 г., «Вопросы ленинизма», 1929 г., стр. 494.

Каждый из этих способов производства заключает в себе возможность своего собственного пути развития; вот почему возможность восстановления капитализма в переходную эпоху не исключена до тех пор, пока не разрешена проблема «кто кого?», пока не произошла переделка мелкого производства, пока не вырваны, следовательно, корни капитализма в стране. «Существуют ли у нас, в нашей советской стране условия, делающие возможным восстановление (реставрация) капитализма? Да, существуют... поскольку мелкое производство имеет у нас массовый, даже преобладающий характер и поскольку оно рождает капитализм и буржуазию, особенно в условиях нэпа постоянно и в массовом масштабе,—у нас имеются условия, делающие возможным восстановление капитализма»[1]. Не следует, однако, думать, что в эпоху диктатуры пролетариата, каждый из этих способов производства фактически развивается самостоятельно по своим собственным законам развития. Они образуют, как мы видели, новое реальное единство. Своеобразный характер их противоречия в переходную эпоху образует новую закономерность, которая и определяет тенденцию их развития к социализму. Вот почему в самом существе переходного периода заключена возможность «уничтожить возможность восстановления капитализма», «возможность победы социализма» (Сталин).

Таким образом, нэп не есть застывшая система, а процесс, движущийся в силу внутренних противоречий; процесс, имеющий тенденцию развития к социализму; как процесс он не есть абстрактное тождество, и образует ряд отличающихся друг от друга этапов. «Вся диктатура пролетариата,—писал Ленин,—есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов...» [1]. Но, вместе с тем, все этапы, весь процесс в целом образует качественное единство и подчинен своей единой закономерности. Каждый из этих этапов, вместе с тем, с необходимостью вытекает из предшествующего. А весь процесс в целом ведет к упразднению нэпа, к его уничтожению из собственных внутренних противоречий.

VI.

Совершенно очевидно, что метафизическое представление о нэпе у правых методологически связано непосредственно с бухаринской теорией равновесия. Эта теория, как мы указывали, не дает об'яснения развитию явления, рассматривает его с точки зрения правильного сочетания различных элементов, входящих в его состав, правильного в смысле их взаимного приспособления друг к другу и внутреннего равновесия «системы», а также равновесия этой «системы» и окружающей среды. Процесс развития общества, в этом смысле, может быть понят в смысле расширенного или суженного воспроизводства, т.-е. активного или пассивного «баланса» между обществом и природой. При этом «активный баланс» («расширенное воспроизводство с положительным знаком») означает «расширение общественного производства», рост и процветание «системы», а «пассивный баланс» («расширенное воспроизводство с отрицательным знаком») приводит к нарушению равновесия внутри общества, к разрыву общественных связей и, в конечном счете, к краху системы. Но показателем «баланса» между обществом и природой является состояние производительных сил, а значит от развития производительных сил зависит состояние данного общества. «Производительные силы общества,—пишет т. Бухарин,—их уровень, их движение определяют, в конечном счете, весь комплекс общественных явлений. И прочность всякого структурного равновесия, равновесия между различными общественно-люд-

[1]) Ленин, т. XVI, ч. 1, стр. 19.

скими группировками опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой, равновесие, характер которого определяется ступенью в развитии общественно-материальных производственных сил»[1]). Так понимает Бухарин производительные силы «как исходный пункт социологического анализа», как основу общественного развития. Поскольку всякое данное явление, в том числе и общественная система, является известным равновесием, сочетанием различных элементов, постольку сочетание это, это равновесие не может быть нарушено изнутри, так как здесь нет основания для внутреннего движения «системы», нет «импульса» для ее развития. Поэтому всякое нарушение этого установившегося равновесия возможно лишь благодаря влиянию извне. «Ибо совершенно ясно, — писал Бухарин в «Теории исторического материализма», — что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Ибо все положение системы. основные формы ее движения (упадок, развитие, застой) определяются именно этим отношением... внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция этого внешнего равновесия») (стр. 80—81).

Производственные отношения рассматриваются Бухариным, как размещение людей в процессе их трудовой деятельности, как известное сочетание равновесия людских элементов в обществе, при чем классовые отношения являются лишь одним из видов этого сочетания, — сочетание иерархического типа. Развитие производительных сил в ту или другую сторону закрепляет, упрочивает это равновесие, или же разрушает его. В «Экономике переходного периода» Бухарин следующим образом описывает процесс разрушения общественного равновесия в процессе революции. «Итак, — пишет он, — общий вопрос формулирован теперь следующим образом: что происходит с общественной системой в ее натуральной форме, в форме связанных натуральных элементов, при условии отрицательного расширенного воспроизводства. В формулах трудовой ценности мы здесь имеем такие ряды: $c+v+m$; $c+v+$ $+(m-x)$; $c+v$; $c+(v-x)$; $(c-y)+(v-x)$ и т. д.». За этими пределами, — говорит он, — начинается нарушение воспроизводства рабочей силы. Этот процесс выражается в форме выталкивания рабочей силы из производства, понижения реальной зарплаты, дисквалификации и т. д. «и, в конечной инстанции, в разрыве связей между низшими и высшими элементами—технико-производственной иерархии» (стр. 45). Так об'ясняется процесс социальной революции, в таком абстрактном виде преподносится противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

При таком подходе совершенно упускаются из виду реальные движущие силы общественного развития в их конкретном для каждого данного общества виде; снимается, по существу, проблема общественной формации со своеобразными формами ее движения; «формы движения» превращаются в абстрактные — упадок, развитие, застой, связанные с не менее абстрактным равновесием вообще, — абстрактный «социологизм» празднует свой триумф. Для переходного периода из этой теории также вытекает ряд положений, поскольку период этот, как мы видели, в конце концов начинает рассматриваться тов. Бухариным, как более или менее длительный период устойчивого равновесия. И здесь мы имеем тогда сочетание элементов внутри общества, сочетание людей на производстве, сочетание различных отраслей хозяйства между собой и, наконец, сочетание классовых сил, — все эти элементы общества должны быть согласованы между собой, должны находиться в условиях прочного, устойчивого равновесия. Равновесие же обще-

[1]) Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 87.

ственной системы зависит, как известно, от соотношения ее с природой и обусловлено развитием производительных сил. В таком случае, перед пролетариатом, который заинтересован в сохранении этой системы, стоит задача развития производительных сил, с одной стороны, а, с другой, ни в коем случае не допускать, чтобы его сознательно направленные мероприятия нарушали равновесие различных элементов внутри общества. Иначе говоря, — развитие производительных сил независимо от того, в какой социальной форме они развиваются, ибо в конечном счете важен лишь «активный баланс» между обществом и природой, и — с другой стороны, — «возможно более правильные сочетания основных элементов народного хозяйства», ибо «нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушение политического равновесия в стране» (Бухарин, «Заметки экономиста»).

Мы видели, что по Бухарину познать закономерность общественного процесса не значит вскрыть движущие силы его развития, а найти «условия общественного равновесия». Соответственно этому и задача познания переходного периода, очевидно, состоит не в том, чтобы открыть закон его движения, а в том, чтобы «наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления, и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия» («Заметки экономиста»), тем более, что в переходный период закон простых трудовых затрат выступает по Бухарину без всякого наряда, в своем голом виде.

Но для равновесия «системы» очень важно и взаимоотношение между системой и средой, «активный баланс», т.-е. развитие производительных сил. При этом важен лишь самый факт развития этих производительных сил, а не та социальная форма, в которой они развиваются, так как, какова бы ни была эта форма, все равно она пойдет на пользу диктатуры пролетариата, укрепит ту общественную систему, в которой пролетариат является господствующим классом. Вот, где теоретические корни лозунга «обогащайтесь», вот, откуда вытекает положение о том, что основная задача «развязать производительные силы» страны, «не мешать производству кулацких хозяйств», что развитие кулацких хозяйств, даже основанное на эксплоатации батраков, ничего кроме пользы социалистическому строительству не принесет, ибо даст ему добавочные ресурсы. Естественно так же, что по Бухарину «задачи, стоящие перед пролетариатом (после революции. В. и Т.), в общем и целом формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве» (Бухарин, «Экономика переходного периода»).

Движение производительных сил берется вне социальной формы, вне классовой борьбы, как чисто-техническая категория, при чем развитие их является количественным ростом. Производственные отношения рассматриваются как застывшая система отношений, как определенная группировка людей, как благоприятное сочетание элементов хозяйства, их равновесие. Здесь нет и намека на то подлинное взаимопроникновение производительных сил и производственных отношений, какое мы имеем в историческом материализме, на диалектическое понимание их единства, как единства формы и содержания.

У нас в литературе еще встречается такое мнение, что производительные силы могут развиваться по своей внутренней логике, — вследствие имманентно присущих их элементам противоречий (так рабочую силу рассматривают иногда как движущий момент в развитии производительных сил). Здесь происходит отрыв производительных сил от производственных отношений и рассмотрение одной из сторон этого диалектического единства, как

чего-то самостоятельного, развивающегося из самого себя. Такой взгляд решительно противоречит диалектическому пониманию единства противоположностей. И, однако, надо сказать, таким отрывом производительных сил от производственных отношений грешили обе стороны в дискуссии в политической экономии, которая недавно протекала у нас. Так у Рубина мы имели полное противопоставление производительных сил с их законами развития (предмет «науки об общественной технике»), производственным отношениям, законы развития которых изучает политическая экономия. Оба этих самостоятельных явления лишь взаимодействуют друг с другом. Противоположная точка зрения, наиболее резко сформулированная вначале Бессоновым, который требовал включения производительных сил в предмет изучения политической экономии, наравне с производственными отношениями, также брала их как совершенно самостоятельные явления и противоположность их рассматривала, как противоположность сил, направленных в разные стороны. Этот отрыв особенно хорошо обнаружился, когда представители этого направления в свою защиту стали выставлять то положение, что производительные стороны имеют не только техническую, но и социальную сторону, и что, следовательно, в предмет изучения политической экономии входит не техническая, а социальная сторона производительных сил, т.-е. политическая экономия изучает производственные отношения и социальную сторону производительных сил. Что это значит? Это значит, что производительные силы имеют какую-то свою социальную сторону п о м и м о производственных отношений и, следовательно, представляют собой нечто совершенно самостоятельное и могут развиваться независимо от производственных отношений. Между тем, как на самом деле социальной стороной производительных сил и являются производственные отношения, вне которых производительные силы существовать не могут. Производительные силы — категория социальная, т.-е. существует только в определенной социальной форме. Эта форма — не внешня по отношению к ним, а органически сращена с ними. Взятые вне социальной формы, производительные силы перестают быть производительными силами, а делаются техникой и пр. со своими физическими законами развития.

Производительные силы, как содержание, не есть нечто остающееся неизменным на протяжении целого ряда общественных формаций, не являются стержнем, на который одеваются в виде колпаков социальные формы, — производственные отношения. Содержание само изменяется вместе с изменением формы, и характер, содержание производительных сил меняется от одной общественной формации к другой. Техническая сторона производительных сил не есть еще их содержание, это лишь «материал», лишь элементы, которые приобретают свое качественное своеобразие, находясь в определенной социальной форме. Форма не есть нечто внешнее, а специфическая структура данного явления, притом структура не статическая, а форма движения, определяющая характер (закон) развития этого явления. Содержание таким образом, выступая как оформленное содержание, имеет в самом себе форму (закон) своего развития; взятое же вне этой формы (как «материал») не может быть понято в своем развитии. Форма, как содержательная форма, сама в себя включает и содержание (и «оформленный материал») и образует форму движения этого содержания; взятая же как чистая форма — она есть пустая абстракция. «То, что является деятельностью формы, — пишет Гегель, — есть далее в той же мере собственное движение самой материи» («Наука логики»). Ленин подчеркивает это место и ставит знак нотабене [1]).

---

[1]) Ленинский Сборник IX, стр. 135.

Таким образом, производительные силы могут развиваться лишь в определенной социальной форме, при чем движение этой формы есть их собственное развитие. Этого, однако, не следует понимать в смысле отождествления формы и содержания, ибо они являются различными сторонами. Больше того, борющимися друг с другом, но при этом взаимно друг в друга проникающими противоположностями (единство, взаимопроникновение и борьба противоположностей). Следует помнить, что *эта борьба формы и содержания (противоречия между производительными силами и производственными отношениями) лежит в основе развития самой формы*. Но тогда это уже не борьба производительных сил вообще с определенной формой производственных отношений, а противоречие между развитием производительных сил, движущихся в определенной социальной форме с отношениями, порождаемыми этой же формой, с этими же производственными отношениями. Это лучше всего проследить на примере кризисов в капиталистическом обществе, как на одной из наиболее ярких форм проявления этого противоречия. Маркс показывает (в III томе «Капитала»), как самый капиталистический способ производства (тот факт, что капитал должен возрастать) заставляет развивать безостановочно производительные силы, и он же (этот способ производства) приходит в противоречие с порожденной им же ограниченностью рынка сбыта. «...противоречие этого капиталистического способа, производства, — пишет Маркс, — заключается именно в *его* (подчеркнуто нами. *В.* и *Т.*) тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которые постоянно вступают в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только и может двигаться капитал»[1]).

Это, конечно, не похоже на бухаринское развитие производительных сил вообще, которое ведет к упрочению данной системы производственных отношений, равновесия между элементами внутри общества. Производственные отношения—не простое статическое сочетание людей, а форма движения, форма развития производительных сил. Но в таком случае и в переходный период имеется не развитие производительных сил вообще, а развитие их в форме определенных производственных отношений. Но в специфических условиях переходного периода, где борются, как мы видели, две тенденции: социалистическая и товарно-капиталистическая), где товарно-капиталистический сектор сохраняет до поры до времени возможность своего относительно-самостоятельного развития, в этих условиях это означает, что развитие производительных сил деревни может итти либо в форме капиталистической, либо в форме социалистической, т.-е. либо по капиталистическому, либо по социалистическому пути и, следовательно, «развязывание производительных сил страны» в форме развития кулацких хозяйств вовсе не есть столь безобидное явление, где «мы ему оказываем помощь, но и он нам» (Бухарин, Путь к социализму), и где в конце концов все нам на-руку. «Существует путь капиталистический, — пишет т. Сталин, — состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами как путь,

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 223. О противоречии, порождающем кризисы, Маркс пишет следующее: «Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются, хотя и не в такой пропорции, но все же много быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся по сравнению с ростом богатства основе, для которой действует эта громадная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все возрастающего капитала. Отсюда кризисы» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 243).

чего-то самостоятельного, развивающегося из самого себя. Такой взгляд решительно противоречит диалектическому пониманию единства противоположностей. И, однако, надо сказать, таким отрывом производительных сил от производственных отношений грешили обе стороны в дискуссии в политической экономии, которая недавно протекала у нас. Так у Рубина мы имели полное противопоставление производительных сил с их законами развития (предмет «науки об общественной технике»), производственным отношениям, законы развития которых изучает политическая экономия. Оба этих самостоятельных явления лишь взаимодействуют друг с другом. Противоположная точка зрения, наиболее резко сформулированная вначале Бессоновым, который требовал включения производительных сил в предмет изучения политической экономии, наравне с производственными отношениями, также брала их как совершенно самостоятельные явления и противоположность их рассматривала, как противоположность сил, направленных в разные стороны. Этот отрыв особенно хорошо обнаружился, когда представители этого направления в свою защиту стали выставлять то положение, что производительные стороны имеют не только техническую, но и социальную сторону, и что, следовательно, в предмет изучения политической экономии входит не техническая, а социальная сторона производительных сил, т.-е. политическая экономия изучает производственные отношения и социальную сторону производительных сил. Что это значит? Это значит, что производительные силы имеют какую-то свою социальную сторону п о м и м о производственных отношений и, следовательно, представляют собой нечто совершенно самостоятельное и могут развиваться независимо от производственных отношений. Между тем, как на самом деле социальной стороной производительных сил и являются производственные отношения, вне которых производительные силы существовать не могут. Производительные силы — категория социальная, т.-е. существует только в определенной социальной форме. Эта форма — не внешня по отношению к ним, а органически сращена с ними. Взятые вне социальной формы, производительные силы перестают быть производительными силами, а делаются техникой и пр. со своими физическими законами развития.

Производительные силы, как содержание, не есть нечто остающееся неизменным на протяжении целого ряда общественных формаций, не являются стержнем, на который одеваются в виде колпаков социальные формы,— производственные отношения. Содержание само изменяется вместе с изменением формы, и характер, содержание производительных сил меняется от одной общественной формации к другой. Техническая сторона производительных сил не есть еще их содержание, это лишь «материал», лишь элементы, которые приобретают свое качественное своеобразие, находясь в определенной социальной форме. Форма не есть нечто внешнее, а специфическая структура данного явления, притом структура не статическая, а форма движения, определяющая характер (закон) развития этого явления. Содержание таким образом, выступая как оформленное содержание, имеет в самом себе форму (закон) своего развития; взятое же вне этой формы (как «материал») не может быть понято в своем развитии. Форма, как содержательная форма, сама в себя включает и содержание (и «оформленный материал») и образует форму движения этого содержания; взятая же как чистая форма — она есть пустая абстракция. «То, что является деятельностью формы, — пишет Гегель, — есть далее в той же мере собственное движение самой материи» («Наука логики»). Ленин подчеркивает это место и ставит знак нотабене [1]).

---

[1]) Ленинский Сборник IX, стр. 135.

Таким образом, производительные силы могут развиваться лишь в определенной социальной форме, при чем движение этой формы есть их собственное развитие. Этого, однако, не следует понимать в смысле отождествления формы и содержания, ибо они являются различными сторонами, больше того, борющимися друг с другом, но при этом взаимно друг в друга проникающими противоположностями (единство, взаимопроникновение и борьба противоположностей). Следует помнить, что эта борьба формы и содержания (противоречия между производительными силами и производственными отношениями) лежит в основе развития самой формы. Но тогда это уже не борьба производительных сил вообще с определенной формой производственных отношений, а противоречие между развитием производительных сил, движущихся в определенной социальной форме с отношениями, порождаемыми этой же формой, с этими же производственными отношениями. Это лучше всего проследить на примере кризисов в капиталистическом обществе, как на одной из наиболее ярких форм проявления этого противоречия. Маркс показывает (в III томе «Капитала»), как самый капиталистический способ производства (тот факт, что капитал должен возрастать) заставляет развивать безостановочно производительные силы, и он же (этот способ производства) приходит в противоречие с порожденной им же ограниченностью рынка сбыта. «...противоречие этого капиталистического способа, производства, — пишет Маркс, — заключается именно в его (подчеркнуто нами. *В.* и *Т.*) тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которые постоянно вступают в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только может двигаться капитал» [1]).

Это, конечно, не похоже на бухаринское развитие производительных сил вообще, которое ведет к упрочению данной системы производственных отношений, равновесия между элементами внутри общества. Производственные отношения—не простое статическое сочетание людей, а форма движения, форма развития производительных сил. Но в таком случае и в переходный период имеется не развитие производительных сил вообще, а развитие их в форме определенных производственных отношений. Но в специфических условиях переходного периода, где борются, как мы видели, две тенденции (социалистическая и товарно-капиталистическая), где товарно-капиталистический сектор сохраняет до поры до времени возможность своего относительно-самостоятельного развития, в этих условиях это означает, что развитие производительных сил деревни может итти либо в форме капиталистической, либо в форме социалистической, т.-е. либо по капиталистическому, либо по социалистическому пути и, следовательно, «развязывание производительных сил страны» в форме развития кулацких хозяйств вовсе не есть столь безобидное явление, где «мы ему оказываем помощь, но и он нам» (Бухарин, Путь к социализму), и где в конце концов все нам на-руку. «Существует путь капиталистический, — пишет т. Сталин, — состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами как путь,

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 223. О противоречии, порождающем кризисы, Маркс пишет следующее: «Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются, хотя и не в такой пропорции, но все же много быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся по сравнению с ростом богатства основе, для которой действует эта громадная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все возрастающего капитала. Отсюда кризисы» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 243).

несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов, совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к об'единению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь. Либо один путь, либо другой. Либо назад к капитализму, либо вперед — к социализму. Никакого третьего пути и не может быть» [1]).

Та относительная свобода в развитии кулака и капиталистических элементов города, которая была представлена в первые годы нэпа, не исходила вовсе из необходимости развития производительных сил вообще, независимо от социальной формы (в таком случае ее пришлось бы сохранить навсегда); это была лишь определенная социальная форма (форма взаимоотношений между социалистическим и несоциалистическим секторами) развития производительных сил, которая необходима была на том этапе и которая с необходимостью должна была смениться другой формой [2]). Развившиеся в форме этих отношений производительные силы дали возможность перейти к новым отношениям, начать переделку производственных отношений несоциалистического сектора; а переделка этих отношений (коллективизация) сама является стимулом к новому громадному развитию производительных сил деревни, является формой их развития. Новый же тип отношения между городом и деревней (производственная смычка) в свою очередь является стимулом к развитию производительных сил социалистической промышленности. Кто не понял этого взаимопроникновения производительных сил и производственных отношений и вместе с тем их борьбы и противоречия, — тот не понял ничего в марксистской теории производительных сил, но тот также и не понял самой сути того процесса, который происходит у нас на глазах.

С этим непониманием связана и бухаринская теория четвертой, технической фазы революции, которая наступает лишь тогда, когда экономическая революция, т.-е. переделка производственных отношений общества, в основном уже закончена. Мы уже видели, что производственные отношения понимаются Бухариным статически, как известная группировка людей в обществе, держащая его в условиях равновесия. Отсюда ясно, что до того времени, пока это равновесие не достигнуто, пока разрушены старые людские связи и еще не созданы новые, невозможен технический прогресс, а как только эти новые связи установлены — развитие производительных сил обеспечено. «Наконец, четвертой (и последней) фазой революции, — пишет Бухарин, — является революция техническая. После того, как достигнуто новое общественное равновесие, т.-е. создана новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развития производительных сил, с определенного пункта начинается ускоренное их развитие: препоны сломаны, раны, нанесенные социальным кризисом, залечены, начинается небывалый под'ем. Вводятся новые орудия, подводится новый технический фундамент — происходит техническая революция» [3]). «Следующей ступенью является революция технических методов, т.-е. нарастание производительных сил, изменение и быстрое улучшение общественной рационализированной техники» [4]).

---

[1]) Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов.

[2]) А характерным для переходного периода, как периода трансформации существующих производственных отношений, является тот факт, что производственные отношения здесь не просто воспроизводятся, а постоянно видоизменяются.

[3]) Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 297.

[4]) Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 163.

«Форма развития» производительных сил представляется здесь как нечто устойчивое и неизменное, как оболочка, как равновесие. На самом же деле производственные отношения, как мы видели, образуют форму движения общества, находятся в процессе развития, и этот процесс их развития есть вместе с тем форма (закон) развития производительных сил. Процесс «технической революции» связан, поэтому, теснейшим образом с процессом переделки производственных отношений и существует в единстве с ним. Так, мы видели, что техническая революция в сельском хозяйстве неразрывно связана с процессом переделки производственных отношений деревни, с процессом коллективизации и происходит в самом процессе этой переделки: что индустриализация страны протекает в процессе ожесточенной борьбы социалистических и капиталистических тенденций хозяйства. Бухаринское же понимание производительных сил и производственных отношений отрывает экономическую революцию от технической, отрывает момент борьбы и переделки производственных отношений («разрыва связей») от момента строительства, технического под'ема. И в этом вопросе взгляды троцкистов и правых неожиданно (на первый взгляд) сходятся. Мы видели, что у Троцкого выходит, что диктатура пролетариата есть лишь процесс насилия, столкновения и борьбы со всеми непролетарскими классами и группами, процесс борьбы, после которого лишь начинается процесс созидательный — строительство социализма.

VII.

В связи с этим небезынтересно коснуться вопроса планирования народного хозяйства в том виде, в каком он выступает у Бухарина. Мы уже видели, что основной задачей изучения переходного периода Бухарин считает необходимость наметить «условия подвижного равновесия», иначе говоря: «наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления, и различных сфер производства между собой». Совершенно очевидно, что задача эта вытекает из «теории равновесия», с точки зрения которой, как мы видели, познать «закономерность общественного процесса», значит вскрыть «условия общественного равновесия», в число которых входит и правильное сочетание различных сфер производства и потребления, т.-е. установление известных пропорций между ними. Пропорции эти, очевидно, не определяются ничем, кроме задач абстрактного равновесия, и потому должны сохраняться неизменными. Из этих-то раз-на-всегда данных пропорций следует исходить при планировании народного хозяйства; нарушение же этих пропорций влечет за собой кризисы. «По сути дела в этом (правильное сочетание различных сфер производства и потребления. *В.* и *Т.*) и состоит задача выработки народно-хозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно»)[1]. «Совсем другое — моменты физического характера, которые нарушают ход воспроизводства, — пишет он в другом месте.—Они могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов производства (включая сюда и момент потребления)»[2]). Мы еще вернемся к вопросу о том, что понимает Бухарин под «директивой». Пока же следует сказать, что сочетание отраслей народного хозяйства берется как определенная пропорциональность, раз-на-всегда данная самым фактом равновесия. Производственные отношения классов берутся тоже лишь, как равно-

[1]) Бухарин, Заметки экономиста, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 15.

весие элементов, находящееся н а р я д у с равновесием отраслей народного хозяйства, а не как форма (закон) развития хозяйства.

Они могут, следовательно, лишь нарушать хозяйственное равновесие (в случае обострения классовой борьбы); и, наоборот, выгодное соотношение классовых сил нарушается в случае неправильного сочетания элементов народного хозяйства (нарушение хозяйственного равновесия).

«Крупные ошибки хозяйственного руководства, — пишет Бухарин,— вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушение политического равновесия в стране»[1]). На этом «принципе равновесия» и покоится требование равняться на «узкие места», сокращения капитальных вложений, «черепашьих темпов» и т. д. И по сути дела, из этого же принципа исходили и те буржуазные и мелкобуржуазные «теоретики советского хозяйства», которые рядом «глубоконаучных» доводов обосновывали требования медленных темпов развития, «затухающей кривой» и т. д. Один из них выразил эту мысль весьма недвусмысленно в следующей фразе: «В каждой большой и сложной работе творческого характера, — пишет он, — должна быть своя «изюминка», — основная общая идея, которая является средоточием всех остальных частных идей. Такой «изюминкой» при построении перспективного народно-хозяйственного плана в деле планирования сельского хозяйства является, по нашему мнению, п р и н ц и п р а в н о в е с и я» [2]).

Методологической осью проблемы планирования, а вместе с тем и различного понимания задач планирования, несомненно, является различное (механистическое и диалектическое) понимание закономерности, а вместе с тем, и закономерностей переходного периода. Эта проблема заслуживает, конечно, специального рассмотрения, и здесь мы можем лишь коснуться ее в порядке постановки вопроса. В чем же суть механистического понимания закона?

По существу оно сводится к установлению постоянных внешних соотношений (правильность и соответствие) между различными явлениями или между различными сторонами одного явления, отношений, выражающихся большей частью в математической форме. Такое понимание закономерности мы находим и у Бухарина. «Что же такое причинный закон?» — спрашивает он. — Это есть необходимая постоянно и повсеместно наблюдаемая связь явлений: если, например, температура тела повышается, то расширяется его об'ем; если жидкость нагреть достаточно сильно, она превращается в пар; если выпускать громадное количество бумажных денег, сверх потребности в них, тогда происходит их обесценение; если существует капитализм, то обязательно время от времени будут войны... Словом, можно сказать, что всякий причинный закон выражается в формуле: если налицо есть такие-то явления, то обязательно будут соответствующие им другие явления» [3]).

Совершенно очевидна связь такого понимания закономерности с теорией равновесия, с тем, что познать закономерность общественного процесса, значит вскрыть «условия общественного равновесия», т. е. выяснить, каковы правильные пропорциональные соотношения между отдельными сторонами общественной жизни. Закон здесь берется, как нечто застывшее и неизменное, как данное соотношение, и не может об'яснить развитие явле-

---

[1]) Там же, стр. 17 — 18.

[2]) Проф. О г а н о в с к и й, Развитие народного хозяйства СССР, «Экономическое Обозрение» 1927 г., № 6, стр. 21.

[3]) Б у х а р и н, Теория исторического материализма, 1929 г., стр. 27.

ния, об'яснить появление нового. Причина и следствие связаны лишь временной последовательностью и внешни друг по отношению к другу. Только раз установив известную «правильность», познав причину по следствию, мы можем затем уже, встретив ту же причину, ожидать того же следствия, т.-е. повторения старого, но отнюдь не появления нового. Предвидение нового из старого невозможно с этой точки зрения.

Так, Бухарин останавливается на признании необходимых условий развития общества и спрашивает, не становимся ли мы при этом на телеологическую точку зрения? Действительно, если мы признаем, что необходимым условием развития общества является расширение производства, то не является ли это расширение средством, а рост общества целью. Бухарин спешит заверить, что это не так, что «здесь есть лишь особый прием отыскания условий (причин) по результату (по следствиям)» [1]). Очевидно отсюда, что если бы мы попытались действительно поступить наоборот, то-есть из причины, из движущей силы общественного развития попытались бы понять его результат, тенденцию его развития,— то мы стали бы этим самым по Бухарину на телеологическую точку зрения. Иначе и не может быть, если закон рассматривать, как застывшее, статическое соотношение различных сторон явления, а связь между причиной и следствием брать лишь как временную последовательность. Тогда либо мы должны признать, что, лишь неоднократно наблюдая одни и те же результаты одних и тех же явлений, мы убеждаемся в их причинной связи, т.-е. стать на чисто-позитивистическую точку зрения. Яркий образчик такой постановки вопроса в нашем механистическом движении мы находим у Л. И. Аксельрод-Ортодокс. «Накопление опытов прошедшего,— пишет она,— каждый из которых был в будущем, создает уверенность в повторении. И чем больше количество опытов, тем сильнее эта уверенность в повторении данных связей явлений в будущем» [2]). Иначе говоря, научно об'яснить можно лишь повторяющееся, а не новое.

Диалектическое же понимание закономерности и выражает те внутренние противоречия, которые присущи самому предмету и обуславливают его движение, закон вскрывает внутреннюю причину развития явления, источник его самодвижения. Таким образом диалектически понимаемый закон есть уже не закон покоя (равновесия), а закон развития, закон, выражающий движение предмета, специфическую форму движения, ему присущую. Но, если так, то закон определяет и путь движения явления, тенденцию его развития. Развитие его проходит ряд этапов, в которых оно конкретизируется, при чем каждый предшествующий этап содержит в себе противоречия, порождающие следующий, имеет в себе тенденцию своего развития в будущее, в новое [3]). В приложении к общественному процессу это означает, что задача познания той или иной общественной формы не может ограничиваться выяснением правильного сочетания его отдельных элементов (равновесия), а подлинное познание достигается лишь тогда, когда вскрыты внутренние движущие силы развития этого общества, форма его движения. Форма движения общества и определяет характер сочетания отдельных элементов (тип его равновесия). Сочетание это, таким образом, не является

---

[1]) Там же, стр. 46.

[2]) Л. И. Аксельрод-Ортодокс, В защиту диалектического материализма, 1928 г., стр. 225.

[3]) Ленин говорит в фрагменте «К вопросу о диалектике» о двух концепциях развития: эволюционной (развитие как уменьшение и увеличение) и диалектической (развитие путем борьбы противоположностей). «Только вторая,— пишет он,— дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» (Ленинский Сборник XII, стр. 324).

абстрактным и самостоятельным равновесием вообще, а подчинено форме движения данного явления его внутренней закономерности.

Но отсюда должны быть сделаны соответствующие выводы и в отношении методологии планирования, в отношении построения народно-хозяйственного плана в условиях переходного периода. Всякий план направлен в будущее; план есть попытка спроектировать будущее, исходя из настоящего. С точки зрения механистического понимания закономерности, о котором мы говорили, планирование, следовательно, сведется к простому построению равнодействующей различных факторов хозяйства, действующих в данное время. «Само плановое начало, — пишет Бухарин, — в значительной мере покоится на предвидении равнодействующей стихийных факторов»[1]. При этом должны сохраниться в неприкосновенности «основные хозяйственные пропорции в стране», как условия общественного равновесия; должны быть сохранены и определенные темпы, вытекающие из этих пропорций, темпы, на которые обречено, следовательно, развитие народного хозяйства самым фактом существования этих пропорций. Не может быть, очевидно, также и речи об активном изменении факторов, составляющих равнодействующую, ибо такое изменение связано было бы с нарушением равновесия. Таким образом план, по существу, есть лишь продолжение старого в будущее: сохранение старых пропорций и старых темпов, лишь продленное во времени; ничего нового, а лишь количественный рост, предопределенный притом настоящим положением.

Момент «предвидения» в плане заключается, следовательно, с этой точки зрения не в предвидении чего-то нового, а сводится к простому балансу настоящего. «По сути дела, в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства»[2]. Хотя дальше и говорится о том, что план является «предвидением (прогнозом) и директивой одновременно», однако из всего изложения ясно, что такой директивой и является равнодействующая всех существующих факторов, и больше ничего. Таким же образом рассматривает план и т. Айхенвальд в своей «Советской экономике». «...План, — пишет он, — познает всю совокупность об'ективной (естественной и общественной) необходимости, составляющей сумму условий хозяйственного равновесия, и, опираясь на свою регулирующую и рыночную силу, проводит через всю массу рыночных колебаний определенное, заранее намеченное равновесие, о р г а н и з у е т п р е д в а р и т е л ь н о с п р о е к т и р о в а н н у ю р а в н о д е й с т в у ю щ у ю» (стр. 329) (Подчеркнуто нами. *В.* и *Т.*).

Никто, конечно, не отрицает огромной роли, которую при составлении плана играет баланс, учет всех элементов народного хозяйства, и было бы странно пытаться составить план без учета; речь идет не об этом. Несомненно, должна также существовать известная пропорциональность между различными отраслями народного хозяйства. Ведь, подтягивая так называемые «узкие места», активно преодолевая трудности строительства, мы также стремимся к устранению товарного голода, к удовлетворению нужд различных отраслей производства, к известному «равновесию» между ними. Но дело в том, что с механистической точки зрения пропорциональность эта абстрактна, заранее дана самым фактом существования народного хозяйства, независимо от его социальной формы; с диалектической же — правильное соотношение между различными элементами хозяйства определяется той социальной формой движения, в которой оно развивается. В первом случае, следовательно, задача планирования выступает как про-

---

[1]) Б у х а р и н, К вопросу о закономерностях переходного периода, стр. 25.

[2]) Б у х а р и н, Заметки экономиста, стр. 14.

блема вещной технической организации хозяйства; в другом—как социальная проблема, т.-е. определяется существующими производственными отношениями и динамикой их развития. Но в первом случае тогда равновесие народного хозяйства в будущем предопределено его теперешними пропорциями и устранение диспропорции возможно лишь путем равнения на узкие места; во втором же случае изменяющиеся производственные отношения (а переходный период есть, как мы видели, процесс меняющихся производственных отношений) активно видоизменяет пропорции и темпы и совершенно по-новому ставит проблему равновесия. Так, например, переделка производственных отношений в деревне (наступающая на известном этапе нэпа) дает возможность установить совершенно иное «равновесие» между городом и деревней, нежели простое приспособление городской индустрии к отстающему сельскому хозяйству; так, например, дополнительные ресурсы, которые дает социалистическому строительству огромное повышение производительности труда, вызванное социалистическим соревнованием, ударничеством и пр., также связано с теми специфическими производственными отношениями, которые существуют у нас в социалистической промышленности. Нельзя, следовательно, сводить всю задачу построения плана к простому балансу, ибо для установления правильных (правильных с точки зрения развития данного общества) соотношений между различными элементами хозяйства необходимо вскрыть движущие силы общественного развития, понять внутреннюю закономерность общественного процесса.

В нашей плановой литературе много внимания было уделено вопросам прогноза и директивы и их роли в составлении плана. При этом под прогнозом понимался обычно простой учет стихийно-действующих факторов, а под директивой—заранее сознательно намечаемая суб'ективная (или суб'ективно-классовая) цель. Такое понимание прогноза и директивы совершенно отрывает один момент от другого, превращая директиву в нечто совершенно внешнее по отношению к прогнозу. Суб'ективная цель при этом не вытекает из об'ективного развития, из «прогноза», при котором учитываются лишь технические возможности. Из прогноза выпадает его социальная сторона, а директива, которая должна обладать социально-классовым смыслом, отрывается от об'ективной действительности, не вытекает из нее с необходимостью. Но такой подход несомненно грешит механистичностью. Директива несомненно вносит моменты нового в план. Но ведь только с механистической точки зрения новое берется как нечто в н е ш н е е по отношению к старому. Механистический взгляд либо отрицает вообще появление нового; либо, если оно появляется, оно привходит и з в н е к старому, как нечто совершенно чуждое ему; механистический подход к миру не дает возможности скрыть внутренние движущие силы всякого явления, показать, что н о в о е (противоположное старому) рождается из его собственного развития, из его собственных внутренних противоречий. Тогда либо план есть простое продление настоящего, старого в будущее, либо директивное предуказание должно извне изменить его, внести в него новое.

Директива в таком случае отрывается, однако, от конкретной действительности, она остается предуказанием вообще, сознательно намечаемой целью, не вытекающей из об'ективного хода общественного развития. Все дело тогда заключается в том, насколько эта, извне привнесенная, директива должна приспособляться к об'ективным условиям (прогнозу), которые при этом выступают в своей чисто-количественной форме и насколько она может активно их видоизменять.

Но диалектическое понимание закономерного дает совершенно иное разрешение этому вопросу. Оно исходит из внутреннего принципа развития, присущего данному общественному процессу, и соотношение элементов хозяй-

ства в плане рассматривает как момент, подчиненный этой движущей силе, ею определяемый. Но этот общественный процесс имеет и определенную тенденцию развития; из его внутренних противоречий могут быть поняты новые отношения, которые возникают, новые сдвиги классовых сил, скажем, которые требуют новых хозяйственных пропорций, новых темпов и т. д. Новое таким образом требуется самым развитием старого. Директива выдвигается самой тенденцией общественного развития, а не является чем-то чисто-внешним по отношению к ней.

Это не значит, конечно, что директива, как определенное целевое устремление, как сознательное предуказание, сознательное воздействие на план, снимается. Оно так же мало снимается, как не снимается активность рабочего класса тем фактом, что его действия вытекают из исторической необходимости развития общества. Сознательный характер воздействия пролетарского государства на хозяйственное строительство (директива) сам является моментом, характеризующим своеобразие социальных отношений в эпоху диктатуры пролетариата. Он играет решающую роль в деле реализации тех тенденций, которые заложены в самом об'ективном ходе общественного развития. Нельзя, однако, на этом основании отрывать момент суб'ективно-поставленной цели от об'ективного хода развития, определяющего характер и самую возможность этой целевой установки. Директива и прогноз не совершенно раздельные, внешние друг по отношению к другу процессы, а, по существу, единство противоположностей. Сам прогноз включает в себя и момент директивы, поскольку из него вытекает необходимость нового, необходимость сознательного воздействия на изменение темпов, пропорций и т. д. С другой стороны, и директива включает в себя момент прогноза, поскольку она не отрывается от прошлого развития, поскольку она диктуется тенденцией этого развития. Но тогда директива не висит уже в воздухе и включает в себя все то, что вытекает из создающихся производственных отношений, сдвигов классовых сил и т. д.; тогда, с другой стороны, соотношение элементов хозяйства в плане не есть нечто раз-на-всегда данное (равновесие вообще), а само меняется с изменением социальных отношений.

* * *

Наша задача заключалась в том, чтобы показать, что теоретической основой ревизии генеральной линии партии со стороны правых и троцкизма является механистическая методология, неумение пользоваться методом материалистической диалектики. В этой статье затронуты лишь некоторые вопросы, по которым шли разногласия между партией и оппозицией—правой и «левой».

В другой раз мы коснемся вопросов государства, культуры, вопросов Коминтерна и диалектики борьбы на два фронта.

Диалектика революции и софистика О. Бауэра.

С. Новиков.

(Австромарксизм и революция Востока[1]*).*

1. Бауэровская философия эпохи.

В своей исторической речи на Брюссельском конгрессе II Интернационала О. Бауэр выступил с законченной философией эпохи.

Широкими мазками Бауэр рисует там австромарксистскую картину стабилизованного капитализма: капитализм пережил революционные потрясения, вызванные всемирной войной. В годы между Марсельским и Брюссельским конгрессами эти великие революционные процессы закончились. Наступила стабилизация капитализма, который, будучи сильнее, чем до войны, подчинил себе весь мир. Конец революции вызвал настроения разочарования, нашедшие свое отражение в более или менее ясно сформулированных теориях дезильяции. Такой теории придерживается, с одной стороны, программа Коминтерна, связывающая надежды на мировую революцию с целым рядом новых империалистических войн, а с другой — социалистический неоревизионизм, который завоевание политической власти рабочим классом откладывает на целые исторические эпохи и ограничивается на целую же эпоху контролем над капиталистическими монополиями со стороны демократического государства и кооперацией профсоюзов с этими капиталистическими монополиями.

Этим теориям исторического пессимизма Бауэр противопоставляет свой исторический оптимизм: капитализм свободной конкуренции сменился государственно-монополистическим капитализмом, который ставит на повестку истории социализм, в е с ь социализм.

Не менее важны изменения в мировом сельском хозяйстве. Важнейший урок послевоенных лет сводится к тому, что социал-демократия недооценивала роль крестьян в истории.

Даже в Советском Союзе неорганизованное, незаметное, элементарное (стихийное), но непреодолимое сопротивление крестьянских масс снова принудило диктатуру к капитуляции. Консерватизм крестьянства помог капиталу удержать свою власть в демократиях Средней и Западной Европы.

Технические перевороты в сельском хозяйстве, кино и радио вырывают крестьянство из деревенской изоляции и минируют крепчайшую опору капитализма. Так создаются предварительные условия для того, чтобы пролетариат города завоевал себе союзников в деревне, без которых он не может победить. Происходит индустриализация аграрных стран, и не только в Европе, но и в Азии и Африке.

---

[1]) См. «ВКА», № 33, С. Н о в и к о в, Австромарксистские концепции Октябрьской революции.

Центр тяжести капитализма переместился в Соединенные Штаты. Интервенция американского доллара в Европу, американские кредиты позволили европейской буржуазии снова установить капиталистический общественный порядок в Европе. Но развенчание Европы, падение ее самодержавия выражается также и в индустриализации и революционизировании Востока.

Китайская революция победила внутренних милитаристов и иностранных империалистов. Китайский пролетариат уже пережил в Шанхае и Кантоне свой июнь 1848 г. и Коммуну 1871 г.

В далеком Китае повторилось то, что европейский пролетариат пережил в XIX в.: двойственный характер буржуазной революции, революционной против старых сил и контрреволюционной против пролетариата. «На Дальнем Востоке действуют те же закономерности развития капитализма и буржуазной революции, которые нам известны из нашего европейского опыта».

Величайшая, всемирно-историческая заслуга советского режима в том, что он своим существованием и политикой по отношению к народам Востока ускорил процесс национальных революций на Востоке. Но шутке всемирной истории было угодно, чтобы отсюда как раз проникли на Восток те народнические иллюзии, в борьбе с которыми марксизм вырос в России. Русский большевизм, вышедший из русского марксизма, питает иллюзию, что из докапиталистических, полуфеодальных общественных форм Востока можно одним прыжком перескочить в социализм. События Шанхая и Кантона опровергли эту теорию. Опыт последних лет показал, что и развитие на Дальнем Востоке подвержено тем же законам, как и в Европе. Вывод отсюда — восточный пролетариат должен об'единиться со II Интернационалом не только в организационном, но и в духовном смысле для совместной борьбы на основе опыта и методов, выработанных европейским пролетариатом за столетие его развития (т.-е. на основе демократии).

Полемизируя с английскими независимыми, требовавшими в политической комиссии Брюссельского конгресса смягчения антибольшевистского заострения манифеста, О. Бауэр говорил, что полемика с большевиками необходима из уважения к коммунистическим рабочим. Тем более, что программа Коминтерна есть об'явление войны всемирной социал-демократии, обострение, углубление и увековечение раскола.

Если 10 лет тому назад, закончил Бауэр, в хаосе послевоенных революционных процессов друг другу противостояли две равно возможные великие исторические перспективы: одна — социал-демократическая — путь к социализму через демократию, другая — коммунистическая — через насильственную диктатуру, то теперь, когда большевизм признал стабилизацию капитализма и конец революционных процессов, вызванных войной, когда большевизм связывает все свои надежды на мировую революцию с революционной ситуацией, которую вызовет новый тур империалистических войн—кто может серьезно сказать, что для рабочего класса существует другой путь, кроме социал-демократического?

За риторическим вопросом последовал ответ: отдельное существование Коминтерна ослабляет силы международного пролетариата, ослабляет ту силу, которая больше всего может защитить Советский Союз от опасности Священного Союза капиталистических держав против СССР. Поэтому манифест II Интернационала обращается к американским, восточным и коммунистическим рабочим Европы с призывом к единству. «Мир станет рабочим миром, если только рабочие об'единятся для его завоевания» [1]).

---

[1]) O. Bauer, Der Aufruf zur Einheit. «Arbeiter» Zeitung» № 225, 14/VIII-28.

Брюссельская речь О. Бауэра своего рода шедевр австромарксистской софистики, риторики и дипломатии. Бауэр начинает с утверждения, что «капитализм сильнее, чем до войны». Это — насквозь каутскианский тезис. Каутский создал целую теорию вечно-цветущего капитализма, теорию экономической беспредельности развития производительных сил внутри капитализма. «Капитализм пережил столько кризисов, он сумел приспособиться к стольким новым, часто даже поразительным и чудовищным требованиям что он мне сегодня чисто-эмпирически кажется гораздо жизнеспособней, чем полстолетия тому назад» [1]) (Разрядка наша. *С. Н.*).

На этом основании Каутский и подверг ревизии всю марксову теорию социальной революции, и в первую голову основной закон исторического материализма — учение о конфликте производительных сил и производственных отношений, как о глубочайшей причине социальных революций. Каутский утверждает, что капитализм не дойдет до такого конфликта, что капиталистические производственные отношения не станут оковами для развития производительных сил. Отсюда у Каутского следует вполне логично ультраревизионистский вывод, что марксова теория социальной революции не применима к капитализму пролетарской революции [2]).

Подобно открытому апологету капитализма Каутскому, Бауэр видит стабилизацию капитализма, но не видит относительности этой стабилизации; видит технический прогресс, но не видит крайнего обострения экономических противоречий послевоенного капитализма. Поэтому неудивительно, что Бауэру, как и его учителю Каутскому, капитализм кажется сильнее, чем до войны. Поэтому Бауэру, подобно его мнимому противнику, ультраправому австромарксисту Реннеру, кажется, что весь мир стал, наконец, или становится капиталистическим.

Если бы О. Бауэр обладал прямотой таких открытых ревизионистов, как Каутский и Реннер, он бы открыто солидаризировался с этими неоревизионистами и воскликнул бы вместе с Реннером: «Вся поверхность земного шара капитализируется. Теперь только весь мир становится капиталистическим — и все еще не социалистическим. Арена капиталистической хозяйственной системы теперь в пять раз больше. И если Марксу и Энгельсу в 1848 году казалось, что победа социализма в Англии, Франции и Германии обозначает мировую победу социализма, то для 1928 г. такое допущение было бы ошибочным; мы стоим только пред начинающейся капитализацией мира» [3]). (Разрядка Реннера. *С. Н.*).

Каутский, Реннер и Бауэр тем легче могут выдвинуть тезис о капитализации всего мира, что и советская экономика, по их мнению, представляет своеобразную форму государственного капитализма и не нарушает собой сплошной картины всемирного государственного капитализма.

Но Бауэр не был бы самим собой, т.-е. законодателем австромарксистской дипломатии, если бы он не обставил свою насквозь реннер-каутскианскую апологию послевоенного капитализма центристскими оговорочками. Он-де несогласен с социалистическим неоревизионизмом, который откладывает на целые исторические эпохи завоевание политической власти рабочим классом, он считает, что государственно-монополистический капитализм ставит на повестку истории весь социализм.

---

[1]) K. Kautsky, Materialistische Geschihtsauffassung, B. II, S. 623.

[2]) Ср. С. Н. Новиков, Политическое завещание Каутского II Интернационалу, «Комм. Интернационал» за 1928 г., № 44—45.

[3]) Renner, Die Weltwirtschaftlichen Grundlagen des Sozialistischen Politik, «Der Kampf» 1928, № 8/9, S. 339.

Бауэр не замечает кричащего противоречия между неоревизионистским тезисом Каутского и Реннера: «Капитализм теперь сильнее, чем до войны» и взятым на прокат у Коминтерна антитезисом: послевоенный капитализм ставит на повестку истории весь социализм. Только непроходимый центрист, эклектик и софист может вместить в одном «синтезе» эти противоположные тезисы. Далее, всего за полгода до Брюссельского конгресса Бауэр писал, что «в историческую фазу, в которую мы живем, социалистические партии могут себе поставить ближайшей, непосредственной целью не преодоление капитализма, а лишь ту или иную реформу капитализма, тот или иной кусок власти внутри капитализма. Не преодолеть капитализм, а лишь несколько удобней устроиться внутри капитализма — вот что является ближайшей, непосредственной задачей. Таким образом, под'ем социалистических партий совершается не в революционном, а в реформистском духе» [1]). Даже под микроскопом нельзя открыть мельчайшего различия между этим программным заявлением О. Бауэра и им же самим обрисованной и якобы критикуемой платформой социалистического неоревизионизма. Одно из двух: либо на повестке истории стоит весь социализм, тогда нельзя на целую эпоху погрузиться в реформу капитализма, либо ближайшая историческая цель сводится к реформе капитализма, либо утверждать, что на повестке истории стоит весь социализм. Взаимопроникновение этих двух взаимоисключающих тезисов есть не диалектика, а самая грубая софистика и эклектика, т.-е. профессиональный центризм или австромарксизм, но ни в коем случае не марксизм.

Действительная позиция всех австромарксистов такова: капитализм теперь сильнее, чем до войны, весь мир стал, наконец, капиталистическим. Поэтому на целую историческую эпоху надо погрузиться лишь в реформу капитализма. Эта неоревизионистская платформа об'единяет Каутского, Реннера и Бауэра, который украшает ее кричащим плакатом: государственный капитализм ставит на повестку истории весь социализм. История — понятие растяжимое: на повестку истории, но не переживаемой нами исторической фазы... Таким образом, все противоречия устранены: и левая фраза соблюдена, и неоревизионизм «наказан», и платформа его принята.

Неудивительно, что неоревизионист Реннер поспешил высказать свое полное удовлетворение всеми решениями Брюссельского конгресса, в частности и особенности бауэровским манифестом.

Без всякой дипломатии Реннер заявил, что Брюссельская программа II Интернационала (как он величает, и вполне правильно, пачку брюссельских резолюций и манифест О. Бауэра) обозначает собой полную ревизию устаревших (для всех ревизионистов!) формул марксизма XIX в., что это — начало полного обновления марксизма, что это—марксизм XX века, марксизм эмпирический, практицистский, реалистический, реформистский, принципиально-ревизионистский (потому вполне приемлемый для Реннера) [2]).

Анонимный выпад против пессимистической теории социалистического неоревизионизма понадобился О. Бауэру, чтобы под этим «левым» забралом обрушиться всей силой своей софистики на Коминтерн и СССР, на китайскую и Октябрьскую революции. Но дело, разумеется, не обходится без австромарксистских фокусов - покусов: обвинение Коминтерна строится якобы для

---

[1]) O Bauer, Nach dem Parteitag, «Der Kampf» 1927, № 12, S. 547. Мы обращаем внимание на знаменательное совпадение: в этом же номере напечатана та самая глава «Материалистического понимания истории», в которой Каутский «опровергает» марксову теорию социальной революции.

[2]) Renner, Auf dem Wege zur grossen Erneuerung, «Gesellschaft» 1928, № 10.

«защиты» СССР, «защиты» китайской революции, для обвинения русского и китайского большевизма в комнародничестве.

Мы не имеем возможности остановиться здесь на всех софизмах и социал-демократических теориях, которыми изобилует брюссельская речь О. Бауэра и выработанный им манифест Брюссельского конгресса. Так, за недостатком места мы не можем подвергнуть здесь критике повторяемую О. Бауэром ходячую социал-демократическую теорию организованного капитализма, или пресловутый софизм, что программа Коминтерна есть теория исторического пессимизма, связывающая все надежды на мировую революцию с новым туром империалистических войн. Эти социал-демократические теории и софизмы достаточно разоблачены в нашей литературе. Поэтому мы вкратце коснемся только софизмов Бауэра насчет движущих сил капиталистической стабилизации и перейдем непосредственно к разбору востоковедной концепции О. Бауэра.

Бауэр утверждает, что консерватизм крестьянства и интервенция американского капитала помогли буржуазии восстановить и стабилизировать капитализм в Европе. О главной стабилизационно-капиталистической силе международного империализма—о контрреволюционной социал-демократии и II Интернационале—разумеется, ни слова. Итак, не социал-демократия, а только крестьянская и американская демократии виновны в восстановлении европейского капитализма. Как будто Каутскому и его ученику О. Бауэру совсем и не доводилось пропагандировать восстановление капитализма, потрясенного послевоенными революционными процессами, как необходимую предпосылку социализма; как будто О. Бауэр не солидаризировался со вторым томом каутскианского «понимания истории» и с замечательной в своем роде каутскианской теорией вечно цветущего капитализма, с теорией отрицания краха капитализма, как будто О. Бауэр хоть одним словом заикнулся против неоревизионистского каутскианского тезиса: «Чем больше капиталистический способ производства цветет и преуспевает, тем лучше виды социалистического режима, который станет на место капиталистического режима» [1].

Зато с удовлетворением, в который раз, как само собой разумеющийся факт, констатируется, что советская диктатура якобы капитулировала перед крестьянской стихией (недаром сказано, что Der Wunsch ist der Vater des Gedankens). И отсюда уж из мнимого факта консервативной и реакционной роли всего крестьянства в Европе и даже в СССР, без указания источника, преподносится как открытие давным давно провозглашенное большевизмом утверждение, что II Интернационал страдал недооценкой роли крестьянства. С такой же легкостью плагиируется и социал-демократизируется вслед за этим и одна из основ ленинизма, идея союза пролетариата и крестьянства, и все это преподносится как последнее слово и настоящее откровение бауэризма.

В итоге, из сложения всех этих подделок и софизмов у Бауэра получается следующая диспропорция сил: раз'еденный историческим пессимизмом Коминтерн, признавший стабилизацию капитализма (релятивист О. Бауэр никак не хочет заметить релятивности этой стабилизации) связывает последнюю надежду на мировую революцию с новой войной, а вот Социнтерн во главе с О. Бауэром противопоставляет нам свою концепцию исторического оптимизма: мирно организованный государственный капитализм ставит на повестку истории весь социализм, который

[1]) K. Kautsky, Mater. Geschichtsauffassung, B. II, S. 541. См. принадлежащую О. Бауэру «передовую» «A. Z.» от 12/IV-28 г. «staatstheorien» с восторженным отзывом о II томе «великого труда» Каутского.

нужно будет строить в союзе с крестьянством вообще, со **всем** крестьянством. Разумеется, что мы действительно ничего общего не имеем с этой утопией в квадрате, с этой бауэризованной подделкой под ленинизм. Когда Бауэр говорит, что кино, радио и вообще техническая революция в сельском хозяйстве «вырывают крестьянство из деревенской изоляции и создают предпосылки для того, чтобы пролетариат города завоевал себе союзников в деревне, «без которых он не может победить»— он говорит почти «ленинским» языком, но все это лишь значит, что на следующих выборах крестьяне должны отдать свои голоса социал-демократии и помочь ей, наконец, получить необходимые для «пролетарской революции» каутскианский 51% мандатов в парламенте. Однако звучат эти разговоры Бауэра о «всем социализме»» и союзе пролетариата и крестьянства в придачу очень, очень «лево», как все вообще химические соединения «бауэризма и ленинизма».

II. Октябрь и китайская революция перед судом бауэровской философии истории.

После такой «химической» подготовки Бауэр переходит к «защите» китайской революции. Бауэр торжественно заявляет, что китайская революция победила внутренних милитаристов и иностранных империалистов... Ни малейшего намека на конкретный анализ этой «победы», ее социального содержания и движущих сил Бауэр не дает. Разумеется, что мы, «исторические пессимисты», не считаем победу Чан Кай-ши победой китайской революции. Мы трезво констатируем, что реакционная победа Чан Кай-ши есть результат сделки контрреволюционного буржуазного гоминдана с внутренними милитаристами и иностранными империалистами. Но нет ничего удивительного в том, что временная победа китайской буржуазной реакции показалась «оптимисту» Бауэру, этому австромарксистскому Ван Ти-вею, победой китайской революции.

Но этот австромарксистский Ван Ти-вей не был бы О. Бауэром, если бы за этим не последовал ряд «революционных» оговорочек.

«Китайский пролетариат уже пережил 1848 и 1871 гг.». «Буржуазная революция революционна против старых сил и контрреволюционна против пролетариата».

Бауэр упорно приписывает нынешней китайской буржуазной реакции революционность по отношению к феодализму и милитаризму и считает, очевидно, буржуазного реакционера Чан Кай-ши — буржуазным революционером. Поэтому у него и получается, что не буржуазная реакция, а буржуазная революция контрреволюционна по отношению к пролетариату. Ему невдомек, что, когда буржуазная революция становится контрреволюционной против пролетариата, она уже перестает быть революцией и становится реакцией.

Но тончайший смысл аналогии с 1848 и 1871 гг. идет куда дальше. Бауэр хочет сказать, что Китай переживает **1849** год (о китайском 1849 годе он поспешил оповестить весь мир еще до Кантонского похода, после поражения великой Шанхайской стачки), что Китай вступил в длительную эпоху органического строительства капитализма, что национально-буржуазная революция закончена... победой Чан Кай-ши над внутренними милитаристами и внешними империалистами и созданием национального, буржуазного, вполне нормального государства (без советских извращений).

Вооружившись поверхностной аналогией с 1848 и 1871 гг., О. Бауэр начинает читать нотации Октябрьской и китайской революциям. Хорошо-де, что своим существованием и политикой по отношению к восточным народам Октябрьская революция и СССР ускорили процесс национальных революций

на Востоке, но вот плохо, что по шутке всемирной истории большевизм подогрел на Востоке комнародническую иллюзию, будто из докапиталистических отношений Китай может одним прыжком перескочить в социализм.

Это беззубая шутка не всемирной истории, а самого О. Бауэра, граничит с шутовством. О. Бауэр читает по-русски, он отлично знает, что даже в России большевизм в 1917 г. ставил себе задачей не «введение» социализма одним прыжком, а ряд конкретных, реальных, вполне осуществимых шагов к социализму, о чем Ленин писал неоднократно в первые дни Февральской революции и накануне Октября (и в «Письмах из далека», и в тезисах 4 апреля 1917 г., и в «Задачах пролетариата в нашей революции», и в «Грозящей катастрофе», т. е. в работах, безусловно известных О. Бауэру) [1].

Тем более странно, когда Бауэр приписывает Коминтерну нелепую идею «введения» социализма в Китае, да еще одним прыжком. О. Бауэр читал программу Коминтерна. Он должен знать, что для Китая, Индии, Аргентины, Бразилии и т. п. колониальных, полуколониальных и зависимых стран Коминтерн выставил прямо-противоположное положение: что «центральное значение имеет здесь борьба с феодализмом, докапиталистическими формами эксплоатации и последовательно проводимая аграрная, крестьянская революция, с одной стороны, борьба с иностранным империализмом за национальную независимость — с другой. Переход к диктатуре пролетариата возможен здесь по правилу лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, а успешное социалистическое строительство в большинстве случаев лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры» [2].

Как все это глубоко-диалектическое учение о перерастании аграрно-крестьянской и национально-освободительной революции в пролетарско-социалистическую революцию похоже на плоскую шутку Бауэра: будто русский большевизм питает иллюзию, что на Востоке можно одним прыжком перескочить в социализм! Это не значит, что целый период перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарско-социалистическую революцию на Востоке исключает прыжки и скачки, что это будет любезный сердцу австромарксистских Ван Тин-веев и китайских О. Бауэров мирно-эволюционный процесс. Это будет процесс перерастания революции, который не исключает и контрреволюционных судорог, в роде той, которую Китай переживал после поражения Кантонского восстания и которую Бауэр воспевает как победу буржуазной революции.

Русский ученик О. Бауэра М. Вернер поспешил сослаться на брюссельскую речь учителя и с торжеством провозгласить, что исход китайской революции означает срыв теоретической перспективы большевизма (на перерастание национально-демократической революции в пролетарско-социалистическую революцию). Этот небезызвестный ниспровергатель «советского марксизма» и эксперт меньшевизма по национально-колониальному вопросу утверждает, что опыт китайской революции разбил вдребезги всю национально-колониальную концепцию ленинизма. «Большевизм предполагал, что китайская революция пойдет по пути перерастания национально-освободительного движения в социалистическую революцию. Случилось обратное—Китай пошел по пути перерастания национально-освободительного движения в буржуазную революцию». «Последствием китайской революции будет введение

[1] Т. XIV, стр. 19, 48, 51—52, ч. 2, стр. 208. (изд. 1923 г.).
[2] Программа КИ IV, 8. Разрядка моя. *С. Н.*

в капиталистическое хозяйство нового самостоятельного звена и образования нового нацинального государства» [1]).

На чем же покоится эта «оптимистическая» уверенность Бауэра и его учеников в исторической неизбежности капиталистической эволюции Китая? Очевидно, на принимаемом без всякого конкретного анализа глубоко-реформистском, оппортунистическом допущении, что буржуазная реакция Чан Кай-ши уже разрешила и разрешит все задачи аграрной и национальной революции в Китае.

Шутке истории угодно, чтобы Отто Бауэр и все М. Вернеры подогревали в китайском вопросе старую меньшевистскую иллюзию. Буржуазная революция закончилась, говорили русские меньшевики после поражения революции 1905 г., в России может итти речь только о социалистической революции, но социалистическая революция в отсталой России невозможна, поэтому... столыпинщина открывает эру европейского, конституционного развития России. Прошло 12 лет, и вся эта меньшевистская утопия была безжалостно опровергнута историей, которая без всяких шуток подтвердила концепцию большевизма: буржуазная революция не закончена, столыпинская реакция не в состоянии разрешить об'ективных задач буржуазной революции, России предстоит буржуазно-демократическая революция против буржуазии; доведенная до конца демократическая революция может перерасти в социалистическую революцию.

Когда буржуазная революция в России победила и большевизм взял курс на пролетарскую революцию, меньшевизм выставлял концепцию Ленина, как бред [2]); не прошло и 8 месяцев, как этот «бред» воплотился в действительность Октябрьской революции, которую меньшевики всех стран прославляют в лучшем случае как великую... буржуазную революцию.

Истории еще будет угодно сыграть такую же шутку с международным меньшевизмом в вопросе о перспективах китайской революции. Буржуазная революция в Китае закончена. Социалистическая революция в отсталом Китае еще менее возможна, чем в России. Чанкайшистская реакция, то-бишь революция, открывает эру национального об'единения и конституционного развития Китая, — говорит Отто Бауэр, — и призывает китайский пролетариат пойти по пути демократии к социализму, в одной духовно-политической общности со II Интернационалом, и притти к социализму этак через n геологических эпох. О какой там перспективе перерастания национально-демократической революции в пролетарско-социалистическую революцию может итти речь в Китае, когда «оптимисты» II Интернационала, в роде О. Бауэра, собираются на целую историческую эпоху позаняться лишь реформой капитализма даже в Европе. Такой речи не может быть тем более, что, по Бауэру, «на Востоке действуют те же закономерности капитализма и буржуазной революции, какие нам известны из нашего европейского опыта». Вся бауэровская концепция китайской революции покоится методологически на этой глубокомысленной философии истории, укладывающейся в почтенную формулу: **нет ничего нового под луной**. Отсюда у Бауэра, при оценке хода китайской революции вместо конкретного анализа ее социального содержания, движущих сил и перспектив, поверхностные исторические аналогии с 1848 по 1871 г., с западно-европейскими революциями XIX в.; замечательно, что О. Бауэру ни разу не приходят в голову более свежие аналогии, напр., с 1905 г. или с 1917 г. в России, даже с Февральской, не то что с Октябрьской революцией.

[1]) М. Вернер, Коминтерн и Советский Союз на Дальнем Востоке, «Социестник» за 1928 г., № 18.

[2]) Ср. Плеханов, Год на родине, т. I, стр. 19—29, «О тезисах Ленина и том, почему бред бывает подчас интересен».

Наша, большевистская концепция китайской революции очень осторожно пользуется какими бы то ни было историческими аналогиями, в том числе и с тремя русскими революциями XX века, тем более с западноевропейскими революциями XIX века.

Китайскую революцию можно познать только из ее особенных и своеобразных условий, а не на основании поверхностных аналогий с буржуазными революциями. Октябрьскую революцию О. Бауэр пытается познать по аналогии хотя бы с великими буржуазными революциями—английской XVII и французской XIX вв. С великой китайской революцией он обходится еще проще: он хочет познать ее по аналогии с неудавшимися половинчатыми революциями 1848 г.

На бауэровской концепции китайской революции целиком оправдалось глубокое замечание Ленина в полемике с Сухановым: «европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им несомненно больше своеобразия, чем русская революция»[1] (Разрядка наша. *С. Н.*).

Китайская революция уже явила и явит целый ряд особенностей, которые, конечно, не отменяют общих закономерностей всемирной истории и любой антифеодальной революции, а содержат их в снятой форме, но без познания этих особенностей и шагу нельзя ступить в понимании китайской революции. Австромарксистский сверхмещанин О. Бауэр видит в китайской революции общие закономерности любой антифеодальной, буржуазной революции, но он совершенно не замечает особенного преломления этих закономерностей в национально-колониальных, антиимпериалистических революциях Востока. Он в этом отношении стоит гораздо ниже, чем Каутский, который хотя бы пытается поставить вопрос об особых путях к социализму на Востоке. Другое дело, что Каутский приходит к одному результату с О. Бауэром или к наивностям, в роде того, что главной движущей силой восточных революций, к несчастью, являются интеллигенты, начитавшиеся всяких социалистических книжек и возомнившие, что они могут указывать дорогу Европе[2]).

Для О. Бауэра вообще не существует такой проблемы—особые пути социализма на Востоке; ему еще меньше, чем Каутскому, понятна диалектика общего и особенного в революциях Запада и Востока; он просто-на-просто безапелляционно заявляет: На Востоке действуют те же закономерности капитализма и буржуазной революции, что и в Европе, и при том в Европе XIX века. Стало быть, никаких особенных закономерностей, никакого своеобразия, никаких особых путей. Восток осужден на повторение западной истории. С точки зрения этой своеобразной риккертианской философии истории наизнанку не только не может быть и речи даже о сокращении или видоизменении фаз капиталистической эволюции Востока —все должно быть как на Западе, без отступлений. «Развитие на Дальнем Востоке подвержено тем же законам, как и в Европе» и никакого намека на малейшее отступление от европейских законов, от законов истории XIX и истории XX века, творимой II Интернационалом по рецепту демократического социализма.

Отсюда у Бауэра готовый политический вывод: «восточный пролетариат должен об'единиться со II Интернационалом не только в организационном, но и в духовном смысле для совместной борьбы на основе опыта и методов, выработанных европейским пролетариатом за столетие его развития», т.-е. на основе парламентского кретинизма.

---

[1]) Ленин, О нашей революции, т. XVIII, ч. 2, стр. 120, изд. 1923 г.

[2]) K. Kaytsky, Mater. Gesch., B. II, S. 530—539.

Бауэру даже не приходит в голову применить к китайскому рабочему движению свою собственную теорию национальных типов социализма, складывающихся у каждого народа на основе его национальной истории, его национальной культуры и его национального характера. Любопытно отметить, что на основании этой теории Бауэр признал, так сказать, равное право на существование за немецким «марксизмом», английским лэйбуризмом и русским большевизмом. Бауэр забыл, что по его теории нельзя навязывать идеологию и методы рабочей партии одной нации рабочим партиям других наций, ибо «это лишь утопическая попытка одну разновидность социализма, которая является продуктом особой национальной истории, особого национального своеобразия, навязать рабочим движениям совсем другой истории, совсем другого своеобразия» [1]).

Бауэру даже не приходит в голову, что китайское рабочее движение имеет свою историю и совсем другое своеобразие, чем, скажем, австромарксизм, и что нелепо поэтому с точки зрения его же теории национальных социализмов навязывать Китаю европейские методы. Нас не следует понять в том смысле, что методы австромарксизма вообще годятся,—мы думаем, что они нигде и никуда не годятся. Воистину высококультурный теоретик австромарксизма меряет двумя мерками национальные социализмы Запада и Востока. Даже за русским большевизмом признано право на бытие,—в высоком качестве пусть деспотического социализма, но все же законной национально-русской разновидности социализма,—а за китайским рабочим движением такого права на самостоятельный китайский социализм не признается,—Китай обязан, в нарушение национал-социалистической теории О. Бауэра, повторить пройденное и копировать идеологию и методы европейского демократического социализма, т.-е. методы профессионального реформизма.

Бауэровская теория национальных социализмов абстрагирует особенные закономерности развития идеологии и тактики рабочих движений отдельных стран от их конкретного единства с общими закономерностями всемирного рабочего движения; бауэровская теория однородности законов развития капитализма и рабочего движения на Западе и на Востоке абстрагирует общие закономерности всемирного рабочего движения от особенных форм их проявления в странах Запада и странах Востока. Ни в том, ни в другом случае релятивист Бауэр не в состоянии понять релятивность различия особенных и общих закономерностей, и в том и другом случаях он не в состоянии охватить конкретную диалектику общего и особенного в революциях Запада и Востока. Как истый метафизик О. Бауэр мыслит только абстрактно-всеобщее, а не такое «всеобщее, которое не только абстрактно, но включает в себя богатство особенного» (Hegel, Wissenschaft der Logik, I, 47, Ленинский Сборник IV, стр. 51—53). Как истый метафизик, он не понимает, что особенное существует не иначе «как в той связи, которая ведет к общему» (Ленин, К вопросу о диалектите). Поэтому Бауэру недоступна конкретность законов исторического материализма, которые являют собой формы всеобщности, наполненные конкретно-историческим, особенным содержанием.

Обе метафизические теории Бауэра должны служить одинаковой цели—обоснованию универсальной утопии так наз. «демократического социализма». Если теория национальных социализмов была сконструирована как барьер для ограждения Европы от наводнения идеями национально-русской разновидности «азиатского», «деспотического» социализма,—от большевизма, то новая, брюссельская теория односторонности законов развития Запада и Востока, стоящая в полном противоречии с первой теорией, должна послужить

[1]) O. Bauer, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, Vorwort zur 2-en Auflage, S. XXVIII.

каналом для перекачки идей «демократического социализма» с Запада на Восток. Плоский априоризм и грубая политическая тенденция обеих теорий настолько очевидна, что не стоит заниматься их дальнейшим разоблачением

Однако нельзя не заметить, что эти изумительные трансформационные способности Бауэра, эти несравненно легкие, виртуозные переходы в противоположность, эти перелеты от одной к другой теории сообразно требованиям текущего момента покоятся **политически** на профессиональном центризме, оппортунизме и реформизме, а философски—на абсолютном релятивизме, который самим Бауэром провозглашен как его философская profession de foi: «Марксизм требует такой теории познания, которая показала бы в деталях тот способ и духовный процесс, посредством которого люди **творят свою картину мира** (**мировоззрение**) по образу их собственного труда и подобию общественного строя, в котором они живут, или общественного строя, за который они борются, **по потребностям их экономической, социальной, политической и национальной борьбы**» [1]) (Разрядка наша. *С. Н.*).

Марксизм (а не австромарксизм!) не имеет ничего общего с этой теорией познания исторического релятивизма, подделанного под цвет исторического материализма. Теория познания диалектического материализма требует, чтобы наше мировоззрение было об'ективным, материалистическим отражением реально-существующего мира, а не априорной, суб'ективной конструкцией, натянутой по аналогии с настоящим или даже будущим общественным строем, или сообразно потребностям нашей политической борьбы. В теории познания австромарксизма, этого духовного детища, происшедшего от кровосмешения кантианства, махизма и «марксизма», действительные, материалистические отношения между миром и мировоззрением, между миром и картиной мира поставлены на голову. С точки зрения этой австромарксистской теории познания исторического идеализма и исторического релятивизма можно менять мировоззрение, картины мира, теории, все философские и политические убеждения, как перчатки, сообразно потребностям текущего момента и злобе дня, сообразно политическим комбинациям II Интернационала.

Отто Бауэр и делает это с величайшим успехом как в философии, так и в политике. В философии он перебежал от кантианства к махизму, научившись понимать самую критическую философию Канта, как исторический феномен [2]), как мировоззрение частного, индивидуалистического капитализма, превзойденное махизмом, мировоззрением государственно-организационного капитализма [3]). В политике О. Бауэра этим колебаниям несть числа: сила австромарксизма есть сила колебания между реформизмом по внутренней сущности и фразеологическим революционизмом по внешней форме. В этих колебательных движениях—своеобразная диалектика псевдо-«марксистского центризма» и его наиболее типичного выразителя — австромарксизма.

* * *

Вооружившись своей новой философией истории, вновь испеченной теорией абстрактной однородности законов развития капитализма и революции на Западе и Востоке, О. Бауэр направил острие всей своей брюссельской речи против международного большевизма.

---

[1]) O. **Bauer**, Das Weltbild des Kapitalismus, «Der lebendige Marxismus», S. 464.

[2]) O. **Bauer**, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, Vorwort zur 2-ten Auflage, S. XII.

[3]) O. **Bauer**, Das Weltbild des Kapitalismus, «Der lebendige Marxismus», S. 440—442, 464—468.

Он признается, что 10 лет тому назад, в хаосе послевоенных революционных процессов, еще допустимо было говорить о двух равновозможных путях к социализму, социал-демократическом (через демократию) и коммунистическом (через диктатуру).

Другое дело теперь, когда большевизм якобы признал стабилизацию капитализма (мы еще раз напоминаем, что релятивист О. Бауэр совершенно слеп к релятивности и расшатыванию этой стабилизации и приписывает нам свои апологетические взгляды), когда большевизм связывает все надежды на всемирную революцию с новой всемирной войной, теперь спрашивает риторически О. Бауэр, кто может серьезно сказать, что для рабочего класса существует другой путь, кроме социал-демократического?

Это очень ценное признание. В годы революционного хаоса (а для австромарксистского сверхмещанина революция, как для всякого буржуазного или буржуазно-социал-демократического либерала, остается неприятным хаосом) еще можно было колебаться между буржуазной демократией и пролетарской диктатурой, но теперь, когда революционный хаос уступил место желанному порядку, порядку стабилизации капитализма (относительности которой О. Бауэр, как и всякий апологет капитализма, упорно не замечает), теперь-то можно безошибочно выбрать... только один единственный путь — путь социал-демократии, путь социальной реформы (т.-е. погружение на целую историческую фазу в реформу капитализма). И Бауэр рекомендует этот путь не только западным, но и восточным рабочим, коммунистическим рабочим Европы и пролетариату СССР. Раздельное существование Коминтерна ослабляет-де силы международного пролетариата (читай: II Интернационала), ту силу, которая может защитить СССР против Священного Союза капиталистических держав.

Если в 1924 г., на основании теории национальных социализмов, за русским большевизмом признавалось право на существование, как русской разновидности социализма, то теперь на основании теории абсолютной однородности законов истории Запада и Востока, даже русскому, не только международному, большевизму в таком праве на существование отказано, и нам предлагается об'единиться со II Интернационалом.

В манифесте, принадлежащем перу О. Бауэра, это сказано еще яснее, но, разумеется, в специфическом стиле австромарксистского «революционного энтузиазма» [1]).

«Мы не закрываем глаза на героические усилия рабочих масс Советского Союза в борьбе против капитализма и против белой контрреволюции. Но продолжающийся экономический кризис через одиннадцать лет после начала революции показывает, что диктатура террористического меньшинства мешает развитию производительных сил страны, в то же время не давая рабочим Советского Союза возможности отстаивать свои интересы и удерживая порабощенные народы против их воли под своим господством».

А дальше следует уже известный тезис о «защите» СССР:

«Мы, партии, об'единенные в Рабочем Социалистическом Интернационале, попрежнему готовы со всей решительностью защищать Советскую Республику против враждебных действий капиталистических правительств и против всякого контрреволюционного нападения и требовать от всех государств, чтобы они поддерживали с нею мирные и нормальные отношения.

Но, как и рабочих всего мира, мы призываем также и рабочий класс Советского Союза об'единиться с нами на основе пролетарской мировой политики, построенной не на надежде на новую войну, а на сознании необходимости защищать демократию там, где она в опасности, восстановить ее

[1]) Manifest der Internationale, «Arb. Zeitung» № 223, 2/VIII-28.

там, где она уничтожена, и сделать ее инструментом освобождения рабочего класса».

В цепи брюссельских софизмов О. Бауэра это, пожалуй, наиболее тонкие и лицемерные. СССР превратился в тюрьму порабощенных народов, советская власть выродилась в диктатуру террористического меньшинства над рабочим классом, эта диктатура мешает развитию производительных сил страны (а ничего другого Каутский никогда не утверждал), а якобы несогласный с Каутским О. Бауэр готов попрежнему защищать это контрреволюционное советское государство от всякого контрреволюционного нападения! Поразительная логика!

Рабочие Советского Союза ведут героическую борьбу против капитализма и белой контрреволюции, но... они лишены возможности отстаивать свои интересы. СССР готовит новую всемирную войну, но... «мы» будем защищать его попрежнему (в этом, пожалуй, весь секрет, что попрежнему). Если СССР превратился в контрреволюционное государство, готовящее к тому же новую всемирную войну, то не защищать его нужно, а бороться с ним, бороться против этой контрреволюционной, империалистической, агрессивной силы! Каутский имел мужество сказать это вслух в доносах Марсельскому конгрессу, а О. Бауэр помышляет об этом, но не смеет сказать вслух. Что у Каутского на языке, то у Отто Бауэра на уме.

Лицемерие брюссельской речи О. Бауэра и написанного им манифеста выступают наружу еще разительней при сопоставлении этих высших продуктов австромарксистского духа с цюрихской речью Бауэра, произнесенной на партийном собрании цюрихской социал-демократической организации в марте 1928 г., как раз в те дни, когда Бауэр участвовал в работах предбрюссельской комиссии РСИ по разоружению и колониальному вопросу.

Цюрихская речь по существу является прелюдией к брюссельской речи, но она была сказана перед собранием левонастроенных швейцарских социал-демократов, а не перед вселенским собором ультраправых, правых, центристских и левых социал-демократов всех национальностей и политических мастей. Поэтому неудивительно, что и характеристика Советского Союза в цюрихской речи была подкрашена в «левые» тона. О. Бауэр, конечно, не решился прямо об'явить Октябрьскую революцию буржуазной революцией. Но он дал это понять, рисуя современную картину мира в широкой исторической ретро- и перспективе.

Если брюссельская философия истории была посвящена установлению абстрактной однородности законов развития Запада и Востока, то цюрихская философия должна была показать своеобразие послевоенной картины мира по сравнению с революционными и послереволюционными эпохами XVII, XVIII и XIX веков.

Все буржуазные революции прошлого, говорил О. Бауэр, были подвержены одному закону: всегда в ходе революций широкие плебейские массы устанавливали на время свою диктатуру (диктатура крестьянской армии Кромвеля в 1649 г., диктатура санкюлотов в 1793 г., диктатура Парижской Коммуны в 1871 г.), но это была всегда преходящая фаза в процессе буржуазных революций. За нею следовали другие фазы: реставрация старых сил, армейские диктатуры Кромвелей, Бонапартов I и Наполеонов III. Но и эти диктатуры были преходящими фазами. Окончательным результатом таких процессов были: в революциях XVII и XVIII веков—либеральная, конституционная монархия, в революциях XIX века — демократическая республика. Но послевоенная эпоха создала картину мира, доселе невиданную в истории. Все указанные фазы революционного развития, которые в прошлом следовали друг за другом во времени, теперь расположены одновременно и смежно в пространстве, в Европе наших дней: диктатура плебейских народных масс в

России, диктатура нового Бонапарта Пилсудского в Польше, диктатура фашизма в Италии, реставрация королевской власти в Югославии, буржуазно-демократическая республика в Германии, Чехо-Словакии и Австрии [1]).

Нетрудно видеть, что в этой большой исторической картине Октябрьская революция занимает (вместе с Парижской Коммуной 1871 г.) свое место в ряду буржуазных революций и пробегает теперь преходящую фазу временной диктатуры плебейских народных масс, за каковой фазой, в силу неотразимого, бауэровского закона всех буржуазных революций, последуют реставрация в форме военно-армейской диктатуры какого-нибудь советского Бонапарта, а затем уже демократическая республика. Это та самая перспектива, которую О. Бауэр рисовал во всех своих работах об Октябрьской революции в 1920—1921—1922 гг. [2]). И постольку О. Бауэр повторяет собственные зады.

Но вот что замечательно: в Цюрихе перед массовым собранием «ультралевых» швейцарских социал-демократов советская власть выставляется как диктатура плебейских народных масс, а через полгода, в Брюсселе, пред собором бывших и будущих социал-демократических министерских эксцеленций (превосходительств) — как террористическая диктатура меньшинства. Такую изумительную трансформацию нашей диктатуры можно об'яснить только непревзойденными трансформационными политическими способностями О. Бауэра, который рисует картину мира и ее существенные советские «детали» (касающиеся $^1/_6$ части земного шара) в полном согласии с австромарксистской теорией познания — применительно к нуждам текущего момента и применительно к... аудитории.

Не менее замечательно то единственное отличие нашей эпохи от буржуазных революций XVII—XVIII—XIX вв., которое О. Бауэру удалось-таки, наконец, открыть по меньшей мере для Европы (Восток, как читатель помнит, осужден в Брюсселе на повторение западно-европейской истории XIX века). Последовательная смена фаз буржуазной революции во времени (плебейская диктатура—реставрация—бонапартизм—демократическая республика) вытеснена одновременным существованием этих фаз в пространстве. Вот и все. Какая бездонная глубина! Какая бездна австромарксистской... плоскости и во времени и в пространстве! Больше никаких отличий между веком нынешним и минувшим. Бауэр думает, что «послевоенная эпоха создала картину мира, доселе невиданную в истории», и что он, Бауэр, схватил всю эту невидаль и во времени и в пространстве.

В бауэровской сравнительно-исторической картине мира эпохи буржуазных революций XVII—XIX вв. и послевоенной эпохи XX века не нашлось ни времени, ни пространства, ни вообще какого бы то ни было места для действительных и существенных отличий: 1) эпохи органического под'ема промышленного капитализма от эпохи исторического упадка капитализма и империализма; 2) эпохи промышленного капитализма и буржуазных революций от эпохи империализма и пролетарских революций; 3) эпохи антифеодальных революций и войн от эпохи антиимпериалистических национально-колониальных освободительных войн и революций; 4) эпохи Священного Союза феодальных сил против первой Великой Французской буржуазной революции от эпохи Священного Союза империалистических и социал-империалистических сил против первой великой социалистической революции и ее детища — Советского Союза.

---

[1]) O. Bauer, Die Weltlage, «Arb. Zeit.» (Basel), 5/III-28.

[2]) Bauer, Bolschewismus und Sozialdemokratie (1920). Der neue Kurs (1921). 5 Jahre Sowietrussland, «A. Z.», 6/XI-22.

Ср. С. Новиков, Австромарксистские концепции Октябрьской революции», «Вестник Комм. Академии», № 33.

Австромарксистский сверхмещанин О. Бауэр пережил в так называемой австрийской революции 1918 г. нереволюционную революцию великолепного австромарксистского стиля: буржуазно-социал-демократическую революцию, самую жалкую и половинчатую из всех буржуазных революций, запоздалое продолжение и завершение половинчатой австрийской революции 1848 г. Этот сверхмещанин с ужасом посмотрел в глаза будущей австрийской пролетарской революции, участвуя в тушении Июльского восстания 1927 г. в Вене. Этот сверхмещанин хочет себя и других уговорить, что не только в Австрии, но и во всем мире в XX веке не было, нет (и не будет!) пролетарской революции: все было, есть и будет (и главное должно быть!) как в Вене 1848 и 1918 гг. Картина Востока растворяется в картине Запада, картина мира в картине Европы, картина Европы в картине послевоенной Австрии, макрокосм XX века в микрокосме микро-республики австромарксистских и христианских социалистов... Цюрихская речь Бауэра прекрасно дополняет его брюссельскую речь. А вместе взятые эти две речи дают полную картину австромарксистской философии нашей эпохи и карикатуру на подлинную картину мира.

III. Бауэровский железный закон истории и проблема некапиталистической эволюции Востока.

Восточная половина этой карикатуры особенно четко обрисована в передовице «Arbeiter Zeitung» под претенциозным заглавием: «Марксизм на Ян-Цзе» [1]). Нетрудно узнать автора этой передовицы, опубликованной накануне Брюссельского конгресса. Это, конечно, О. Бауэр! Он пишет, что национальное движение подходит к об'единению нового буржуазного Китая и завершению его государственной самостоятельности и освобождению от иностранного господства.

«Подавлением коммунистов и рабочих буржуазная революция в Китае ни в коем случае не разрешила всех проблем. Выступают наружу противоречия между основными тремя силами национального движения: 1) буржуазией, которая жаждет мира, 2) генералами, которые хотят получить свою долю в добыче, и 3) ремесленниками и мелкими буржуа городов, представляющими во внутренней и внешней политике буржуазной революции радикальные тенденции и требующими отмены неравноправных договоров и выполнения демократической и вместе антикапиталистической программы Сун Ят-сена. Нанкинское правительство вынуждено лавировать между этими тремя силами, из которых ни одна не может успешно выступить против двух остальных, а только лишь в союзе с другой против третьей».

Каким компромиссом кончится нынешний этап китайской революции,— нельзя предугадать. Но одно уже теперь разительно ясно для О. Бауэра, «что ход китайской революции, типичный ход национального движения на Востоке, соответствует всему опыту, который мы приобрели из истории буржуазных революций в Европе. В исходе революции далекого, замечательного народа в Азии подтверждается и повторяется все, что материалистическое понимание истории марксизма научило нас познавать в Великой Французской революции, в буржуазных революциях Англии в XVII в. и Германии в XIX в. Революция на Ян-Цзе, которая подавила рабочих и ищет теперь выхода между капиталистами, мелкими буржуа и генералами, между Жирондой, якобинцами и Бонапартом — она следует точно железному закону истории, который господствует в исходе классовых боев, в революциях 1789 г. в Париже и 1848 г. в Вене».

«Коммунисты хотели нас уверить, что китайская революция пойдет по другому пути. Она, говорили они, перепрыгнет через капитализм, она

[1]) Der Marxismus am Jangtse, «A. Z.», 3/VIII-28.

немедленно передаст судьбы 400-миллионного народа в руки только еще возникающего рабочего класса и еще неоформленного, нерасчлененного, еще совсем не проснувшегося крестьянства, ибо это на руку русской политике».

«Ничего подобного! Китай собирается стать буржуазно-капиталистическим государством, и тысячи китайских рабочих заплатили за историческую ошибку большевизма своей жизнью»...

«Нас хотели уговорить буржуа, что Китай никогда не будет способен об'единиться и самоуправляться, он вечно будет подвержен внутренним раздорам и будет нуждаться поэтому в иностранной опеке,— но вот приговоренный к смерти Китай жив и вопреки всем традициям и внутренним затруднениями, при всех переменах классов и их борьбы, борется и образуется буржуазное государство».

«Если в наше время, когда рабочий класс во многих странах уже настолько окреп, что ему остается делать еще только малые шаги, что-либо и наполняет нас, социалистов, непотрясаемой верой в историческое развитие, так это ход великолепной исторической драмы на Востоке, подтверждение, которое наше марксистское понимание истории получает в исходе национальных революций, которые теперь под покровом чужеземных нравов и одежд наполняют пробуждающийся Восток становлением и борьбой пробуждающихся народов и классов. Пробуждающиеся массы Китая идут своими, историей предначертанными путями, во многом отличающимися от европейских путей. Кишащие миллионы китайских рабочих, мелких буржуа и крестьян никогда не слыхали имени К. Маркса, но они сами оживляют смысл его учения в грандиозном историческом подтверждении... Так триумфирует марксизм на Ян-Цзе».

В этой, наиболее полной, формулировке австромарксистской философии китайской революции все на своем месте. Среди движущих сил китайской революции пролетариат и крестьянство оказываются на самом последнем месте. Китайская революция, как все буржуазные революции XVII—XIX вв., закончилась образованием национального, буржуазного государства. Неправы коммунисты, говорящие о возможности некапиталистической эволюции Китая, неправы и буржуа, говорящие о невозможности капиталистической эволюции Китая своими внутренними силами. Борьба китайской Жиронды и якобинцев и бонапартистская диктатура Чан Кай-ши завершают китайскую революцию и подтверждают бауэровский железный закон истории всех буржуазных революций, начиная с 1789 г. в Париже и кончая 1848 г. в Вене: за революцией следует контрреволюция, реставрация или бонапартистская диктатура с конечным результатом в виде образования национального, демократического, буржуазного государства. Китай повторяет европейскую историю XVII — XVIII — XIX веков и, правда, особыми путями (хотя Бауэр ни словом не показывает, в чем же их особенность и своеобразие) идет к неизбежному финалу всей истории по пути капиталистической эволюции. Абстрактное признание особых путей китайской революции у Бауэра есть не больше, как риторическое украшение без всякого конкретного содержания и смысла. Вся эта меньшевистская философия китайской революции топчется на одном месте в заколдованном кругу пустопорожней тавтологической схемы: буржуазная революция — буржуазная гегемония — буржуазный финал. К этой тавтологии и сводится у Бауэра все «наше марксистское понимание истории» революций XVII, XVIII, XIX и XX веков. Восток должен повторить все пути Запада.

О. Бауэру не приходит в голову подумать над неоднократными указаниями Маркса и Энгельса, которые тоже ведь имели некоторое отношение к «нашему марксистскому пониманию истории», что Россия и страны Востока могут в революционную эпоху прийти к социалистическому преобразованию почти одновременно с Западом. Отто Бауэр не мог не читать в

немецком издании I книги «Архива Маркса и Энгельса» черновики письма Маркса к Засулич. Маркс допускает там a priori два пути развития русской общины — капиталистический и некапиталистический: «оба исхода возможны, но они предполагают совершенно различные исторические среды». «Говоря теоретически, русская сельская община может... стать непосредственным отправным пунктом экономического строя, к которому стремится современное общество; она может завладеть плодами, которыми капиталистическое производство обогатило человечество, не проходя через капиталистический строй». «Если б русские любители капиталистического строя стали отрицать теоретическую возможность подобной эволюции..., их можно было бы спросить, была ли Россия вынуждена, подобно Западу, пройти через долгий период вылупливания механической промышленности... каким образом они ввели у себя сразу весь механизм обмена (банки, акционерные общества), выработка которого на Западе потребовала целых веков». Для Маркса было ясно, что «во всяком случае западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает», что исход будет зависеть от исторической среды, в которую попадает Россия и ее сельская община.

Благоприятной исторической средой для некапиталистической эволюции русской общины Маркс и Энгельс считали уже современный им капитализм, который, по их мнению, уже тогда, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах...[*] имел против себя и науку, и народные массы, и самые производительные силы... превратился в арену кричащих антагонизмов, конфликтов и периодических бедствий..., когда он переживает кризис, который кончится только его устранением [1]). Маркс и Энгельс считали, что некапиталистическая эволюция русской сельской общины и стран Востока станет реальной возможностью в эпоху всеобщего исторического кризиса капитализма, в эпоху пролетарских революций на Западе. «Если русская революция послужит сигналом к рабочей революции на Западе, так что обе революции будут взаимно дополнять друг друга, тогда русская общинная собственность может сделаться исходным пунктом коммунистического развития». Для основоположников материалистического понимания истории было «не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата... у западно-европейских народов» можно будет «в странах, только что вступивших на путь капиталистического развития... сократить процесс их перехода к социалистическому обществу». «Тогда развитие отсталых стран может пойти этим сокращенным путем. Но тогда успех их будет несомненен. И это относится не только к России, но и ко всем вообще странам с докапиталистическим строем» [2]). «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за ними: об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации,— об этом мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы» [3]).

Но тут «любители капиталистического строя», в роде Бауэра, возразят, что Энгельс связывал историческую возможность некапиталистической эволюции России и стран Востока с предварительной победой пролетариата в Западной Европе и Соединенных Штатах Северной Америки. На это мы

---

[1]) Переписка Маркса и Засулич, «Архив» кн. I, стр. 270—286. Разрядка Маркса.

[2]) Энгельс, Статьи 1871—1875 гг. о России (послесловие 1894 г.), стр. 79—80, изд. 1919 г.

[3]) Энгельс, Письмо к Каутскому от 12/IX-82 г. (Цит. по Ленину, т. XIII. стр. 428, 1929 г.). Ср. приложение к брошюре: K. Kautsky, Sozialismus und Kolonialpolitik.

отвечаем: 1) после победы западно-европейского и американского пролетариата некапиталистическое развитие стран Востока было бы, по Энгельсу, не только исторически возможно, но и несомненно; 2) тот же Энгельс писал в 1895 г., что «завоевание Китая капитализмом даст одновременно толчок к падению капитализма в Европе и Америке», а Маркс указывал, что ближайшее восстание народов Европы будет вероятно гораздо больше зависеть от того, что происходит теперь в Небесной империи, чем от другой причины. Это значит, что победа китайской революции может подорвать силы европейско-американского капитализма и ускорить социалистическое преобразование старого и нового света» [1]); 3) Маркс и Энгельс не могли, конечно, предвидеть во всей исторической конкретности форму и порядок взаимодействия революций Запада и Востока, они не могли предвидеть, что в силу оригинальной исторической ситуации 1917 г., русская революция победит как пролетарско-социалистическая революция до победы пролетарской революции на Западе; 4) наличие СССР, страны строящегося социализма, и продолжающийся исторический кризис капитализма, начавшийся после войны 1914—1918 гг. и не прекратившийся и до сих пор, несмотря на относительную стабилизацию капитализма, — всемирный экономический кризис, революционное брожение на Востоке, начало революционного под'ема на Западе, начало революции в Индии, новый под'ем революции в Китае и еще более победа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в форме советской власти во многочисленных районах Южного Китая, — все это делает нашу эпоху исторически-революционной, а не реформистской, как думает О. Бауэр. Поэтому наша эпоха исторически упадочного, хотя и относительно стабилизованного, капитализма и представляет собой ту историческую среду, в которой историческая возможность некапиталистической эволюции Китая все еще не снята и может превратиться в историческую действительность. Борьба пролетариата и крестьянства, и только борьба этих главных движущих сил китайской революции, которых Бауэр почти не замечает, может решить окончательно вопрос о превращении исторической возможности некапиталистической эволюции Китая в историческую действительность.

Бауэр упорно приписывает нам, большевикам, нелепость, будто, по-нашему, Китай обязательно «перепрыгнет через капитализм». Коминтерн нигде, никогда, ни в одной резолюции, ни в своей программе не утверждал, что для Китая a priori возможен только один путь некапиталистической эволюции. На всем протяжении китайской революции мы говорили о двух путях; мы отнюдь не исключали возможности превращения Китая в любезное сердцу О. Бауэра «нормальное», буржуазное, национальное государство. Но и сам О. Бауэр признает, правда, в робкой форме,— что буржуазная революция подавлением коммунистов и рабочих не разрешила всех проблем, что выступают наружу противоречия между буржуазией, гоминдановским генералитетом и городской мелкой буржуазией.

Если к этим противоречиям прибавить самое главное: что нанкинское правительство не в состоянии об'единить Китай и удовлетворить радикальные требования сотен миллионов пролетарско-крестьянских масс, которые являются, вопреки О. Бауэру, основными движущими силами китайской революции, тогда станет очевидно, что китайская национально-освободительная, крестьянско-демократическая, плебейская революция еще не закончена, что китайская революция еще должна пройти через фазу плебейской диктатуры пролетариата, крестьянства и городской бедноты. А уже эта плебейская диктатура, если употребить любимое выражение О. Бауэра, может и должна будет сделать ряд подготовительных шагов для перехода к диктатуре пролетариата, и не одним прыжком, а «лишь в результате це-

[1]) Маркс, Революция в Китае и Европе, «Правда» от 14/VII-25 г. («New York Tribune, 14/VI-53 г.).

лого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую» [1]) (Разрядка наша. *С. Н.*).

Приписывая Коминтерну нелепость, что Китай обязательно «перепрыгнет через капитализм», Бауэр просто «перепрыгивает» через глубоко-диалектический анализ китайской революции, ее переходов и перерастания и в программе Коминтерна и во всех его резолюциях по китайскому вопросу. «Любитель капиталистического строя» в Китае, на Востоке и во всем мире, О. Бауэр, приписывая нам мысль о перепрыгивании через капитализм, хочет очевидно, сказать, что мы идем против Маркса, который писал, что «даже общество, напавшее на след естественного закона своего движения, не может перепрыгнуть и отменить декретами естественные фазы развития» [2]). Но в том-то и дело, что Маркс, в отличие от О. Бауэра, не считал для Востока естественными все фазы капиталистического развития Запада. «Западный прецедент ровно ничего еще не доказывает» [3]). Это во-первых. Во-вторых, муки родов можно сократить. В-третьих, страны Востока могут в эпоху исторического кризиса капитализма сократить, видоизменить и в значительной степени минуть многие перипетии капитализма, пройдя через этап победоносной диктатуры пролетариата, крестьянства и городской бедноты (это тоже «капитализм», но такой «капитализм», которого на Западе не было, «капитализм», несущий в себе реальную возможность некапиталистической эволюции,— это государственный капитализм при демократической диктатуре, это еще не переходный период от капитализма к коммунизму, а переходный период к социалистической диктатуре пролетариата, период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Только «любитель капиталистического строя», в роде Бауэра, мог выставить железный закон абстрактной однородности развития капитализма и революции на Западе и Востоке. Маркс и Энгельс, разумеется, ничего общего не имеют с этим законом, над которым они, вероятно, посмеялись бы не менее зло, чем над лассалевским железным законом заработной платы. Только «любитель капиталистического строя», в роде Бауэра, может по случаю временного триумфа Чан Кай-ши писать, что «марксизм триумфирует на Ян-Цзе». Если О. Бауэр хочет этим сказать, что австромарксизм триумфирует по поводу временного поражения китайской революции, то с этим никто не станет спорить. Если же он думает, что триумфирует его железный закон однородности развития Запада и Востока, то во всяком случае необходимо признать, что Маркс и Энгельс и их материалистическое, диалектическое понимание истории ничего общего не имеют с бауэровским мертвенным, абстрактным, социал-демократическим пониманием истории Востока вообще и китайской революции в частности и особенности.

Совершенно в духе этого же бауэровского понимания истории рассуждает автор другой передовицы «Arbeiter Zeitung» «Китай в водовороте капиталистического хозяйства» [4]). В китайской революции скрестились противоречивые социальные, национальные и государственные интересы интеллигенции, буржуазии, крестьянства и пролетариата. Интеллигенция и буржуазия восстали против господства бедных, китайское крестьянство — против полуфеодальной системы аренды; рабочие — против белых и желтых капиталистов. «Над этим восстанием вырванных из первобытной связанности сил, которые выкристаллизовались в военную мощь (национальной

[1]) Программа Коминтерна, Гиз, 1928 г., стр. 79.
[2]) Маркс, Предисловие к 1-му изд. I т. «Капитала».
[3]) «Архив Маркса и Энгельса» кн. I, стр. 281.
[4]) Humanität und Zollsätze. China im Strudel der kapitalistischen Wirtschaft, «A. Z.», 27/XII-28.

армии) и благодаря внутренним классовым противоречиям очень скоро обрушились друг на друга в кровавой драке, сияло знамя Гоминдана. Никто заранее ясно не знал, какой политический и социальный порядок оно предвещало. Две великие силы сделали попытку направить хаос по своим путям: большевизм надеялся получить на берегах Ян-Цзе подтверждение для своего «варварского, азиатского марксизма»; английский империализм, сначала побуждаемый ложной надеждой, что он сумеет подавить всю революцию, постепенно удовлетворился тем, чтобы направить революцию по буржуазным путям. Великое состязание, в котором пролито несказанно много пролетарской и крестьянской крови, в котором китайская республика приняла более консервативные формы и учреждения, чем это соответствовало ходу вещей, если бы он не был нарушен большевизмом и международным империализмом, покамест закончилось поражением Москвы и уроком, что ни одна фаза развития не может быть перепрыгнута». «Внутренняя борьба в революционном лагере и давление империалистических держав сломили силу размаха социально-революционных энергий. Военные суда его британского величества связались с буржуазными интересами Китая, разбуженными революцией и поднявшимися к самосознанию: результат этого развития есть буржуазная республика Китай», которая признана Англией, и с которой Англия заключила торговый договор на неслыханно выгодных условиях, даже по признанию Times'a».

В авторе этих патетических строк нетрудно узнать О. Бауэра. Здесь над каждым словом почиет дух австромарксизма на Ян-Цзе.

Та же концепция, но с добавочной «победоносной» аргументацией, если б международный империализм и большевизм не вмешались в ход китайской революции, если бы интеллигенция, буржуазия, крестьянство и пролетариат не нарушили единства национального фронта классовой борьбой, тогда бы все пошло гораздо лучше и китайская республика приняла бы более прогрессивные формы, чем теперь. Глубочайший смысл этой бессмыслицы сводится не иначе, как к глубокомысленному утверждению, что если бы китайская революция не имела никакого... международного положения, если бы классы и партии китайского общества исключили бы на время революции из внутренних отношений Китая... классовую борьбу, если бы они, скажем, прониклись спасительной идеологией гражданского мира и питались не своими классовыми интересами, а сантиментальными приветами, которые О. Бауэр посылал китайской революции из Марселя и Брюсселя, если бы произошли все эти неестественные чудеса, тогда бы осуществился естественный ход вещей и китайская республика приняла бы более прогрессивные формы (вероятно, парламентской, демократической республики).

Как цивилизованный, европейский «марксист», автор этой замечательной философии истории китайской революции издевается над нашим «варварским, азиатским марксизмом», т.-е. над большевизмом, который якобы пытается на берегах Ян-Цзе перепрыгнуть через естественную фазу развития Китая. О. Бауэр (мы думаем, что он и есть наш автор) не говорит, что он считает естественной фазой развития Китая. Зачем пускаться в об'яснения, когда оно и так очевидно — какое же еще возможно развитие Китая, кроме капиталистического?

Как настоящий «любитель капиталистического строя» О. Бауэр отвергает историческую возможность некапиталистической эволюции стран Востока. В переживаемую историческую эпоху он допускает только одну историческую возможность и даже неизбежность и необходимость капиталистического развития России, Китая, всего Востока, да и Запада (вспомним, что по Бауэру «в переживаемую историческую фазу социалистические

партии могут поставить ближайшей, непосредственной целью их не преодоление, а лишь ту или иную реформу капитализма») [1].

В полном соответствии с этой буржуазно-социал-демократической перспективой капиталистического развития всего мира составлена Бауэром теоретическая вводная часть пресловутой социал-империалистической резолюции Брюсселя по колониальному вопросу. Там допускаются две основные исторические возможности реализации единственно-реального, капиталистического пути развития колоний и полуколоний: 1) в колониях с развитой европейской или восточной культурой чужеземное господство может быть сейчас уже устранено без того, чтобы они должны были вследствие этого спуститься из капиталистической фазы развития обратно в более раннюю—первобытную». Для таких стран Бауэр и К° признают право на самоопределение и полную независимость; 2) в колониях с неразвитой культурой «немедленное устранение этого (чужеземного) господства означало бы тут... не шаг вперед к национальной культуре, а возврат к первобытному варварству, не развитие национальной демократии, а подчинение народных масс господству либо меньшинства белых поселенцев, либо туземных деспотов, или же начало новой эры капиталистических грабежей и колониальных войн» (как будто при нынешнем чужеземном господстве там нет всех этих прелестей). Для таких колоний, а таких большинство, Бауэр и К° «требуют» воспитания к самоуправлению и самоопределению в будущем» [2].

Одним словом, выполняя социально-политический заказ английских, французских и голландских социал-империалистов, их ученый секретарь О. Бауэр создал теорию, согласно которой все колонии и полуколонии должны пройти через капиталистическую фазу развития, а большинство колоний без чужеземного господства спустятся обратно из капиталистической фазы в первобытное варварство. Только апологет и любитель капитализма во всем мире, только ученый секретарь социал-империалистов мог создать такую теорийку, идеализирующую и воспевающую историческое, цивилизаторское призвание империализма на Востоке.

IV. Австромарксизм и социал-империализм.

Но стоит заговорить о социал-империализме, как Бауэры обоего пола впадают в настоящий пафос негодования. В своей брюссельской речи Отто Бауэр повторил всю аргументацию, которую до него Елена Бауэр выдвинула накануне Брюсселя против ленинской теории империализма и социал-империализма.

В платформе австромарксизма к Брюссельскому конгрессу Е. Бауэр обрушилась на проект программы Коминтерна и содержащееся там об'яснение корней социал-империализма подкупом некоторых частей европейского, американского и японского пролетариата со стороны империалистической буржуазии за счет дополнительной сверхприбыли от грабежа колоний и полуколоний. Е. Бауэр констатирует, что после того, как Англия потеряла свою промышленную монополию, жизненный уровень английских рабочих с начала XX века далеко превышен северо-американскими, австрийскими и канадскими рабочими, достигнут почти немецкими, а теперь даже норвежскими и датскими рабочими. Отсюда Е. Бауэр делает против нас негодующий вывод, что дело не в колониальных сверхприбылях, что между пролетариатом и буржуазией нет общности интересов — нет также и в колониальной политике — и что нельзя давать себя уговорить, будто часть рабочего класса

[1]) O. Bauer, Nach dem Parteitag, «Der Kampf» 1927, № 12, S. 547.
[2]) Die Botschaft an die farbigen Proletarien, «A. Z.», 29/III-28.

пользуется империалистическими прибылями, и на этом основании увековечивать раскол, утверждая, что социал-демократия и есть подкупленная империализмом часть рабочего класса [1]). Отто Бауэр, следуя за Еленой Бауэр, говорил в Брюсселе: «Программа Коминтерна развивает целую теорию для обоснования этого раскола. Она утверждает, что капитализм великих империалистических держав в состоянии благодаря гигантской добыче, которую они наживают в своих колониальных странах, покупать большие слои рабочего класса, подкупать лучшими условиями труда, заинтересовывать их таким образом в существовании империализма, а потому международная социал-демократия якобы стала опорой империализма. Поэтому-де раскол неизбежен, поэтому коммунисты считают своей главной задачей уничтожить влияние, которое социал-демократия имеет на массы».

«Никогда еще для обоснования скверного дела не была придумана более скверная теория» (Разрядка наша. *С. Н.*).

«Присмотримся к действительности: ужасающая судьба британского рабочего класса после войны, пораженного безработицей тяжелей, чем рабочие какой-нибудь другой страны, допускающего в течение ряда лет одно снижение зарплаты за другим: разве это не показывает, что владения даже величайшего колониального государства мира и в мировой истории не дают поднять жизненный уровень рабочего класса. Сравните жизненный уровень рабочих различных стран Европы, от Швеции до Италии или до Балкан включительно. Вы убедитесь, что различия жизненного уровня ничего общего не имеют с тем, обладает ли данная страна колониями или нет, но исключительно зависят, с одной стороны, от экономической мощи страны, от ее естественных богатств, от размещения (Standorten) ее индустрии, от производительности труда в этой стране, одним словом, от ее конкурентной способности на мировом рынке, а с другой стороны, и прежде всего, от экономической и политической силы, которой рабочий класс обладает в каждой стране (бурные аплодисменты), или когда указывают на американских рабочих и хотят представить дело таким образом, будто относительная высота их жизненного уровня, на наш жалкий европейский масштаб, является следствием вложения капитала американской плутократии за границей, то мы должны сказать, что применять этот аргумент может лишь тот, кто не дал себе труда изучить цифры американского платежного баланса. В действительности всякий, кто правильно разбирается в американском хозяйстве, должен знать, что проценты, получаемые Америкой с Европы, ничтожны по сравнению с гигантскими массами прибавочной стоимости, которые американские капиталисты извлекают из рабочей силы американских рабочих и фермеров, благодаря огромной производительности труда в этой стране».

«Стало быть глубоко ложной теорией коммунисты обосновывают раскол» [2]). Нетрудно видеть, что вся аргументация — от Елены Бауэр (кстати, вплоть до аргумента насчет американского платежного баланса). Трудно сказать, в чьем изложении больше софизмов—у Елены или у Отто Бауэра.

Они оба приписывают программе Коминтерна нелепое утверждение, что социал-империализм об'ясняется подкупом рабочего класса или его значительной части, хотя в проекте (как и в окончательном тексте) программы речь идет исключительно о подкупе некоторых частей, т.-е. рабочей аристократии и бюрократии, составляющих верхушку рабочего класса, но отнюдь не весь класс, не его бóльшую или большую часть.

---

[1]) H. Bauer, Internationale Kapitalskonzentration und leninistische Katastrophentheorie, «Der Kampf» 1928, № 8/9, S. 309—310.

[2]) O. Bauer, Aufruf zur Einheit, «A. Z.», 14/VIII-28. Разрядка Бауэра.

Они оба стараются отвести глаза от проблемы подкупа рабочей аристократии и бюрократии разговорами о жизненном уровне всего рабочего класса, рабочего класса в целом, и поучают нас, что рабочий класс не заинтересован в колониальной политике. Как будто бы до Бауэров мы этого не знали. Из бесспорного факта, что в Соединенных Штатах и в некоторых европейских странах, не имеющих колоний или обладающих меньшими колониями, чем Англия, зарплата рабочих выше или почти достигает английского уровня, они делают ложный вывод, что высота зарплаты всех частей рабочего класса ничего общего не имеет с колониальной мощью данной страны, а зависит исключительно от ее конкурентной способности на мировом рынке. Как будто конкурентоспособность и вообще экономическая мощь страны не зависит также и от ее колониальной мощи, а не только от производительности труда или от естественных богатств, размещения индустрии и т. п. эконом-географических факторов. Как будто колониальные естественные богатства, рынки сырья и рабочей силы и сферы вложения капиталов не играют исключительной роли в экономической мощи и конкурентоспособности метрополий на мировом рынке. Если бы империалистические державы прониклись верой в эту списанную у Каутского теорию австромарксистских теоретиков, они бы должны были махнуть рукой на колониальную политику и на все свои колонии, которые ведь все равно-де не играют никакой роли в конкурентоспособности метрополий на мировом рынке.

Нелепость софизмов О. Бауэра и Елены Бауэр станет еще очевидней, если вернуться к правильной и четкой постановке проблемы, т. е. к вопросу не о жизненном уровне рабочего класса вообще, но об источниках подкупа верхушки рабочего класса, его рабочей аристократии и бюрократии. Проект программы Коминтерна утверждал, что таким источником являются сверхприбыли буржуазии метрополии от грабежа колоний и полуколоний. В окончательном тексте программы дано более полное и точное решение проблемы: «буржуазия империалистических держав, получая дополнительную сверхприбыль как в силу своей позиции на мировом рынке вообще (более развитая техника, экспорт капитала в страны с более высокой нормой прибыли и т. д.), так и от грабежа колоний и полуколоний, за счет этих сверхприбылей повышала заработную плату «своих» рабочих, заинтересовывая их таким образом в деле развития «отечественного» капитализма, в деле колониального грабежа и в преданности империалистическому государству. Этот систематический подкуп практиковался и практикуется особенно широко в сильнейших империалистических странах, находя свое наиболее яркое выражение в идеологии и практике рабочей аристократии и бюрократических слоев рабочего класса: руководящих кадров социал-демократии и профсоюзов». [1])

Позволительно спросить гг. Бауэров, достаточно ли сверхприбыли из каких бы источников она ни получалась, из дифференциальной прибыли в силу большей конкурентоспособности на мировом рынке вообще или от грабежа колоний и полуколоний в частности, достаточно ли этих сверхприбылей, чтобы буржуазия могла из них «урвать» кусок для подкупа рабочей аристократии и бюрократии, для подкупа руководящих кадров социалдемократии и профсоюзов, скажем, для подкупа тех тысяч и десятков тысяч (но отнюдь не сотен тысяч и не миллионов) социалдемократических депутатов, государственных и муниципальных чиновников, которыми Фр. Адлер хвастал в своем организационном отчете на Брюссельском конгрессе? Стоит так поставить вопрос, чтобы увидеть всю смехотворность бухгалтерской справки Бауэров насчет американского платежного баланса и их заверений, что проценты,

[1]) Программа Коминтерна, Гиз, 1928 г., стр. 18—19.

получаемые Соединенными Штатами с Европы, настолько ничтожны, что их может хватить лишь на содержание американских туристов в окрестностях Парижа, Люцерна и Флоренции, но отнюдь не на подкуп какой-то рабочей аристократии в Америке [1]). Ну, а если прибавить сюда прибыли, получаемые Соединенными Штатами в Мексике, в Центральной и Южной Америке, в Азии, в Канаде, если взять платежный баланс всей внешней торговли Соединенных Штатов не только с Европой, если к этому прикинуть гигантские массы прибавочной стоимости, которые американские капиталисты извлекают из рабочей силы американских рабочих и фермеров [2]) и реализуют на внутреннем рынке, — спрашивается, может северо-американская плутократия из этих своих колоссальных сверхприбылей самых разнородных источников бросить малую толику на подкуп воротил сознательно антисоциалистической и открыто контрреволюционной Американской Федерации Труда, на подкуп американской профбюрократии?

Если взять источник Бауэров — работу Г. Люткенса о платежном балансе Соединенных Штатов [3]), то из нее видно, что северо-американский империализм получил в 1926 г. с неевропейских стран процентов 488 миллионов долларов. Американский департамент торговли оценивает высоту частных капиталовложений Соединенных Штатов за границей к концу 1927 г. в 11½ — 13½ миллиардов долларов, из которых 4,3 — 5,2 млрд. падают на Латинскую Америку, 3,2—3,7 млрд. на Европу, 3,0—3,5 млрд. на Канаду и Ньюфаундленд и 1 млрд. на весь остальной мир [4]). Стало быть, одни частные инвестиции С. Ш. в неевропейских странах составляют кругленькую сумму в 10 млрд. долларов, которые приносят в год не менее круглую сумму в полмиллиарда долларов. Спрашивается, может ли северо-американский империализм, располагая такими капиталовложениями и сверхприбылями с них, бросать нужные суммы на подкуп американской рабочей аристократии и бюрократии?

Не только северо-американский, но и британский, французский и голландский империализм, даже германский неоимпериализм и буржуазия любой европейской страны, не имеющей колоний, вплоть до Швеции и Норвегии может из любых источников «выкроить» суммы, необходимые для подкупа «своей» социал-демократической партийной и профсоюзной бюрократии и аристократической верхушки рабочего класса. Под живительным дождем этих сумм послевоенной Германии распустился пышным цветом трестовский социализм Зюдекумов, Нафтали, Барматов и т. п. с.-д. parvenu, капитал-социалистов и социал-капиталистов, осуществляющих в своем лице персональное сращение верхушки германской социал-демократии и желтых профсоюзов с трестовским капиталом. То же самое происходит и в Австрии, хотя и в более скромных масштабах [5]). Бауэр зажмуривает глаза на эти факты. Поэтому можно сказать, что никогда для защиты социал-империализма не было придумано более жалкой теории, чем та софистика, которой О. Бауэр блеснул на Брюссельском конгрессе. Выражаясь его же словами, мы можем сказать: «Никогда для обоснования скверного дела не была придумана более скверная теория».

Это не только скверная, но и жалкая теория. Ибо эта теория невозможности социал-империализма по существу имеет своим логическим бази-

[1]) H. Bauer, там же, стр. 309.

[2]) Напомним, что это слова Бауэра. *С. Н.*

[3]) G. Lütkens, Die Zahlungsbilanz der Vereinigten Staaten, «Gesellschaft» 1928, № 5, S. 437.

[4]) Там же.

[5]) См. об этом превосходную работу т. **Леонида** «Трестовский социализм», «Комм. Интерн.» за 1929 г., № 5, с точным указанием фирм, лиц, дат, сумм, фигурирующих в этом процессе сращения трестовского социализма с трестовским капиталом в Германии и Австрии.

сом каутскианскую теорию империализма и ультраимпериализма. Бауэры не с меньшим усердием, чем Каутский, пытаются уговорить империалистов такими каутскианскими аргументами, что империализм не представляет собой экономической необходимости, что колониальная политика экономически нецелесообразна и невыгодна, что современный капитализм может и должен обойтись без империализма и войн и стать мирно-организованным, пацифистским капитализмом: «Веку интернациональных картелей, мировых трестов, финансовых обществ, сверхконцентрации капитала соответствует запрещение войны... Рантье, наполнивший свой денежный сундук интернациональными бумагами, хочет мира и спокойствия» [1])... Но это вдобавок и подлая теория, ибо она утверждает ни больше, ни меньше, что ленинская теория империализма и социал-империализма помогает империалистической буржуазии представить свои интересы прибыли, как экономические интересы всей страны и рабочего класса: «Капиталистические рантье... везде ложно выдают, в п о л н е в д у х е л е н и н с к о г о у ч е н и я, свои собственные интересы за экономические интересы своей страны, от которой они требуют защиты своей собственности» (Разрядка наша. *С. Н.*). Конечный итог из всей этой галиматьи, что империалистические войны не только не неизбежны, но просто невероятны, и нам преподносится совет «взяться за борьбу с интернационально-картелированным и породнившимся капиталом, а не ждать и надеяться на его внутреннюю борьбу», т.-е. на империалистические войны [2]).

Методологическое ничтожество бауэровской теории невозможности социал-империализма бросается в глаза не меньше, чем ее грубая политическая тенденция, которая направлена на особо тонкую защиту социал-империализма его... невозможностью. Сложнейший вопрос о корнях социал-империалистической идеологии и политики Бауэры хотят разрешить бухгалтерской справкой о платежном балансе той или иной страны. Между тем, с точки зрения диалектико-материалистического, а не эконом-бухгалтерского понимания истории, очевидно, что вопрос о социал-империализме внутри рабочего движения каждой отдельной страны должен быть рассмотрен в аспекте мирового хозяйства, мировой политики и всемирного рабочего движения, и обязательно в исторической динамике.

Социал-империализм имеет за собой огромную историческую традицию—[3]/4 века в Англии, десятки лет—всю эпоху империализма—в остальных империалистических странах; он к началу XX века стал господствующим течением внутри рабочего движения Европы и Америки; он в годы империалистической войны увлек за собой и одурманил социал-патриотизмом трудящиеся массы и даже почти весь рабочий класс всего мира; он пока еще остается господствующим течением внутри рабочего движения всех капиталистических стран, хотя в послевоенную эпоху база социал-империализма в массах подмывается все более и более, благодаря целому ряду факторов, как-то: углубление противоречий империализма, ухудшение положения широких рабочих масс; огромные издержки военных конфликтов; потеря некоторыми державами их монопольных позиций на мировом рынке, отход колоний и т. д. [3]).

Социал-империализм является г о с п о д с т в у ю щ и м течением внутри г о с п о д с т в у ю щ и х, влиятельных партий II Интернационала (английской, французской, голландской). Социал-империализм как отражение германского неоимпериализма ожил и поднял голову внутри германской социал-демократии, которая до сих пор, как и германская буржуазия, была осуждена на пацифизм поневоле, а теперь занимается строительством броненосцев

[1]) H. B a u e r, там же, S. 400.
[2]) Там же.
[3]) Программа Коминтерна, Гиз, 1927 г., стр. 103 (разд. VI, I).

как будучи в правительстве, так и будучи в «оппозиции». Поэтому неудивительно, что социал-империалистические идеи господствующих партий становятся господствующими идеями внутри всех партий II Интернационала, в том числе и тех, у которых нет солидной, непосредственно-экономической базы для социал-империализма.

Взять, например, отечество Отто Бауэра. Конечно, микрореспублика австромарксизма не имеет колоний. У австромарксизма нет и другой солидной, непосредственно экономической базы для социал-империализма. Но австромарксизм живет в системе социал-империалистических партий; австромарксизм претендует на роль теоретического гегемона в социал-империалистическом Интернационале. Австромарксизм вобрал в свой синтез немецкий «марксизм» и английский лэйборизм с откровенной социал-империалистической идеологией и политикой. Поэтому неудивительно, что ученый секретарь интернационального социал-империализма—социал-пацифист О. Бауэр развел одну за другой целый ряд особо тонких социал-империалистических теорий: 1) на Марсельском конгрессе позаимствованную у Гильфердинга теорию пацифистского империализма (империализм проникнут пацифизмом для сохранения послевоенного status quo [1]); а на Брюссельском конгрессе целых четыре теории: 1) позаимствованную у Каутского и Гильфердинга теорию мирно организованного капитализма, 2) теорию невозможности социал-империализма, 3) теорию невозможности некапиталистической эволюции стран Востока и, наконец, 4) теорию невозможности даже капиталистической эволюции некультурных колоний без иностранной, т.-е. империалистической, опеки. Макдональд и К° занимаются непосредственно социал-империалистической и просто империалистской практикой; О. Бауэр и К° сочиняют социал-империалистические теории. Эти теории О. Буэра дают ему не меньше прав на почетный титул социал-империалиста, чем британские колонии — Макдональду. На вопрос — где «колонии» австромарксизма? — мы отвечаем: 5 социал-империалистических теорий О. Бауэра — вот его колонии!

Но так как австромарксизм облекает свои социал-империалистические теории в мнимо-«левую», лже-марксистскую фразеологию, он является особо опасным врагом пролетариата, более опасным, чем открытые сторонники разбойничьего социал-империализма. Идейная диктатура американской лакейской профбюрократии, в свою очередь, выражающей «идейную» диктатуру американского доллара, через посредство английского реформизма и его королевских социалистов из рабочей партии стала важнейшей составной частью теории и практики всей международной социал-демократии и лидеров Амстердамского Интернационала, при чем вожди германской и австрийской социал-демократии подкрашивают эти теории марксистской фразеологией» [2]). Этой посреднической роли австромарксизма не отрицают и оруженосцы О. Бауэра. Так небезызвестный З. Кунфи открыто писал, что колониальная резолюция Брюсселя «исторический документ величайшего значения», «благовест утешения и облегчения» для цветных пролетариев. «Придет время, и узнают, что этот зов и манифест конгресса займут свое место рядом с величайшими документами человеческой свободы. Действительный дух братства и равенства говорит в их словах. В Брюсселе возникла не чуждая миру сему утопия, а творение, в котором практический опыт великих колониальных народов, прежде всего британского, пропитан духом реалистического марксизма, благороднейшим пред-

---

[1]) O. Bauer, Der Kongress in Marseille, «Der Kampf», 1925, № 8/9.

[2]) Программа Коминтерна, стр. 97.

ставителем которого является О. Бауэр» [1]). (Разрядка наша. *С. Н.*). К этим признаниям одного из крупнейших соратников О. Бауэра — ныне покойного З. Кунфи—нам остается очень мало добавить. «Благородная» роль О. Бауэра как прислужника британского социал-империализма в первую голову засвидетельствована здесь виднейшим учеником австромарксистской школы. Практика является наивысшим критерием истины. Присмотримся к практике О. Бауэра.

* * *

За время, протекшее после Брюсселя, О. Бауэр дал ряд ярких доказательств своей действительной, подсобной и посреднической роли по отношению к социал-империализму и просто империализму.

Так, при ближайшем участии О. Бауэра выработан окончательный текст антисоветской военной программы германской социал-демократии, программы вооружения германского неоимпериализма и социал-фашизма. Это сделано, так сказать, во исполнение резолюции Брюсселя о разоружении [2]).

Во исполнение всей «программы Брюсселя» (манифеста, военной и колониальной резолюций) по докладу О. Бауэра, Исполкомом РСИ в Цюрихе была принята резолюция, в которой захват К.-В. ж. д. Чан Кай-ши изображается, как «столкновение русской и китайской революций», как совершенно законный, национально-освободительный акт китайской революции (?!) против иностранного империализма, в данном случае против «советского империализма» [3]). Не довольствуясь ролью агента европейского социал-империализма на Востоке, О. Бауэр берет на себя дополнительную роль агента Чан Кай-ши, который в свою очередь является агентом американского империализма в Китае. Исполняя роль субагента европейско-американского империализма и китайского национал-реформизма под маской супер арбитра русской и китайской революций, О. Бауэр призывал социалистические партии в случае острой опасности войны между Советским Союзом и Китаем «воспрепятствовать производству и транспорту оружия в обеих странах». О. Бауэр протестовал против преследования рабочих организаций в Манчжурии, но одновременно манифестировал «симпатии международного пролетариата (т.-е. II Интернационала) к китайскому правительству по случаю его борьбы за неограниченный суверенитет Китая».

Манифестированная в Брюсселе «защита» Советского Союза и китайской революции обнаружилась как защита агрессивных планов чанкайшистской реакции *и* против китайской революции *и* против Советского Союза.

В этом подлинный смысл восточной концепции О. Бауэра. Бауэровская философия истории Востока является логическим базисом контрреволюционной политики II Интернационала по отношению к Советскому Союзу и колониальному Востоку.

---

[1]) S. K., Die Bilanz von Brüssel, «A. Z.», 14/VII-28.

[2]) Ср. C. Herz, Der Magdeburger Parteitag, «Der Kampf» 1929, № 7.

[3]) Die Kriegsgefahr im Ferner Osten, «A. Z.», 2/VII-29. Разрядка автора. *С. Н.*

Католицизм на службе у фашизма.

Р. Новицкий.

Религиозные организации всегда составляли существенную часть организации эксплоататорских классов или находились у них на службе. Как всякий прислужник эксплоататоров, религиозные организации должны действовать приемами, согласованными с приемами, употребляемыми их господами для взнуздания или подавления трудящихся.

Как отметил в своем «Людвиге Фейербахе» Энгельс, «в средние века, по мере развития феодализма, оно (христианство) принимало вид соответствующей ему религии, с соответствующей феодальной иерархией. А, когда окрепла городская буржуазия, в противоположность феодальному католицизму развивалась ересь сначала у альбигойцев в Южной Франции в эпоху высшего расцвета тамошних городов» (стр. 59, Гиз, 1922 г.).

Лютеранская реформация превратилась в новую религию, и как раз в религию, пригодную для абсолютной монархии (Энгельс, предисловие к «Развитию социализма от утопии к науке»).

В эпоху промышленного капитала «каждый из господствующих классов эксплоатирует свою собственную религию: землевладельцы — католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию: либеральные и радикальные буржуа — рационализм» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

В ту эпоху капитализма, когда основным методом его политического господства в «передовых странах» был обман буржуазного демократизма, религиозные организации должны были, спрятав свои когти, принимать участие в обмане, используя «демократические методы», или уходить временно в архив орудий классовой борьбы. А так как, «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»), а демократические методы в национально об'единенных государствах несовместимы с космополитической феодальной иерархией католицизма, то католицизм стал играть ничтожную роль.

Послевоенный империализм, характеризующийся повсеместным стремлением господствующих классов к установлению открытой фашистской диктатуры и образованием единого фронта всех буржуазных государств против пролетарской революции и против главного ее очага — Советского Союза, — вновь вытащил из старого арсенала реакции заржавелое оружие католицизма.

* * *

Высшего расцвета своего могущества католицизм достиг в эпоху крестовых походов, когда папа римский был организатором вооруженных сил Европы, занимавшихся систематическим ограблением стран Востока, при чем не только мусульманских, но и христианских — целый ряд походов был посвящен всестороннему ограблению православной Византии, «еретиков» католиков юга Франции и многих средиземноморских городов, католическое население которых ни в какой форме не погрешало против католицизма. Что касается тыла, т. е. всей феодальной Европы, то забота о том, чтобы грабители не были в свою очередь ограблены их сородичами, лежала на

пахах же. Но эта забота свелась по преимуществу к тому, чтобы при экспроприации владений неудачливых «крестоносцев» папа получал львиную долю. Неудивительно, что в эпоху крестовых походов католицизм приобрел подавляющую часть своих земельных богатств. Неудивительно, что католическая церковная организация являлась богатейшим землевладельцем средневековой Европы.

Но землевладение не было единственным источником ее богатства. Кроме того, церковь получала особый вид нетрудового дохода, со всех католиков—«десятину». Впрочем, «десятина» взималась и с населения, к католицизму никакого отношения не имевшего, во всех странах, подпавших под власть папы, папского ордена или католического монарха. В этих случаях, католические патеры дополнительно сдирали еще с населения несколько шкур в формах «конфискации имущества неверных и еретиков» и всевозможных взяток с инаковерующих. Католицизм же играл и решающую роль в международной торговле в ту эпоху, когда основным товаром были ценности, награбленные в крестовых походах.

Наконец, католицизм, бывший в то время монополистом образованности и посредником во всех отношениях между «небом и землей», имевший в своем распоряжении все «райские места», перед смертью верующих занимался гнуснейшей продажей райских мест, при условии передачи умирающим церкви — той или иной доли его земных богатств.

Экономическая и политическая мощь католической церкви выросла на почве феодальных отношений и ею питалась. Это не исключало того, что католическая церковь, как единственная могущественная интернациональная организация, кристаллизовавшаяся в хаосе междоусобия, содействовала развитию торговли и внедрению товарных отношений в феодальную систему, прокладывая тем самым путь капитализму. Но по мере того, как капитализм развивался, и по мере обострения его борьбы с феодализмом, католическая церковь, тысячью нитей связанная с феодализмом, выступила на его защиту, как наиболее реакционная в мире сила, которая должна быть сломлена, чтобы расчистить путь новому способу производства. Развившийся капитализм, перестраивая разрозненный, страдавший от постоянных войн, феодальный мир в национальные государства, вместе с тем поставил вопрос об экспроприации церковных владений, уничтожении налога в пользу католической церкви (десятина) и об уничтожении идеологической монополии католической образованности.

Многочисленные кровавые «религиозные» войны повсеместно привели к большей или меньшей экспроприации католических земельных владений, отмене 10% дани, уничтожению католических пут на просвещении.

Во всей Северо-Западной Европе установились различные виды протестантизма,— лишенного международной организованности, а также политической и экономической силы.

Католицизм, как мировая организация, со своим великолепным аппаратом оказался не только излишним для нового, господствующего класса, но опасным, как верный союзник, а часто и основная сила феодальной реакции.

Не удивительно, что в эпоху расцвета капитализма католицизм был оттеснен на задворки и влачил жалкое существование — папское государство было уничтожено и запершийся в ватиканском дворце папа «сам себя об'явил узником». Папа и его «двор» стали предметом постоянных острот для бульварных газет — что-либо более жалкое, чем заносчивое фиглярство «заместителя апостола Петра на земле», было трудно представить.

Только на «черном дворе» капитализма, в колониях, католическое духовенство было в почете, получало богатые подачки,

Это было обусловлено тем, что католические патеры были: 1) наилучшими шпионами и проводниками политики захвата колоний, 2) были частенько той затравкой, которой империалисты доводили до отчаяния жителей отсталых стран. «Святые отцы» грабили, надували, шантажировали и издевались над убеждениями туземцев; когда же последние, доведенные до отчаяния, расправлялись с «батюшками» или выгоняли их, это являлось вполне достаточным предлогом для покорения и разграбления страны и превращения ее обитателей в бесправных рабов.

Католицизм, отодвинутый на задворки истории развитием капитализма, пытался в эпоху зарождения партии II Интернационала поднять голову, придя на помощь капитализму, когда ему стало угрожать рабочее движение. Для этой цели стали организовываться христианские профсоюзы, выдвинута была католическая программа «социальных реформ» и издана была в 1897 г. пресловутая энциклика папы Льва XIII «De rerum novarum». Но в то время капиталистическая система еще не была расшатана, ей еще не угрожала непосредственно пролетарская революция, и потому усиленный спрос на католицизм был еще делом будущего. Даже во время империалистической войны он еще играл жалкую роль.

Империалистическая война, в которой одни католические государства воевали с другими, католические патеры, с одной стороны, призывали беспощадно истреблять во имя бога и веры католиков другой страны, при чем в своем кровожадном рвении попы, например, Франции непосредственно участвовали в истреблении католиков Южной Германии и гордились этим (см. работу Langlois, Les prêtres et la guerre, 1919). Папская международная организация трещала по всем швам. Папа, сочувствовавший центральной коалиции, находился в Италии—стране, воевавшей с Германией и Австрией. Итальянское духовенство должно было призывать наперекор папе к истреблению его германских единоверцев и, что гораздо важнее, политических союзников...

Но война империалистическая перешла в войну гражданскую, возникла потребность в образовании единого фронта мирового капитала и его прислужников всех типов и оттенков, против надвинувшейся мировой революции.

В порядке консолидации всех контрреволюционных сил вспомнили про католицизм и отвели ему одно из самых почетных мест в ряду мировых борцов против пролетариата.

Католическая церковь стала содержанкой мирового капитализма в целом и не потому, что мировой капитализм стал особенно щедр после войны ко всякого рода паразитам, а потому, что капитализму, в настоящее время, такой же расчет тратить миллиарды на католическую организацию, как на жандармов и провокаторов.

Какие же причины этой чудесной метамарфозы?

Выявление их не представляет трудностей:

Как и всякая религиозная организация, католическая церковь готова служить всякой эксплоататорской власти, но при некоторых непременных условиях: 1) она остается международной организацией, политически более независимой от правительства отдельных стран, чем всякая другая церковь; 2) она получает, сравнительно с другими религиозными организациями, очень высокую плату; 3) она участвует во всех видах общественной и научной жизни, перекраивает науку так, чтобы ее выводы не противоречили «священному писанию» и «догматам святых отцов» и чтобы она не вскрывала корыстолюбивой политики церкви.

Почему современная фашистская буржуазия считает для себя выгодным и полезным взять на свое содержание именно католическую церковь.

Для фашизма характерен «зоологический» национальный шовинизм. Именно этим национальным шовинизмом он старается отравить классовое сознание трудящихся в каждой отдельной стране, но пролетарское классовое движение, против которого фашизм борется, по самому существу своему международно, и для более успешной борьбы с ним ему нужно противопоставить некую интернациональную организацию с интернациональной контрреволюционой идеологией. Для такой подсобной роли вполне подходит принципиально международный католицизм.

Так случилось, что католицизм, который был враждебен капитализму, когда он играл еще исторически прогрессивную роль, теперь, когда капитализм загнивает и умирает, стал его союзником.

Но, может быть, католицизм, исторические корни которого восходят к феодализму, ненадежный союзник современного загнивающего капитализма, может быть, он изменит ему, блокируясь с феодальной реакцией, с абсолютизмом?

Этого финансовый капитал не опасается вовсе — последняя империалистическая война перешла в войну гражданскую и последняя смела в Европе короны с подавляющего большинства коронованных голов, в союзе с которыми церковь могла бы блокироваться против империалистического финансового капитала. Уцелевшие же короны превратились в игрушки фашистской крупной буржуазии, игрушки совершенно безобидные.

Что касается последышей бывших феодалов землевладельцев-помещиков, то они давно капиталистически переродились.

Наконец, финансовому капиталу важен союз с католицизмом и потому, что под его влиянием находятся наиболее отсталые слои мелких собственников крестьян, на темноте которых до сих пор еще спекулируют патеры.

Чем дальше в той или другой стране зашла фашизация государства, тем большую материальную поддержку католицизму оказывает правительство. При этих условиях понятно, что католицизм в большинстве стран принимается активно, до вооруженной борьбы включительно, сражаться за фашизацию страны, самолично через свои организации создает и возглавляет фашистские банды, стараясь на их плечах подняться к власти.

Какова же судьба и политика соседних, близких к католицизму, христианских вероисповеданий?

В нынешнюю эпоху, когда религиозные организации, предоставленные самим себе, разлагаются и теряют свои «стада» — они без поддержки властей не могут существовать, а потому они беспрекословно выполняют их волю. Естественно, что все религиозные организации принимают самое живое участие в фашизации страны, но, не имея международного характера, разрозненные даже в рамках отдельной страны, они должны во всех международных выступлениях против коммунизма (а в этом теперь их основной социальный заказ) строго согласовывать свои действия с католицизмом. Чем теснее будет их связь с католической религиозной организацией, тем больше их организационные формы будут совпадать с католическими, тем, по мнению империалистов, сильнее получится эффект их антисоветских действий. Поэтому империалисты очень охотно заменили бы свои протестантские, сектантские, православные и еврейские вероисповедания на католицизм. Подобно тому, как обратную работу олютеранивания католицизма несколько сот лет перед тем проделали их предки в эпоху реформации.

Нужно отметить, что католическая церковь вопреки установившемуся мнению вовсе не строго придерживается своих догматов, вернее, имеет такой широчатый арсенал противоречивых догматов, что из них можно построить целую кучу самых разнородных религий. Мы должны, кстати, отметить, что еретики преследовались в свое время католической церковью, но фактически

не за измену религиозным догматам — все их догматы неоднократно высказывали и до и после них самые ортодоксальные «отцы церкви» — единственное, что вело их на костер — непризнание главенства папы, отказ платить дань католической церкви и стремление лишить ее земельных владений.

Маркс совершенно правильно указывал, что католицизм гораздо охотнее откажется от $^{9}/_{10}$ своих догматов, чем от $^{1}/_{100}$ доходов.

Вся история католицизма показывает, что ему довольно безразлична идейная и обрядовая сторона религии, если только она не отражается на сумме получаемых церковью доходов.

Она готова принять всех в свое лоно, если только они согласятся организационно подчиниться Ватикану, платить ему часть своих доходов.

Наиболее яркие примеры католической гибкости в вопросах догматов, это присоединение к католицизму стопроцентных «православных» схизматиков на востоке Польши и, особенно, «окатоличение» индейцев Северной Америки.

Даже нынешний мексиканский «католицизм» имеет очень мало общего с католицизмом римским. Основная масса населения в Мексике — индейцы, и католицизм, внедряясь в Мексику, должен был приспособить свое религиозное содержание и свою религиозную форму к местным верованиям. Вот что рассказывает известный путешественник Генри Берлейн («Мексика — страна смут», 1914 г.): «Для огромного большинства народа христианское учение сводится к словам San Jose и Marie Santissima. В северо-западной части Мексики миссионеры сумели внушить своей пастве жизнерадостное отношение к религии, и там до сих пор туземцы по ночам пляшут в церквах, вокруг христианских эмблем так же усердно, как прошлые поколения плясали вокруг своих богов» (стр. 17). «Та католическая религия, которая господствует по сей день в Мексике,— пишет Вольский («История мексиканских революций»), — является чем-то совершенно отличным от европейской католической религии. Это даже не католицизм, приспособленный к индейскому быту, а скорее древняя индейская религия, приспособленная к интересам католической церкви. Католические местные празднества приспособлены к традиционным индейским празднествам. Так, например, пасха празднуется довольно скромно, но зато престольные праздники в честь местного святого отличаются чрезвычайным великолепием.

Однако, если попы и правители не прочь произвести в политических целях любую профанацию религиозных верований, то они навряд ли решатся в настоящее время проводить коренную реформу религии, так как огонек веры настолько слаб, что затухнет при перенесении его из одной религии в другую.

Поэтому в большинстве стран капиталистам придется удовольствоваться политическим согласованием вероисповеданий империалистических стран. О том, что предполагают империалисты и попы делать с русским православием, скажем ниже.

* * *

В эпоху послевоенного загнивающего капитализма совершенно неизбежно усиление политической роли религий, проникновение их во все поры идеологической жизни. Посмотрим, каким образом шло это переключение религий, в особенности католицизма, из роли париев в роль идейных вождей в течение послевоенного десятилетия. Какую роль играет католицизм в настоящее время в синклите антипролетарских сил и империализма, на ряду с удушливыми газами, полицейскими дубинками, пушками сверхдредноутов, провокаторами, генералами капиталистическими и белогвардейскими, социал-демократическими вождями, антисоветскими фальшивомонетчиками и ворами обвиняемых судом из «принципиальных соображений» и просто фашистами?

Выясним особенности действия религий в третьем послевоенном периоде и влияние ее на соотношение классовых сил на мировой арене, а также влияние, которое оказывает и еще окажет политика католицизма на его собственные ряды.

Предварительно остановимся на том сравнительном удельном весе, который имеет в настоящую эпоху та или другая религия и который определяется целым рядом обстоятельств.

К внешним причинам, определяющим степень могущества той или иной религии, относятся особенности международного положения стран, в которых религия господствует — чем активнее на мировой арене империализма выступает страна, тем большую международную роль при прочих равных условиях играет ее религия. В силу этих причин наибольший удельный вес в капиталистическом мире играют в настоящую эпоху христианские религии — религии стран эксплоататоров земного шара — стран Европы и Северной Америки. Гораздо меньше значат магометанство, буддизм, конфуцианство, хотя число их последователей также достигает сотен миллионов человек.

О численности членов различных религий говорит прилагаемая таблица, заимствованная из The World Almanac and book of Facts, 1927 г.[1]):

	Северная Америка	Южная Америка	Европа	Азия	Африка	Океания	Всего
Католиков	37,0	36,0	184,0	5.5	2,0	9,0	273,5
Православных	1,2	1,0	100,0	17,5	3,0	0,1	121,8
Протестантов	66,0	0,4	90,0	7,0	2,5	5,0	170,9
Всего христиан	104,2	36,4	374,0	30,0	7.5	14,1	566,2
Иудеев	3,7	0,1	10,5	0,6	0,6	—	15,6
Магометан	—	—	4,0	140,0	45,0	30,0	219,0
Буддистов	—	—	0,1	135,0	—	—	135,1
Индуской	0,1	0,1	—	210,0	0,1	—	210,4
Конфуциан	0,1	—	—	300,0	—	1,0	301,1
Шинтоистов	—	—	—	20.0	—	0,5	20,5
Прочих	8,0	1,0	2,0	5.0	0,1	0,2	16,3

С другой стороны, та или иная религия тем сильнее, чем дальше зашла фашизация государства, поэтому наибольшей силой и политическим весом пользуются религии южной и восточной части капиталистической Европы. Значительную роль при определении политической роли религии и ее влияния на широкие слои населения обуславливается и степень многочисленности докапиталистических классов и слоев населения — крестьянства и мелких ремесленников.

Далее удельный вес религии зависит от характера ее организации — чем сплоченнее, дисциплинированнее религия, тем больший удельный вес она имеет.

При этих условиях совершенно бесспорно, что среди христианских религий наибольшим могуществом должна располагать в настоящее время католическая религия, — с ней не могут итти в сравнение ни православие (почти целиком оказавшееся на территории Советских республик), ни лютеранство, ни тем более национальное англиканство и другие религии — секты. Далее католицизм организован в мировом масштабе — папскою властью и расположен на территории стран южной и восточной части капиталистической Европы, дальше других пошедших по пути фашизма, при чем

---

[1]) Эти цифры, конечно, ни в какой степени не выражают действительной численности «верующих» католиков, магометан и т. д., подсчет чисто формален. В частности, все безбожники СССР причислены к лику православных христиан.

в этих же странах сохранилось многочисленное крестьянство, меньше, чем другие угнетенные классы, защищенное от религиозной заразы, больное религией до сих пор.

Поэтому не приходится удивляться, что должность старшего среди религиозных лакеев мирового империализма выпала именно на долю римского папы. Посмотрим, как этот процесс организационно оформлялся.

Итальянский фашизм начал с беспощадной борьбы с католицизмом. В «Popolo d'Italia» от 11 мая 1919 г. Муссолини писал: «Мы требуем изгнания католиков из государства, конфискации церковных имуществ. Религиозные общества должны быть лишены имущественных прав». Это было одно из проявлений демагогии фашистов до их прихода к власти. Потом все это резко изменилось.

Так, в 1926 г. Муссолини вспомнил, что он не успел еще вступить в церковный брак и с самым серьезным видом прослушал запоздавшую на 20 лет мессу, вместе с тем дуче вступил членом в католический светский орден.

Уже в 1928 году благочестивый «Curatulo» в La questiene romano di Cavour a Mussolini имел все основания утверждать, что «фашистская революция — революция духовная против старой идеологии, которая глумилась над святыми принципами религии, отечества и семейства, революция, восстановившая религиозные и моральные ценности».

А в феврале 1929 г. был заключен конкордат между Муссолини и Ватиканом, согласно которому папа превратился в самодержавного монарха, с собственной страной «Citta di Vaticano», с собственными почтовыми марками, уголовным кодексом, смертными казнями, армией, но без трамваев и автобусов, ибо, как не без остроумия заявил при ближайшей же «доброй» ссоре сам Муссолини: «в самом широком месте (новое государство) можно пересечь в пять минут нормальным шагом и обежать вокрут по границе в 10 минут».

Больше того, из своих нищенских средств фашистская Италия обязалась выплачивать папе ежегодно миллионную контрибуцию и единовременно заплатила ее за 60 предыдущих лет.

За такие богатые подачки Муссолини надеялся национализировать католицизм, но папа надул его и, поддерживая фашизм во всех его внутригосударственных мероприятиях; оставил свои руки развязанными на международной арене, иными словами, дал понять, что согласен быть настоящей содержанкой не захолустного итальянского империализма, а мирового финансового капитализма. Скрежеща зубами, Муссолини должен был примириться с фактом.

Почти все «передовые» капиталистические страны заключили с папой римским конкордаты, согласно которым неизменно увеличиваются в несколько раз государственные расходы на церковные католические организации, внедряются патеры в школы и предоставляются разные политические и экономические привилегии католицизму.

Зато патеры становятся постоянными платными шпионами правительств. Например, в Польше в присягу ксендзов на верность фашистскому государству включается такая обязанность: «Заботясь о благе и интересе государства, стараться отводить от него угрожающие ему опасности, про которые я узнал».

В Бельгии в 1912 г. в церковных школах обучалось 39% учащихся, а в 1916 г. — 49. Около 40% будущих учителей получают подготовку у иезуитов и других монашеских орденов.

Утроилось число учащихся в католических школах в Соединенных Штатах.

Удвоились расходы на католических попов и церковные организации по конкордату 1929 г. в Пруссии, в то время как постоянно сокращаются пособия по безработице. Жирные патеры, с благословения социал-демократических вождей, пожирают жалкие пособия безработных, обреченных на вымирание от недоедания.

В Италии римская полиция приступила к из'ятию из библиотек не только социалистической литературы (давно уже запрещенной в стране), но также и таких произведений, которые просто неугодны церковникам.

Запрещены к продаже произведения, М. Горького, Тургенева, Гоголя и Джека Лондона.

Развернутая программа католизации школ и быта получила свое выражение в «энциклике папы о христианском воспитании юношества» от 9 января 1930 г.

«Мораль принадлежит церкви полностью». «Церковь и семья образуют единый храм христианского воспитания». «Школа по природе своей есть дополнение и пополнение к воспитанию церковному и семейному». «Школа должна быть религиозной, она не может быть нейтральной и светской». «Религия должна быть истинным началом и концом (fondamento e coronamento) всего образования, на всех ступенях не только низшего, но среднего и высшего».

Основной лозунг «Azion catolica» — «католическое воспитание для католического юношества в католической школе». В учителя должны приниматься только те, кто «любит Иисуса Христа и его церковь». Необходимо чтобы церковь «направляла школу и господствовала над ней».

Зная, что буржуазная власть пойдет на все уступки попам, а семьи, особенно рабочие, будут всячески препятствовать церковникам, папа об'являет: «воспитание и образование — дело не личное, а общественное».

Отношения с фашистскими палачами у папы идеальные, — больше того, католические попы выступают обычно в роли не только рядовых фашистов, но настоящих фашистских вождей.

Религиозный орган католиков Венгрии, страны, плавающей в крови пролетариата и крестьянства, страны стопроцентной, ничем не прикрытой белогвардейщины, страны закрепившейся деникинщины, пишет: «Венгрия — единственное государство в мире, где церковь не ограблена. Неудивительно, что страна процветает».

Блаженный Curatulo в книге «La questlene romano di Cavour a Mussolini», вышедшей еще до конкордата, писал: «Благодаря добродетели Бенито Муссолини восстановлена в своей миссии католическая религия». Добродетель этой новой формы правления (фашистской), сияющей в Риме, состоит в том, что существует король великой Италии и наместник Христа на земле.

Католицизм показал свою полную солидарность с фашизмом на последних выборах в парламент, когда попы повсеместно, согласно директиве центрального органа, поддерживали фашистский список.

Католики Германии поддерживают теснейшую связь с фашизмом, католическая партия центра все больше становится главой фашизма. Католицизм Соединенных Штатов выделил из своих рядов фашистскую организацию «Орден Колумба».

Повсеместно происходит сращивание фашизма с, католицизмом.

Первое выступление католицизма на мировой арене произошло уже одновременно с образованием папского государства в Мексике.

Там, поддерживая нефтяных капиталистов Англии, католическая церковь на их средства организовала довольно серьезное восстание против мелкобуржуазного правительства.

Хотя правительство и смогло подавить это восстание, но все же принуждено было пойти на все уступки церкви, и политические и экономиче-

ские, и одновременно с тем фашистски переродилось. В Австралии само фашистское движение было основано патерами.

Для организации хеймвера в первую очередь использовали влияние католического духовенства на массы крестьянского населения Австрии. Наибольшим влиянием церковники пользуются в кулацких округах Тироля, откуда и пошла организация австрийских фашистов — хеймвер.

«Деньги на хеймвер, — как уличает теперь «Арбейтер Цейтунг», орган австромарксистов, — давали премьер министр Австрии, архиепископ и лидер христианских социалистов Зейпель, и генерал Вагуин, при чем давали их из сумм, ассигнованных на армию».

Что касается смежных католицизму религий, то замечается значительная тяга и паствы и самих инорелигиозных попов к слиянию с католицизмом.

Так еще в начале прошлого года румынский синод постановил праздновать пасху одновременно с католиками.

Идут долгие и упорные торги об условиях приобщения к «католическому единству» англиканской церкви.

Интересна та двойная политическая тактика, которой до последних дней пользовался католицизм.

В № 11, 1929 г., венский «Atheist» писал: «В передовых капиталистических странах католицизм держит как бы нейтралитет в классовой борьбе, в странах (фашистского) террора другая боевая тактика клерикалов, там имеются налицо теснейшая связь между фашистской государственной властью и политизированной церковью».

В особенности в Венгрии клерикалы играют руководящую роль в белом терроре.

В «демократических» странах (т.-е. в странах с сильным социал-фашизмом) клерикализм занимается мимикрией, разводит «романтические утопии религиозного социализма», гражданский мир между марксизмом и католическою церковью.

Социал-фашисты, готовые сотрудничать со всяким для приличия замаскированным фашизмом, идут этим тактическим маневрам навстречу.

Так в до сих пор непревзойденном труде «Katholicismus und Fachismus» 1927 г. почтенный социал-демократ Георг Бейер (Beyer G.) на протяжении 160 страниц доказывает, что военные и послевоенные потрясения должны видоизменить взаимоотношения между социал-демократией и католической церковью, так как капиталистический «маммонизм» одинаково противоречит и учению социал-демократов, и католицизму.

Почтенный социал-предатель напоминает всю ту борьбу, которую в течение столетий вел с католицизмом «либерализм» (как будто бы не лучшим, что вообще делала буржуазия в эпоху ее расцвета была ее беспощадная борьба с католическим кровожадным варварством).

Бейер «отмечает», что цели католицизма и с.-д. в основных пунктах совпадают, и хотя, конечно, существуют непримиримые расхождения, в том числе различные исходные пункты религии и социализма, но на данном этапе вполне целесообразно сотрудничество и т. д.

В рассуждениях Бейера есть много справедливого, но толкование его нам кажется слишком «распространительным».

Мы не стали бы возражать, если бы он сказал следующее:

В происхождении нашем (социал-демократических вождей) и католических патеров имеются непримиримые противоречия: мы — выродки великого марксистского движения, а нынешние патеры—достойные потомки кровожадной инквизиции и католического изуверства.

Однако в настоящее время и мы (социал-фашистские вожди), и патеры, платные лакеи мирового империализма, но католические патеры лакеи более важные и более дорого оплачиваемые, поэтому, служа одному господину, мы

должны забыть старые счеты, так как ничего общего между нами и революционными марксистами нет. Мы должны об'единиться, должны совместно в интересах капитала надувать рабочий класс. Мы, как лакеи менее почтенные, обращаемся первыми и покорно просим у патеров позволения облобызать их руку, на которой густо налипла кровь не только современного пролетариата, но и многих лучших людей последнего тысячелетия.

9 февраля 1930 года папа выступил с ставшим знаменитым письмом, в котором описывает «преступления против бога и души в СССР».

Папа впервые не только не скрывает, но всячески выпячивает прошлую антисоветскую деятельность Ватикана, отмечает, что еще перед Генуэзской конференцией он требовал, чтобы капиталистические страны не вступали ни в какие сношения с Советским Союзом.

Папа призывает все христианские религиозные организации проводить одновременно во всех частях света антисоветские молебствия, он призывает к «крестовому походу молитв», говоря общечеловеческим языком, к массовым антисоветским митингам под руководством церковников.

Папа не дает в письме указаний, как «крестовый поход молитв» должен превратиться в крестовый поход танков, удушливых газов, виселец (как и всякий военный план, он не подлежит опубликованию, да и разработкой его занимаются не попы, а военные штабы и дипломаты). Папа только заверяет, что «чудесное провидение в момент, для того предназначенный, найдет все необходимые средства для исправления зла». Это значит: готовьте войну («все необходимые средства»), и мы ее заранее благословляем, как дело «чудесного провидения».

Минимум, которого немедленно требует папа — дипломатическое вмешательство капиталистических правительств во внутренние дела СССР, с одновременным разрывом экономических сношений — и положение, наиболее удобное для перехода к вооруженным действиям, которые и являются фактически основной целью папского выступления.

Папское выступление было сигналом для чрезвычайного усиления травли Советского Союза со стороны попов различных вероисповеданий, а также для всей капиталистической своры.

Что истинная причина бешеного крестового похода, возглавляемого папой, ничего общего не имела с защитой якобы гонимой в СССР православной церкви, что истинная причина этого похода — необходимость усилить и устроить интервенцию в страну диктатуры пролетариата, где успешно осуществляется «пятилетка», где приступили уже к сплошной коллективизации крестьянского хозяйства и к ликвидации кулачества как класса, достаточно было раз'яснено революционной и не заинтересованной в интервенции печатью. Не в первый раз буржуазия, которая в годы своей юности и своего расцвета, сама была безбожной в минуты, когда ей угрожал красный призрак пролетарской революции, искала спасения в религии.

Энгельс в «Предисловии» к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» писал: «Когда (в 1848 году. *Р. Н.)* рабочие Франции прониклись духом мятежа... что же оставалось делать немецкой и французской буржуазии для своего спасения, как не выбросить втихомолку свое свободомыслие, совсем наподобие развязного франта, который, когда его все более и более начинает одолевать морская болезнь, бросает дымящуюся сигару, которой он раньше хвастливо щеголял у борта корабля. Один за другим былые насмешники стали превращаться в весьма благочестивые создания. Французские буржуа стали отказываться по пятницам от мяса, а немецкие терпеливо потели на своих церковных сидениях, выслушивая до конца бесконечные протестантские проповеди. Последним и единственным средством спасения общества от полной гибели стал лозунг: «религия должна быть поддержана в народе»».

Но миновала опасность пролетарской революции, и буржуа понемножку вернули свое «свободомыслие» и играли в него до эпохи мировых пролетарских революций, когда отказались от него окончательно.

* * *

Основной задачей папского выступления было переключение остатков веры трудящихся капиталистических стран в ненависть к стране пролетарской диктатуры, а так как до сих пор значительный процент не только крестьян, но и рабочих числится в рядах религиозных организаций, мировой империализм рассчитывал двинуть их под видом «защиты религии» против Советского Союза, или во всяком случае преодолеть их единодушное нежелание собственными руками поработить для капитала своих братьев, трудящихся Советского Союза.

Паписты, выполняя социальный заказ международного империализма и фашизма, знали, что они многим рискуют, что они рискуют разоблачить себя перед массами в тех не окончательно еще фашизированных «демократических» странах, где они до недавнего времени лицемерно выступали, как «нейтральная» сила в борьбе между капиталом и трудом. Они знали, что выступление папы римского может отколоть от католицизма значительную часть находившихся под влиянием патеров рабочих и крестьян Центральной Европы. Поэтому, рискуя выпустить из рук синицу, Ватикан рассчитывал, по крайней мере, на журавля в небе — этим журавлем явилось обещание обратить «Россию» в католичество, обещание, которое безусловно получил папа от своих империалистических хозяев и которым он несколько раз козырял в своем пресловутом письме.

Но перспектива «католизации России» сильно перепугала русских попов, великолепно понимающих, что католицизм не постесняется применить для этого обращения все свои излюбленные методы. К тому же православным попам на месте виднее, так как они знают Советский Союз не только по уткам, изготовляемым на белогвардейско-шпионской кухне, они видят на месте всю трудность в настоящее время для империалистов бороться со страной пролетарской диктатуры.

Поэтому руководители тихоновской организации, т.-е. наиболее многочисленной и одной из наиболее реакционных религиозных организаций православия, резко выступили против папы.

Козырнув окатоличением России, папа попал в глупое положение, так как протест тихоновцев и других религиозников разоблачил его выступления, как исключительно империалистическую авантюру, с целью вызвать войну для подавления пролетарской диктатуры и насильно навязать католицизм полуторастамиллионной массе людей. Но наиболее сильный удар папство получило со стороны тех трудящихся масс Центральной Европы, которые до сих пор находились под влиянием патеров, широко пользовавшихся либеральными фразами.

Кампания папских антисоветских митингов в ряде стран переросла в митинги антипапские.

Пролетарии Европы и Америки, как числящиеся в религиозных организациях, так и к ним не принадлежащие, дружно выступили против церковников.

Пролетариат повсеместно провел демонстрации, повсеместно прошли кампании разоблачения религиозных организаций, а в особенности католических, в ряде мест горе-интервенты должны были обратиться к полиции с просьбой организовать специальную охрану церковных зданий от народного гнева, среди молящихся раздавались протесты против антисоветской травли, в некоторых церквах священники, боясь остаться без паствы, выступили против папы и, что самое важное, значительно усилился процесс выхода из религиозных организаций.

Но, кроме всего прочего, папское выступление сильно скомпрометировало саму идею интервенции — попытка превратить выступление церковников в генеральную репетицию подготовки к войне — воочию показало рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции, какой реакционнейшей из реакционных сил является нынешняя империалистическая шайка.

Выступление глушителя науки, свободы и в первую очередь свободы религии — католицизма — против Советского Союза и единодушная поддержка его всеми интервентами не укрепили, а ослабили мировую интервенцию.

Крестовый поход,—эта репетиция к интервенции, — потерпел неудачу.

Это понял даже «Times», как полагается твердолобым, с большим опозданием.

Гнусное письмо папы было опубликовано в нем одновременно с опубликованием в «Osservator Romano», что показывает тесную связь твердолобых с их ватиканскими прислужниками. В дальнейшем «Times» аккуратно помещал сводки антисоветского церковного похода (тоже параллельно с «Osservator»), но уже в марте, когда твердолобые поняли, что союз с папством их компрометирует, тот же «Times» писал: «Сведения, циркулирующие о жестоких религиозных гонениях в СССР, документально не подтверждаются... Да и на папе лежит ответственность за ряд религиозных преследований». Иными словами, католицизм—слишком хорошо известный палач других религий, чтобы выступать глашатаем свободы совести. Когда папа затеял свой «крестовый поход», его поддержала в числе прочих лакеев капитализма и социал-демократия. Когда ее выступление **вместе** с папой потерпело неудачу, она выразила готовность выступить **вместо** папы...

Так в передовице «Vorwärts», от 14 февраля, известный меньшевик Гарви, вполне подтверждая мнение «Times'а» о непригодности папы возглавлять кампанию в защиту «свободы совести», предлагает на эту работу услуги... мирового меньшевизма.

«Die Initiative der Protestbevegung genen das neue Mittelalter in Osten eher dem internationalen Socialismus als dem Katholizismus gehören sollte», т. к. «die kämpfende Socialdemokratie wird freilich andere Wege und Mittel finden um die breitesten Arbeitermassen unter ihren eigenen Fahnen zum Protest gegen das bolshewistiche Terrorregiment zu mobilisieren» Далее Гарви показывает товар лицом, доказывает, почему меньшевики больше, чем паписты, способны большевиков moralisch und politisch zu isolieren.

Господа меньшевики думают, что «моральный» авторитет предателей революции выше стоит, чем моральный авторитет истинных врагов революции. Мы не станем с ними спорить на эту тему. Мы призываем массы всех германских рабочих, еще находящихся в рядах социал-демократии, внимательно вчитаться в эту передовицу центрального с.-д. органа, в которой социал-демократия вступает в контрреволюционное соревнование с папством, и сделать отсюда соответствующие выводы.

Возвращаясь к нашей теме, мы в заключение скажем. Умирающий капитализм в XX веке для своего спасения вытащил из арсенала духовное оружие, выкованное в мрачные века средневековья. Оно оказалось устарелым и недействительным. Молитвы римского папы не укрепили, а ослабили дело подготовляющейся интервенции.

Это худое предзнаменование для фашистской буржуазии, готовящейся развязать оружие контрреволюционной войны. Оно говорит за то, что «чудесное провидение, в момент, для того назначенный, уже **не** найдет необходимых средств для исправления зла».

К методологии истории крестьянских движений в докапиталистическую эпоху[1].

С. Томсинский.

I.

История крестьянских движений так своеобразна, что она нуждается в разрешении ряда методологических вопросов. В первую очередь историка интересует вопрос о характере крестьянских движений.

В марксистской исторической науке установилась традиция не проводить разницы между крестьянской войной, революцией и восстанием. Обычно, любое движение совершенно произвольно причисляется к одному из этих типов. Между тем точное определение характера движения является решающим для ряда важных теоретических и практических выводов.

Ленин в своих работах проводит четкую грань между международной войной, революцией и восстанием. Революционная война, вытекающая из классовой борьбы, по его мнению, отличается от других войн тем, что:

1) она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом [2]).

2) войны международные всегда кончались сделками между имущими классами, и только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса [3]).

3) гражданская война отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся—в силу переходов из одного лагеря в другой [4]).

4) подавление революции есть высочайшая гражданская война, война против целого народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, при чем разоряет она не чужую, а собственную страну [5]).

5) революция отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимают участие в десять, в сто раз больше людей, и в этом отношении каждая революция обозначает жертвы не только для личности, но и для целого класса [6]).

---

[1]) В порядке обсуждения. Ред.
[2]) Т. VI, стр. 542.
[3]) Т. XVI, стр. 220.
[4]) Т. VII, ч. 1, стр. 236.
[5]) Т. VII, ч. 1, стр. 77
[6]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 329.

Ленин показывает, когда и при каких условиях классовая борьба перерастает в гражданскую войну. Он считает гражданскую войну наиболее острой формой классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращений этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса [1]), противоположность между которыми создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно между буржуазией и пролетариатом [1]). Гражданская война во всяком классовом обществе представляет естественное, при известных обстоятельствах неизбежное, продолжение, развитие и обострение классовой борьбы [2]). В другом месте он пишет: «Классовая борьба перерастает в войну в известные периоды экономических и политических кризисов» [3]). Революция—тоже война, гражданская война, война более разрушительная и ужасная [4]), а диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии [5]).

Классовая борьба, принимающая различные формы бунтов, восстаний, революций, является войной.

Революционное движение, таким образом, может перерасти в гражданскую войну. Войной является любое революционное движение. Поэтому одно причисление крестьянского движения к категории войны смазывает характер борьбы, так как и стачка, и восстание, и революция являются войнами, а каждый из этих этапов классовой войны связан с определенным соотношением классовых сил, которое складывается по-разному в зависимости от многих сложных причин.

Энгельс считает крестьянское движение в Германии в начале XVII века войной. Это название было бы крайне расплывчато, если бы Энгельс не определил бы это движение, как раннюю буржуазную революцию [6]). Маркс и Ленин неоднократно оперируют термином «крестьянская война», но они это делают в определенной связи с анализом ряда революций.

Таким образом такие установившеся определения, как «крестьянская война», недостаточны для понимания характера движения и особенности классовой борьбы на определенном этапе исторического развития.

Посмотрим, можно ли крупнейшие крестьянские восстания в России (смута, разинщина и пр.) причислить к категории восстаний.

С первого взгляда кажется, что революция у Энгельса тождественна восстанию. В «Анти-Дюринге» (стр. 380) Энгельс считает Великую Французскую революцию третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозную мантию, и также первым восстанием, которое действительно было проведено до конца.

На деле Маркс и Энгельс проводят резкую грань между этими определениями. Маркс первый пришел к тому важному выводу, что революция является продуктом противоречия между производительными силами и производственными отношениями на известной ступени их развития. Он неоднократно подчеркивал, что общественные кризисы прорываются в

[1]) Т. XIV, ч. 2, стр. 114.
[2]) Т. XIX, стр. 324
[3]) Т. VII, ч. 2, стр. 82.
[4]) Т. VI, стр. 457.
[5]) Т. XVII, стр. 117.
[6]) Надо думать, что, борясь со взглядом Лассаля на характер крестьянских движений XVI в. в Германии, Энгельс заострил вопрос.

революциях. Маркс и Энгельс впервые создали и систематизировали науку о революции, тщательно классифицировали типы революций и выяснили роль в них разных общественных классов.

Основные признаки революции Маркс видел в прекращении существования старого общества, в уничтожении старой власти и в прекращении старых общественных отношений.

Революции, а не восстания, являются у основоположников научного социализма вехами, отделяющими одну общественную формацию от другой. В своих исторических работах они показали соотношение между революцией и восстанием.

Каждая революция начинается с восстания: так, например, испанская война за независимость началась народным восстанием против камарильи, равным образом гражданская война в XV веке началась восстанием против камарильи, олицетворением которой являлся маркиз де-Веллепа, и революция 1854 г. также началась восстанием против камарильи, нашедшей свое воплощение в лице графа Сан-Луи [1]) и т. д.

Маркс и Энгельс указывают, каким образом перерастала в революцию борьба, которая началась с разрушения машин и через коалиции, через отдельные нападения на личность и собственность фабрикантов, через более или менее крупные восстания, через инсурекции 1839 и 1842 гг. и т. д.

Ленин тщательно разработал вопрос о перерастании восстания в революцию; само восстание складывается из ряда последовательных этапов: из бунтов, демонстраций, уличных сражений, из организующихся отрядов революционной армии [2]). Вооруженное восстание является высшей, по направлению революционной энергии и по наступательному характеру, формой борьбы масс. Низший этап революции перерастает в высший в зависимости от целого ряда обстоятельств. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, а восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию [3]). Воюя с оппортунизмом, Ленин раз'яснял Мартынову, что «не следует смешивать восстание с народной революцией» [4]). Ленин четко расчленяет составные части революции, которые связаны с особыми этапами и формами классовой борьбы. Он отличает вспышки от демонстраций и частичных протестов и и частичных восстаний, стачку-демонстрации от стачки-восстания, частичные массовые проявления протеста от общего и всероссийского выступления [5]).

В феодально-крепостную эпоху, когда еще не было мирового рынка, локальные кризисы были обычным явлением. Локальный кризис вызывал только восстание. Местный кризис вызывался ослаблением или прорывом звена в общей социально-экономической цепи: кризисом местных отраслей производства, неурожаем, политическим нажимом на население определенного района и т. д. Такими местными кризисами были вызваны: Лионское восстание бунты горнозаводских рабочих, восстания 1774 — 1775 гг. во Франции против новых налогов и таксирования хлеба, восстание в 1767 г. в Неаполе и т. д.

Совершенно правильно замечает Ленин, что революция невозможна без общенационального (затрагивающего эксплоатируемых и эксплоататоров) кризиса; при неблагоприятных обстоятельствах (при отсутствии компартии, правильного революционного руководства) всеобщий кризис может прорваться в одном и нескольких восстаниях, которые не перерастают в революцию.

---

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, стр. 472.
[2]) Ленин, т. VI, стр. 267—268.
[3]) Т. IV, стр. 15.
[4]) Т. VI, стр. 77.
[5]) Т. VII, ч. 2, стр. 56.

Революция является весьма сложным волнообразным процессом, отличающимся многообразными формами и этапами борьбы. Ленин устанавливает следующие этапы революции 1905 — 1907 гг.: экономические стачки рабочих (1896—1900), политические демонстрации рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов, 1902),—летние стачки 1903, 9-е января 1905, всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы и вооруженное восстание (1905, декабрь), парламентская борьба (апрель—июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905—июль 1906) крестьянские частичные восстания (осень 1905—осень 1906 года) [1]).

Для того, чтобы перерасти в революцию восстание должно опираться— 1) на передовой класс, 2) на революционный под'ем, 3) на революционное руководство, 4) на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых нерешительных друзей революции [2]).

Гегемоном наших революций был пролетариат. С точки зрения выступления пролетариата у Ленина получается следующая периодизация революции: «Революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9 января, революция одержала первую победу, когда пролетариат всех народов России встал, как один человек, и встряхнул царский трон, от которого такие неисчислимые бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов. Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся еще раз и поведут за собой и крестьянство!».

В период наивысшего под'ема революции применяются другие методы, чем в период затишья. Ленин перечисляет существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы, осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти [3]). Ленин указывает, что, когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «масса» становится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплоатируемых [4]).

В наших крупных крестьянских движениях феодально-крепостнической эпохи участвовали десятки и даже сотни тысяч крестьян, составлявших большинство населения не только одного района, но всей страны. Ленин берет в качестве примера португальскую и турецкую революции XX века, которые он считает буржуазными, но не народными, ибо «масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той ни в другой революции заметно не выступают». Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 гг., хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительно народной» революцией, ибо масса народа, большинство народа, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплоатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток

[1]) Т. VII, ч. 2, стр. 78.
[2]) Т. XIV, ч. 2, стр. 136.
[3]) Т. XVII, стр. 357.
[4]) Т. XVIII, ч. 1.

своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого [1]). С таким же основанием следует считать народными революциями крестьянские движения, в которых участвовали самые глубокие низы, задавленные помещичьим гнетом.

Итак, не следует считать восстаниями наши крупные крестьянские движения (хмельничина, смута, разинщина, пугачевщина). Восстания составляют этап революции, проще по размаху, менее сложны по расстановке классовых сил. Крупные крестьянские движения больше общего имеют с революцией, чем с восстаниями: размах, темп движений, ряд сложных этапов борьбы, сложный переплет различных национальных и классовых групп, различная роль и тактика разных классов и групп на определенных этапах борьбы, количество масс, вовлеченных в борьбу, перерастание движения из одной формы в другую и пр. — все эти обстоятельства поднимают крупные крестьянские движения на высоту крестьянской революции.

Если мы поставим знак равенства между крестьянской революцией и крупным восстанием, то смажем разницу между разного рода движениями, происходившими в течение веков, принизим значение крупнейших движений, которые являются вехами исторического развития.

Для того, чтобы определить характер крестьянской революции, следует выяснить, что Ленин понимал под крестьянской революцией. Ленин не ограничивается изложением голой схемы буржуазных революций. Он переходит к изучению конкретного характера российской революции и детальному выяснению в ней роли крестьянства. Он приходит к выводу, что крестьянская «революция есть в настоящее время буржуазная революция,—как бы ни оскорбляли эти слова сантиметальное ухо сантиментальных рыцарей мещанского социализма [2]).

Основоположники научного социализма считали, что «великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морями могут спасти себя от патриархально-феодального варварства лишь путем аграрной революции, которая превратила бы крепостных или тяглых в свободных землевладельцев, — революции, совершенно подобно той, что произошла в 1789 году во французской деревне [3]) (разрядка моя. *С. Т.*). Эти положения были полностью развиты Лениным.

При каких условиях крестьянская революция является буржуазной революцией? Ленин дает на это четкий недвусмысленный ответ: «всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция (Разрядка моя. *С. Т.*). Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была буржуазная революция, а вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы

[1]) Т. XIV, стр. 372.
[2]) Т. VII, ч. 1, стр. 44.
[3]) Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции, стр. 155—156.

буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие: «буржуазная революция» содержит известные наложения, обязательства, применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитлизма: но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна [1]).

Итак, крестьянская революция является буржуазной революцией при капиталистическом характере всего общественного строя.

В другом месте Ленин пишет: «Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т.-е. капиталистического, общественно-экономического строя».

Совершенно не научной является попытка некоторых исследователей крестьянского движения считать буржуазными революциями и те крестьянские движения, которые происходили в то время, когда еще не было буржуазных, капиталистических отношений. В феодально-крепостническую общественную формацию и даже в эпоху первоначального капиталистического накопления, когда еще преобладают докапиталистические общественные отношения, крупные крестьянские восстания остаются крестьянскими революциями и не перерастают в буржуазные революции. Крестьянские революции в России в докапиталистическую эпоху не перерастали в буржуазные революции, несмотря на то, что борьба крестьян была направлена против феодализма и крепостничества. Противоположная точка зрения смазывает грани между событиями, совершающимися в различные общественные эпохи при разных исторических условиях.

Чем характеризуются крестьянские революции? В чем состоит их отличительная черта? Почему они не перерастают в буржуазную революцию? Энгельс в «Анти-Дюринге [2]) отмечает «довольно странный факт: во всех трех великих буржуазных революциях крестьяне доставляют армии для битв, и они же являются тем именно классом, который после одержанной победы неизбежно приходит к гибели, вследствие экономических результатов этой победы».

Энгельс в своей статье «Бакунисты за работой» главным злом крестьянской войны в Германии считает «раздробление, раз'единение революционных сил, позволяющее одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим». Маркс и Энгельс неоднократно обращали внимание на национальную и локальную ограниченность крестьяских движений [3]).

Они указывали, что «движение крестьян, которые повсюду являются носителями национальной и локальной ограниченности, необходимо принимает

[1]) Т. IX, стр. 554—555.
[2]) Стр. 377.
[3]) Маркс и Энгельс в эпоху неемцкой революции, стр. 247.

локальный и национальный характер». Поражение Энгельс даже считает неизбежным злом крестьянской войны [1]). «Великие восстания средневековья исходили все из деревни, но, в виду раздробленности крестьян и, связанной с этим, грубости их, они тоже оставались совершенно безрезультатными» (Маркс и Энгельс о Фейербахе). Энгельс в письме к Бернштейну в 1882 году указал, что крестьянское движение в Ирландии никогда не сможет принять общей формы политической борьбы (разрядка Энгельса), так как оно по своей природе локально и раздроблено. Поразительная черта восстания состояла в том, что массы не уходили дальше своей околицы. Крестьяне пытались освободить только свои родные места [2]).

Ленин замечательным образом вскрыл слабости крестьянских движений, которые не в состоянии самостоятельно без помощи другого класса перерасти в революцию. Он указал, что 1) в крестьянском движении масса темноты, бессознательности, 2) темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения,—в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю [3]), 3) крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе [4]), 4) не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,—но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги [5]).

Крестьянские революции не могут самостоятельно перерасти без помощи буржуазии или пролетариата в буржуазную, буржуазно-демократическую или социалистическую революции: 1) товарное производство не об'единяет и не централизует крестьянства, а разлагает и раз'единяет его, крестьянская революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата [6]), 2) простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата [7]), 3) без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции [8]), а крестьянство не в силах само до конца совершить политический переворот. Оно не имеет достаточных сил для совершения переворота. Крестьянство не в силах сознательно провести революцию, организовать ее, централизовать все революционные силы и энергично использовать революционную ситуацию.

---

[1]) Статьи 1871—1875 гг., 1919 г., стр. 207.

[2]) Б. Тихомиров в недавно вышедшей работе о разинщине (1930 г., стр. 18) заявляет, что на вопросе о локальном характере крестьянских движений «отразились особенно значительно старые представления в работе Меерсона и Томсинского». Эти «старые» представления мною, как видно, взяты у Маркса и Ленина. Фактический материал Тихомирова опровергает его же собственные выводы.

[3]) Т. VI, стр. 116—117.

[4]) Т. XI, ч. 1, стр. 116.

[5]) Там же.

[6]) Т. IX, стр. 550.

[7]) Т. XIV, ч. 2, стр. 25.

[8]) Т. VII, ч. 1, стр. 157.

Возражая меньшевикам, Ленин указывал, что «не бывать в России буржуазной революции, пока пролетариат в союзе с революционными элементами буржуазии (т.-е. у нас с крестьянством) не станет самостоятельной движущей силой вопреки колебаниям и изменам шаткой и контрреволюционной буржуазии» [1]). А Маркс говорил о необходимости сочетания революции пролетариата с революционно-демократическим движением крестьянства. «Все дело в Германии,—писал он,—будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-нибудь вторым изданием крестьянской войны».

Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть без малейшего из'ятия формами или сторонами общественной деятельности и должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою [2]). Крестьянство без помощи другого класса опять-таки на это не способно. В российских условиях «без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто [3]).

Революционная армия и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского сознания такого развитого [4]), что было бы ошибкой ждать его выполнения от крестьянства. «Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса [5]), но крестьянский авангард для этого не созрел.

Если вожди некоторым образом персонифицируют революции, то между буржуазной и крестьянской революцией такая же разница, какая имеется между Робеспьером и неграмотным раскольником Пугачевым, между Кромвелем и Разиным. В лучшем случае крестьянская революция эпохи разложения феодально-крепостного хозяйства могла выдвинуть только такого вождя, как Бакунин. Вооружение повстанцев является не последним фактором для того, чтобы судить о причинах поражения крестьянских движений: между крестьянской революцией, возглавленной буржуазией или пролетариатом (т.-е. между буржуазной, буржуазно-демократической революцией) и крестьянской революцией, не возглавленной другим классом, такая же разница, какая существует между огнестрельным оружием, баррикадным боем, военным строем по правилам науки и классическим дрекольем, дубинкой, рогатиной, копьем и партизанскими стычками крестьянских отрядов [6]).

Итак, крестьянская революция в докапиталистическую эпоху — такая революция, в которой гегемоном и движущей силой является только крестьянство, а остальные группы или классы (крепостной рабочий, городская буржуазия) играют подчиненную роль; «узкие места» гигантских крестьянских движений (распыленность, раздробленность мелких производителей, отсутствие революционного руководства с ясной политической программой и т. д.) парализуют необычайный размах борьбы и не создают предпосылок для пере-

---

[1]) Т. XI, ч. 1, стр. 247.
[2]) Т. XVII, стр. 181.
[3]) Т. XI, ч. 1, стр. 81.
[4]) Т. VI, стр. 269.
[5]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 9.
[6]) Когда французы, под предводительством Бонапарта, в 1798 г. захотели завоевать Египет, над страною Нила господствовала военная каста — мамелюки. Они сражались на конях, носили кольчугу и шлем, были вооружены карабином и парой пистолетов. Несмотря на их огнестрельное оружие, их можно обозначить как рыцарей, а Наполеон говорит, что двое их справятся с тремя французами, но, что 100 французам нечего бояться 100 мамелюков, 300 французов сильнее такого же количества мамелюков, а 1.000 французов наверняка разобьет 1.500 мамелюков (Г. Дельбрюк, История военного искусства, 1930 г., стр. 132). Слова Наполеона о мамелюках полностью приложимы к нашим крестьянам.

растания движений в буржуазную революцию. Благодаря этим особенностям, крестьянские революции без помощи другого класса распылялись и превращались в жакерии, т.-е. в беспомощные партизанские стычки [1]). По мнению Ленина, аграрная революция останется крестьянским бунтом, если «власть не будет завоевана революционным народом».

Ряд крестьянских движений причисляется к жакериям. Жакерий—это взрыв отчаяния (Каутский), бессмысленные вспышки, показатели неорганизованных и локальных движений отдельных групп крестьянства, одиноких в тяжелой неравной борьбе. Россия почти не знает жакерий, так как наши крестьянские движения носили массовый характер и почти всегда возглавлялись какой-либо передовой группой (казачеством, крепостными горнорабочими, польско-русской шляхтой и т. д.).

Крестьянские революции не могли перерасти в буржуазные революции, потому что крестьянство было (и является) «классом в себе» и не стало и не могло стать «классом для себя».

В «18 брюмера» Маркс пишет: «Парцеллярные, карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга. Каждая крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает, таким образом, свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом, рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень—департамент. Таким образом наибольшая часть французской нации составляется путем простого сложения одноименных величин, в роде того, как мешок картофеля—из отдельных картофелин. Поскольку миллионы людей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тождественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального об'единения, никакой политической организации, они не образуют класса». Поэтому Маркс приходит к выводу, что крестьянство не способно защищать свои классовые интересы от своего собственного имени и не может представлять себя, его должны представлять другие. Энгельс отмечает, что русское крестьянство целые века стояло в стороне от исторического развития, тупо влача из поколения в поколение чисто-растительное внеисторическое существование.

«Классом в себе» или классом неконституированным является тот класс, в котором нет еще сознания своих классовых интересов и нет организации, об'единяющей его в сплоченную социальную силу. Прав Оранский, опровергающий мнение буржуазных социологов в том, что неконституированный класс не может иметь никакого влияния в общественной жизни, но он совершенно неправ в том, что в «дифференциации была одна из причин поражения крестьянства в эпоху разложения феодализма и зарождения капитализма» [2]). Нет основания думать, что кулацкая часть крестьянства поддерживала помещиков. Одна из причин поражения крестьянства была именно в его относи-

[1]) Следует оговорить, что окончательно вопрос решается в зависимости от учета конкретной обстановки: так, например, хмельничина, благодаря крупной роли в ней городской буржуазии, ремесленников и свободного крестьянства, перерастала в буржуазную революцию, но была разгромлена благодаря неблагоприятной международной обстановке.

[2]) Основные вопросы марксистской социологии, 1929 г., I, стр. 235.

тельно слабой дифференциации. Крестьянство медленно слабо выделяло передовые социальные группы (буржуазию и пролетариат), которые могли бы руководить движением.

Анализируя характер революций 1648 и 1789 гг., Маркс приходит к выводу, что 1) «каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами, не только хронологически, но и по существу», 2) «революции 1648 и 1789 гг. не были английскою и французскою революциями, это были революции европейского масштаба» [1]). И восстания рабочих друг от друга отличаются. Силесское восстание, по мнению Маркса, начинается как раз тем, чем французские и английские восстания кончаются, сознанием сущности пролетариата. Это не приложимо к крестьянским движениям: 1) более поздние крестьянские революции (пугачевщина) ничем по существу не отличаются от более ранних (смуты), 2) международное же значение крестьянских движений незначительно. Другое значение приобретают крестьянские революции в эпоху промышленного капитализма и буржуазных революций. Только тогда они приобретают международное значение [2]).

Наконец, к крестьянским революциям, возникающим стихийно, больше всего приложим тезис Энгельса о том, что «революция—это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических сил, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время» [3]).

II.

Крупнейшие крестьянские революции в России и на Украине происходили на окраинах. Надо поэтому выяснить, в какой степени крестьянские революции были колониальными революциями.

В марксистской литературе мало разработан вопрос о характере колоний в эпоху империализма, совсем не разработана колониальная проблема эпохи феодально-крепостного хозяйства.

Основные признаки колонии Маркс видел в наличности незанятых земель, легко доступных переселенцам, в наличности сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, в полном овладении производства колоний иностранным купеческим капиталом и, наконец, в общественных отношениях, покоящихся на отношении господства и подчинения, обыкновенно на рабстве.

Если наличность занятых земель и—с оговоркой—специализация на производстве сельскохозяйственных продуктов приложимы к колониям России, то наличность рабства не отличает колонию России от метрополии: в колониях и в метрополии России долго существовали крепостные отношения, а в некоторых колониях XVII в. (Украина, Поволжье и т. д.) господствовали более свободные отношения, чем в метрополии. Проф. Готье, изучивший Замосковный край XVII в., делит страну на старые и вновь колонизуемые области. Автор причисляет [4]) Нижегородский и Арзамасский уезды к замосковным уездам, а не к новым, колонизуемым на основе этнографических данных, особых условий хозяйства на черноземе и особенности социально-политических условий жизни. Это определение не отделяет второстепенное

---

[1]) Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции 1848—1850 гг., стр. 221—222.

[2]) В эпоху революции 1848 г. Маркс и Энгельс считали в Польше аграрную революцию невозможной без одновременного завоевания самостоятельного существования, обладания балтийским побережьем и устьями польских рек».

[3]) Письмо Энгельса Марксу от 13 февраля 1851 г.

[4]) Ю. Готье, Замосковный край, 72.

от основного и не охватывает всего комплекса общественных отношений. Изменявшиеся географические границы можно наметить только в общих чертах. Грань между общественными отношениями в метрополии и в колонии проходила там, где правительство 1) искусственно создавало или содействовало образованию туземного помещика, кулака, ростовщика (мурзу, тархана, бая, казацкого старшину, украинского помещика и т. д.), 2) экспроприировало туземное помещичье землевладение, 3) закрепощало крестьянина помещику чужой национальности, 4) насильственно ассимилировало националов, 5) вызывало или обостряло межнациональные противоречия, 6) подчиняло интересы местной буржуазии интересам буржуазии метрополии, 7) ставило русского крестьянина в более привилегированное положение, чем крестьянина национала.

Колонии XVII и XVIII вв. отличались от метрополии тем, что в метрополии борьба крестьянина с помещиком уже закончилась поражением первого, а в колониях помещик еще не добился победы, в метрополии крестьяне уже были закрепощены, в колониях крестьяне оставались самостоятельными мелкими собственниками. Окончательное превращение свободного крестьянина в крепостного стирало противоречия между туземным помещиком и помещиком метрополии, но не стирало границ между метрополией и колонией. После крестьянской реформы колонии еще характеризуются тем, что в них культивируется больше крепостнических остатков и что они систематически и планомерно сохраняются как источники сырья и рынки сбыта готовых изделий метрополии.

Восходящая монополистическая дворянская знать XVII в. наживала колоссальные богатства за счет экспорта хлеба и грабежа колониального сырья—воска, юфти, леньки, кожи, смолы, поташа, пушнины. Все это обменивалось на фабрикаты и полуфабрикаты метропольного и заграничного производства. В XVII в. Сибирь уже была типичной колонией: ее пушнина играла большую роль в государственном бюджете, она служит золотой валютой для постоянных расчетов с заграницей, жалований и награждений внутри страны в годы инфляции. В XVIII в. Россия играет роль на мировом рынке своим сибирским и уральским железом. Украина в XVII в. становится рынком московских полуфабрикатов.

На основе этой классификации к колониям второй половины XVII и XVIII вв. следует отнести Сибирь, Украину, Поволжье и Дон, продукты которых во внутренней и внешней торговле играли большую роль. Борьба национального крестьянина имела национальный характер, так как она была направлена против экономического и политического господства помещика метрополии над колониями.

Национальное восстание по Ленину отличается следующими признаками:

1) Восстание, стремящееся создать политическую независимость угнетенной нации, т.-е. особое национальное государство [1]), 2) всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, и тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание [2]).

Можно ли перенести на феодально-крепостническую эпоху эти положения Ленина, относящиеся к эпохе империализма? Национальные массы, как и великорусское крестьянство, не имели ясно осознанной политической программы. В выступлениях националов проявлялись лишь некоторые отрывочные положения об отделении колоний от Великороссии. Однако их борьба носила ярко выраженный национально-колониальный характер, так как 1) она была направлена в первую очередь против метропольного

[1]) Т. XIX, стр. 224.

[2]) Там же.

помещика, 2) об'ективно ставила вопрос об образовании, консолидации нации из разрозненных племен, переживавших распад родового быта.

Национально-колониальное движение было наиболее уязвимым пунктом крестьянских революций. Феодально-земледельческие группы национальностей колоний боролись с помещиками метрополии за возможность закрепощать крестьянство колоний. Это была борьба не за отмену феодальных привилегий, а за завоевание их теми помещиками, которые этих прав лишались. Между тем, крестьянство националов боролось за отмену чьих бы то ни было привилегий. Эти противоречивые тенденции почти всех крестьянских восстаний облегчали победу контрреволюционной армии.

Значение движения национальных крестьянских масс огромно. Так оценивал это движение и царизм, который подавлял национально-колониальные восстания, упразднял областные, автономные единицы и национальные учреждения.

Характер национально-колониального движения стоит в связи со значением колониальной политики царизма. У Энгельса имеются некоторые соображения на этот счет. Он писал Марксу в 1851 г.: «Нельзя даже указать ни одного момента, когда бы Польша действительно являлась представительницей прогресса, хотя бы даже по сравнению с Россией, или совершила что-либо исторически значительное. Россия же, наоборот, по сравнению с Востоком, действительно прогрессивна. Русское господство со всей его пошлостью, со всей его славянской грязью было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар. Россия по сравнению с Польшей по самой природе своей лжебокой шляхетской восприняла в себя гораздо больше элементов просвещения и особенно промышленности. Уже одно то, что русское дворянство занимается фабричным производством, спекулирует, надувает, поддается на подкуп и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки, начиная с императора и кн. Демидова, вплоть до самого вшивого барина 14 класса, носящего титул простого благородия,— уже одно это — преимущество». Также и Ленин указывает на прогрессивную миссию российского капитализма на окраинах в конце XIX в. Относительно прогрессивная роль капитализма в метрополии и в колониях еще не делает реакционной борьбу колониальных народов против метрополии. Борьба колоний с великорусской метрополией имела прогрессивный характер и в феодально-крепостную эпоху. Даже половинчатая победа колоний над метрополией могла бы иметь решающую роль, так как она пробила бы брешь в феодально-крепостном организме.

Маркс и Энгельс осудили поведение в революции 1848 г. «остатков нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории». Они выступили против «этих отбросов народов, которые каждый раз становились фанатическими носителями контрреволюции и оставались таковыми до момента полного их уничтожения или потери национального своеобразия, как и вообще все их существование является уже протестом против великой исторической революции». Движение народов в России имело революционный характер, так как их поведение глубоко отличалось от поведения малых славянских народностей в революции 1848 г.

Энгельс и Ленин берут колониальную политику царизма XVII и XIX вв., когда метрополия была более экономически развита, чем колонии. Великороссия XVIII и XIX вв. была промышленно-развитой страной в сравнении с Украиной, Башкирией, Сибирью, и т. д. Другое соотношение было в более раннюю эпоху.

В XVI—XVII вв. Украина не уступала в своем развитии метрополии. С XVII в. метрополия делала все возможное для того, чтобы задержать промышленное развитие колонии. С этого времени политика метрополии в не-

которых колониях носит исключительно реакционный характер. Не только метрополия играла для колоний отрицательную роль, но и колонии висели тяжелым грузом на шее метрополии. Ленин писал: «Если бы русскому капитализму некуда было бы расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепощение крестьян к земле и пр.) должно было быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его решение» [1]). Разгром национально-колониального движения и захват новых колоний неоднократно спасали царизм.

Из аграрного кризиса XVI в. и «смуты» Россия вышла за счет экспроприированного крестьянства и захвата колоний. Захватом Украины после разгрома хмельничины Москва получает неисчерпаемый рынок. После поражения разинщины завершается экономическое завоевание Дона. После разгрома пугачевщины начинается успешная колонизация Волго-Камского бассейна, Новороссии и Украины. В эпоху континентальной блокады и крымского поражения активизируется средне-азиатская политика. Аграрный кризис 80-х годов и промышленный кризис конца XIX в. выдвигают проблему об экономическом завоевании Сибири и захвате Манчжурии. Только после русско-японской войны «география» исчерпала себя. Дальнейшая колонизация окраин была возможна только в связи с промышленной эксплюатацией естественных богатств, добычей и переработкой сырья. Но дальнейший спрос на продукты сельского хозяйства и промышленного производства упирался во внутреннюю колонию — в деревню. «Географию могла исправить лишь революция».

Маркс придавал большое значение географическому фактору в колониальной политике. По поводу открытий калифорнского золота он писал: «Самым важным фактом, происшедшим здесь (т. е. в Америке. *С. Т.*), более важным, чем Февральская революция, является открытие Калифорнских золотых приисков. Уже теперь, спустя всего восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем самое открытие Америки». Далее Маркс продолжает: «Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны не впадут в такую же промышленную, коммерческую и политическую зависимость (от Америки. *С. Т.*), в которой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция, которая, пока еще не поздно, сама преобразует способ производства и обмена согласно потребностям производства, вытекающим из современных производительных сил, и сделает таким образом возможным создание новых производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым смягчат вред, причиняемый географическим положением» (разрядка моя. *С. Т.*) [2]).

Открытие уральских и сибирских серебряных, золотых, медных и железных горных рудников, истребление, порабощение и погребение в рудниках туземного населения, завоевание и опустошение Башкирии и Киргизии,— все эти события для России имели то же значение, что открытие Ост-Индии и Африки для Западной Европы. Но Прикамье и Приуралье были гораздо беднее Ост-Индии и Африки;—поэтому было у нас гораздо беднее и слабее ка-

[1]) Ленин, т. III, стр. 485, примечание.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, Гиз, 1926 г., стр. 476—477.

питалистическое накопление. Не даром у нас надолго затянулись прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, даровой труд, преобладание ручного производства, примитивная и хищническая первобытная эксплоатация природных богатств колоний.

Только Октябрьская революция надлежащим образом «исправляет» нашу географию.

Ленин отметил, что «переворот может назреть, силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,—тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия». Крестьянские революции терпели у нас поражения и поэтому гниение России, «гниение» нацменьшинств в феодально-крепостническом болоте затянулось на много десятилетий. Крестьянские революции в России подтвердили положение Маркса, что после каждой революции, являющейся шагом вперед в классой борьбе, характер государственной власти, как орудия только угнетения, выступает все определеннее» [1]). Кровопускание при подавлении революции на десятилетия подрывало хозяйство целых областй, в особенности хозяйство колоний.

III.

Меньшевики считали крестьянство реакционной силой. Для обоснования своего лассальянского взгляда Плеханов занялся исследованием истории Московской Руси. Революция опровергла Плеханова-политика. Покровский доказал несостоятельность Плеханова—историка русской общественной мысли и этим же опроверг Плеханова—историка крестьянско-казацких движений. Какой школьник поверит, что в крепостной России в с е классы были закрепощены государству и что закрепощение «служилого сословия, может быть еще больше, нежели закрепощение крестьянства, уподобляет общественно-политический строй Московской Руси строю великих восточных деспотий?» [2]). Кто поверит, что помещики были закрепощены, пожалуй, больше крестьян?!.

Плеханов считает, что наши крестьянско-казацкие движения имели реакционный характер, так как восставшие 1) стремились стать помещиками, 2) своим движением не подготовляли торжества нового способа производства. В данном вопросе он всецело принимает взгляд мелкобуржуазного проф. Фирсова, который подходит ко всем крестьянским революциям с точки зрения «социально психологического» (!) анализа. Социально-психологический «анализ» приводит его к выводу, что крестьянин мечтал стать... помещиком. Основоположник марксизма в России не мог не знать, что Платоновы, Дружинины и т. п. монархические стряпчие из кожи лезли для того, чтобы дискредитировать революционное движение. Однако их писания он принимает без каких бы то ни было сомнений. Больше того, он даже верит патриарху Гермогену, возглавлявшему борьбу с крестьянством в эпоху смуты. Плеханов пишет: «вряд ли можно усомниться в том, что он (Гермоген. *С. Т.)* точно уловил их общий дух (т.-е. дух «воровских писем». *С. Т.)* (I, 101). А патриарх, как известно, писал, что авторы «воровских писем» «велят боярским холопам побивать своих бояр, и жены их, и вотчины, и поместья им сулят; и шпынем и безыменикам-ворем велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и х о т я т и м д а в а т и б о я р с т в о, и в о е в о д с т в о, и о к о л ь н и ч е с т в о, и д ь я ч е с т в о». В дальнейшем ссылаясь на проф. Грушевского, Плеханов приходит к выводу, что казачество и крестьянство боролись во имя того, чтобы самим стать помещиками. Стоит ли говорить о том, что партиарх Гермоген заслуживает не больше доверия, чем белогвардейцы, распространяюшие про нас разные небылицы. По-

[1]) Гражданская война во Франции, стр. 46.
[2]) История развития русской общественной мысли, т. I, стр. 77.

пытка группы Хмельницкого закрепить крестьян на Украине доказывает как раз обратное: казацко-крестьянское движение на Украине получило особенный размах после того, как стало известно, что Хмельницкий, выражавший интерес туземной украинской шляхты, привез из Москвы грамоты, которыми закрепощались крестьяне. Восставшие массы дали решительный отпор соглашательской политике верхушки казачества. Так называемая «хмельничина» потерпела поражение благодаря тому, что восставшие массы были раздавлены Россией и Польшей.

Крестьянские революции совершались во имя упразднения крупного помещичьего землевладения, а программа мелкой шляхты вовсе не является показательной для настроения крестьян. Крестьяне боролись за свободный выход на рынок, за разгром помещичьего землевладения, а не за создание нового помещика. Версия Фирсова, Грушевского создана дворянской историографией, заимствованной безоговорочно Плехановым. Даже полупобеда хмельничины имела то значение, что феодально-крепостное хозяйство овладело Украиной позже других районов империи. Благодаря этому на юге были более развитые капиталистические отношения, чем в других районах страны.

Плеханов пишет: «Городские общины и третье сословие западных стран, борясь с феодализмом и с пережитками феодальных отношений, делали как раз то историческое дело, выполнение которого не могло выпасть на долю казаков: они подготовляли торжество нового способа производства, новых производственных отношений, а потому и нового общественно-политического порядка. Казачество же своим движением не подготовляло нового способа производства [1]. В то время как, по мнению Плеханова, беглые были на Западе незаметными элементами прогресса, у нас «казачество являлось чем-то в роде клапана, предохранявшего старый порядок от взрыва. Протест казаков был исторические бесплоден» [2]). Однако отсюда еще далеко до вывода, что казацко-крестьянские движения имели реакционный характер. Дело в том, что неудачные казацкие восстания нужны Плеханову для того, чтобы показать, что крестьянские движения всегда имели реакционный характер.

Плеханов отрицательно относится к тому положению Ключевского, что в мятежах проявилось отрицательное отношение народа не только к власти, но и к носителю власти. Он скорее соглашается с тем, что «московский народ отнюдь не выдвигал таких требований, которые хоть немного шли бы вразрез с основами «вотчинной монархии». Буржуазный историк был ближе к исторической действительности, чем Плеханов, который пытался сомнительными историческими источниками обосновать меньшевистскую концепцию наших революций.

Плеханов считает: «Идя за Пугачевым, народ стремился свалить с себя гнет помещичьего государства и так или иначе, в той или другой мере, вернуться к старым порядкам, существовавшим до того времени, когда это государство окончательно сложилось и окрепло. Он смотрел в п е р е д, куда смотрело во второй половине XVIII в. третье сословие во Франции, а н а з а д, в темную глубь прошедших времен. И в этом отношении он поступал совершенно так, как поступало когда-то ненавистное ему б о я р с т в о. Ведь Курбский, обличая дикое самодурство Ивана IV, тоже смотрел назад, а не вперед. Назад смотрели и раскольники, приглашавшие народ умирать за «древлее благочестие». Это была своего рода историческая необходимость, коренившаяся в относительных особенностях русского исторического процес-

---

[1]) История развития русской общественной мысли, т. I, стр. 103.

[2]) Недавно вышедшая работа т. Янчевского («Колониальная политика на Дону») неправильно разрешает вопрос о социальной природе казачества. Он отвлекается от с о ц и а л ь н о г о состава казачества и ограничивается разбором функции казачества как н а е м н о г о войска. Такую постановку вопроса Янчевский считает марксистской.

са» (III, 96). Эти обычные плехановские выводы тенденциозны и стоят в противоречии с действительностью. Борьба боярства отличалась от борьбы крестьянства в той же степени, в какой революция отличается от контрреволюции. Боярство в своей борьбе действительно смотрело назад—оно цеплялось за натурально-хозяйственный уклад, за отжившие формы и методы хозяйствования. Совершенно верно, что «смотрело назад и купечество XVIII в., которое «стремилось восстановить свое право покупки крепостных» (III, 209). Это не относится к крестьянству, которое боролось за развитие капиталистических отношений, за свободный выход на рынок. И левое крыло раскольников XVII в. в религиозной форме выражало революционное настроение крестьян. Борьба за «древлее благочестие» вовсе не означала шаг назад,—она была направлена против византийских общественных отношений, которые установились в России. Раскол XVII в. боролся за демократизацию церковного строя, за родной язык в церкви, против феодально-византийских течений в иконописи. Левое крыло раскола даже резко выступало против церковных обрядов, регламентированных браков и против монархической формы правления.

У Плеханова дворянство было «единственным русским сословием, смотревшим не назад, а вперед, но дворянство не видело впереди ничего, кроме привилегий для себя, некоторых стеснений для купечества и дальнейшего усиления крепостной зависимости крестьянства» (III, 225). Если все общественные классы смотрели назад, а не вперед, то совершенно нельзя об'яснить, как Россия все же двигалась вперед. Кто же ее тогда двигал?

Россия двигалась вперед, хотя и крайне медленно, потому что только крестьянство было единственной движущей прогрессивной силой в докапиталистическую эпоху. Благодаря распыленности миллионов крестьянских хозяйств, дворянству, крупному землевладельцу, удалось при помощи государственного аппарата сохранять и консервировать крепостничество на крайне низком техническом уровне.

Принимая плехановскую концепцию, Рожков не случайно ввел термин «дворянская революция». Для обоснования своей позиции Рожков механически усвоил взгляды юридической школы на поместное и вотчинное землевладение. Он вырыл искусственную пропасть между боярским-вотчинным и поместным-дворянским землевладением. Дворянство у Рожкова передовой революционный класс. Развитие крепостного хозяйства в XVIII в. Рожков об'ясняет тем, что в «предшествующий период страна пережила великую революцию, окончательно перестроившую ее социально и экономически». Дальше он продолжает: «вновь наступившая эпоха органического развития реализовала результаты этого переворота, приобретения и достижения предшествующего критического периода и дала толчок развитию производительных сил в новом направлении» [1]). Рожков, как и Плеханов, принял здесь контрреволюцию за революцию. Рожков не видит, что реформы Петра заключались в применении европейской техники в интересах феодалов против крестьян. Разгром крестьянских революций укрепил господство дворян. Медленное приспособление к рыночным отношениям, неравномерное развитие разных областей страны, застойное состояние государственных учреждений, существовавших почти без изменений до XX в. Рожков считает революцией. Такая точка зрения о жизненности крепостного хозяйства является реакционной, т. к. сближает Рожкова с Струве, смазывает перспективу исторического развития и игнорирует роль крестьянских движений.

Дискуссия между большевиками и меньшевиками о роли крестьянства в революции имела предшественников в лице Маркса и Лассаля. Для полного освещения данного вопроса первостепенное значение имеет письмо Маркса

[1]) Рожков. Русская история, 1923 г., т. VII, стр. 6.

Лассалю 8 апреля 1859 г., который считал Зикингена, представителя рыцарства, революционером. Маркс по этому поводу пишет: «Зикинген гибнет не вследствие своего политиканства. Он гибнет потому, что восстал против существующего, или, вернее, против новой формы существующего, как рыцарь и как представитель гибнущего класса»... И далее он продолжает: «Что он начинает восстание под видом рыцарского бунта, это означает не что иное, как что он начинает его, как рыцарское. Если бы он начал его иначе, то он должен был бы непосредствено и с самого начала обратиться к городам и крестьянам, как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства... (Разрядка моя. *С. Т.*). Напоминая Лассалю о том, что «образованное польское дворянство 1830 г. становилось проводниками современных идей, а на деле представляло интересы реакционного класса», Маркс указывает: «Дворянские представители революции, у которых за лозунгами единства и свободы всегда таятся мечты о старой императорской власти и кулачном праве,—не должны были бы в таком случае приковывать к себе весь интерес (как это делается у тебя), а представители крестьян (особенно их) и революционных элементов в городах должны были бы составлять весьма существенный фон. В этом случае ты мог бы и в гораздо большей степени заставить говорить самые современные идеи и в их наиболее чистой форме, между тем как теперь на деле, кроме религиозной свободы, главною идеей остается гражданское единство... Не впал ли ты сам до известной степени подобно твоему Францу фон Зикингену в дипломатическую ошибку, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-лютеранской».

Маркс четко ставит вопрос о реакционной роли дворянства и о революционном значении крестьянских движений.

Идеология крестьянских движений до того своеобразна, что она заслуживает особого внимания. Крестьянство обычно выдвигало царя. Это дает Плеханову повод для того, чтобы подчеркнуть реакционный характер этих движений. Религиозная оболочка крестьянских движений XVI в. в Германии не является для Энгельса признаком их реакционности. Чем об'ясняются монархические настроения крестьян? Монархические настроения крестьян Маркс об'ясняет следующим образом: «То обстоятельство,—пишет он,—что «семейная жизнь» в крестьянском сословии является не только принципом семьи, но и основой всего его социального бытия вообще,—это обстоятельство делает это сословие скорее неспособным к выполнению высшей политической задачи, ибо оно делает его склонным переносить патриархальные отношения на непатриархальную сферу или применять «отец», «хозяин», «челядь» там, где речь идет о политическом государстве, о политической гражданственности» [1]). Это положение Маркса полностью приложимо к русскому крестьянству, которое жило большими семьями и общинами, в которых господствовали патриархальные отношения. После тщательного изучения ряда крестьянских восстаний следует притти к выводу, что монархические настроения крестьян сильно преувеличены буржуазной и в особенности феодально-славянофильской историографией. Тактика революционных крестьянских штабов, прикрывавшихся именем законного царя, не полностью отражает настроения крестьян. Кулачеству, крупному купечеству, мелким помещикам и составителям прокламаций, выходцам почти исключительно из среды духовенства, было выгодно прикрываться именем законного монарха. Славянофилы использовали фальсифицированную историю идеологий крестьянских движений для того, чтобы создать целую систему легенд о монархических настроениях крестьянства. С другой стороны, народники идеализировали революционные настроения крестьян, создав, выражаясь языком Энгельса, сказ-

---

[1]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III, стр. 219.

ку об «инстинктивном революционере». Все же нельзя отрицать, что монархические лозунги соответствовали настроениям части крестьянских масс в то время, как городское население почти к ним не прибегало. Монархические настроения крестьян, по справедливому замечанию М. Н. Покровского, имели революционный характер.

Крестьяне боролись за своего мужицкого царя, который беспощадно расправлялся с помещиками. Монархическая идеология крестьян в то же время свидетельствует об оппортунизме крестьянских масс, об их желании придать движению легальный законный характер. Между прочим, идеологическое содержание наших крестьянских движений было беднее идеологии крестьянских движений на Западе. К крестьянским движениям крепостной России неприложимы слова Энгельса о том, что «немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступали не только восставшие крестьяне—в этом не было ничего нового,—но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием равенства имущества на устах»[1]). Крестьянские революции, происходившие в эпоху разложения феодализма, характеризуются участием значительных групп деклассированных элементов, которые образуют самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, стоящий вне земельной общины, феодальной зависимости и цеховых связей. Энгельс эти группы считает предпролетариатом, который в 1789 г. в парижских предместьях произвел революцию («Крестьянская война в Германии», 1926 г., стр. 8). В России эти элементы играли большую роль, но на идеологию восставших их влияние не чувствовалось.

Крестьянские восстания принимали широкие размеры только в том случае, если они опирались на такие группы, которые были в состоянии хотя бы частично преодолеть локальную ограниченность. Если эти группы (городская буржуазия, стрельцы, горные рабочие) не оказывали помощи, то крестьянские восстания замирали или подавлялись на своей первоначальной стадии. Очень редко поэтому крестьянским движениям удавалось охватить те районы (например, метрополию Московского государства), где не крестьянское население безучастно относилось к движению.

Слабость крестьянства состоит в том, что оно поднималось только торый в 1789 г. в парижских предместьях произвел революцию («Крестьянства никогда не принимали большого размаха. Крестьянство на Западе восставало в эпоху разложения феодальных отношений. Восстание Тайлора в 1381 г. произошло в Норфольке, центре ткацкого дела, и в Кенте, где крепостное право уже совершенно исчезло. Гуситские восстания происходили тогда, когда крепостные отношения фактически исчезли из Богемии. В Германии и России восстания крестьян происходили в эпоху закрепощения. Восстания крестьян в России в эпоху крестьянских реформ почти особого значения не имели.

* * *

Только правильная систематизация крестьянских движений, основных вех исторического развития в докапиталистическую эпоху, дает возможность установить подлинную марксистскую периодизацию истории.

Надо еще отметить, что до сих пор на основе марксовой схемы еще не разработан колоссальный фактический материал и не дана периодизация истории. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет отказаться от таких ненаучных названий, как пугачевщина, махновщина, хмельничина и т. д. Пока же приходится пользоваться условными ненаучными названиями.

---

[1]) Там же, кн. II, стр. 156.

Понятие случайности в статистике и в диалектике[1]).

М. Смит.

В начале этой статьи я позволю себе поставить вопрос: почему статистик, работающий над вопросами статистической практики и статистической теории, — но теория статистики это пока еще теория первой ступени, — решается выступить со статьей абстрактно-философского свойства, и есть ли в этом какая-нибудь необходимость? Вопросы, с которыми имеешь обычно дело на практике — методология статистики, описательная экономика, рабочее движение и т. д. — это все вопросы теории первой ступени. Это только непосредственное первое обобщение конкретной практики, которое мы даем, в порядке описательном, иначе говоря, обобщение, необходимое даже для практических повседневных работ. Это еще не та теория, до высоты которой мы поднимаемся, занимаясь философией. Здесь еще не необходим тот пафос обобщения, который содержит в себе философское построение. Поэтому можно как будто сказать: собственно говоря, дело статистика считать лошадино-сило-часы, балансировать производство с потреблением, или строить динамическую кривую роста производительности труда, решать — прав ли был Маркс, когда он предсказывал геометрическую прогрессию этого роста [2]), и т. д., и т. д., словом, решать ряд практических вопросов, совершенно необходимых в плановом хозяйстве.

На этот вопрос можно было бы ответить цитатой из выступления тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов. Я не буду ее приводить здесь, ибо ее, конечно, все помнят. Смысл ее достаточно определенный. Смысл ее состоит в утверждении, что, для того, чтобы поставить хорошо практику, для того, чтобы бороться с пережитками старого в этой практике, хорошая теория, пусть абстрактная теория, совершенно необходима, и что практическая ценность, практическая эффективность, как теперь принято говорить, философского обобщения, если мы до него в отдельных конкретных дисциплинах можем подняться, имеет для практического работника, и, особенно, в тот период, в который мы живем, исключительное значение. Конечно, у нас здесь позиция другая, более скромная, чем у философов, как таковых, — они владеют орудием диалектического анализа, как таковым, они на нем специализируются, наше дело гораздо скромнее, гораздо проще. Мы от своей конкретной дисциплины и конкретной практики, или, наоборот, от конкретной практики и обобщения ее в конкретной дисциплине,

---

[1]) В порядке обсуждения. Редакция приглашает товарищей, работающих в области методологии статистики, высказаться на страницах журнала по поводу поднимаемых в статье вопросов.

[2]) См. мою статью «Незатухающие темпы», в № 3 «Проблем экономики» за 1930 г.

восходим до высот той обобщающей теории, которая является теорией строящегося социализма, которая нам для освещения нашей будничной работы и наших первых будничных обобщений тоже является необходимой.

Таким образом, смысл моего экскурса в область философии об'ясняется просто желанием подняться от будничного действия и взглянуть на него с высоты обобщения. От этой констатации я перехожу к теме.

Если мы заглянем в историю статистической мысли, то нам, вероятно, бросится в глаза, при перечитывании всевозможных трактатов, доставшихся в наследство от прошлого, а также и некоторых современных работ, следующее явление: первоначально теория статистики, как она была зафиксирована печатным словом в трудах прошлых теоретиков, удивительно напоминает своими формулировками ту эпоху торгового капитализма, когда она, в сущности, исторически была впервые сформулирована.

К эпохе торгового капитализма, больше, чем к какой-либо иной, применимо выражение Маркса относительно «всеобщей конкурентной борьбы». В позднейшие эпохи — в эпоху промышленного капитализма, и, в особенности, в эпоху монополистического капитализма,—всеобщая конкурентная борьба заменяется борьбой групп, организованных групп. Борьба делается более жестокой, но она уже имеет качественно несколько отличный характер. Но именно первая теория статистики родилась тогда, когда эти группы еще не существовали, когда речь шла, следовательно, о всеобщей конкурентной борьбе единиц против единиц.

Если мы заглянем во все формулировки первого периода, то мы увидим, что там на каждом шагу мы имели дело с понятием «шанса». Случай там превращает в шанс на возможность победы, на возможность успеха или выигрыша во всеобщей конкурентной борьбе. Конкурентная борьба делает своим символом азартную игру и высчитывание шансов на выигрыш через посредство этой, тогда народнившейся, науки; эта наука имеет во всех своих формулировках полнейшую аналогию с борьбой за выигрыш во всеобщей конкурентной борьбе начала капитализма, эпохи первоначального накопления. И тут-то появляется на сцену представление о «случайном», как произвольно варьирующем количестве.

Я не буду приводить здесь много цитат с соответствующими формулировками, ибо в любом трактате, который мы возьмем, начиная от Лапласа, мы несомненно натолкнемся на понятие шанса—благоприятствующего случая из всей массы случаев. Вплоть до настоящего времени, мы в теории статистики, у теоретиков статистики, встречаем иногда такое представление о случайности, что, собственно говоря, без этой бесконечной, варьирующей случайности вообще нет никакого статистического познания, в ней-то вся суть дела. Ибо в представлении теоретиков идеалистического мировоззрения существуют какие-то «истинные величины», которые уловить, как таковые, нельзя. Можно только наблюдать бесконечные, случайные колебания их величин и случайные отклонения от них, но самих величин мы уловить не можем.

Вот возьмем хотя бы цитату из небезызвестного ленинградского профессора Митропольского, который в своих «Основах статистики» говорит: «При изучении действительности мы можем наблюдать только те или иные из возможных случайных значений статистических величин. По этим значениям мы стремимся составить представление о самих статистических величинах», и далее: «При составлении статистических совокупностей необходима наличность основного условия, определяющего предмет изучения статистического исчисления — статистическую величину. А, именно, необходимо, чтобы изучаемое явление обуславливалось множественностью причин-следствий так, что отдельные значения какого-либо признака этого

явления были бы совершенно случайными, и соответствующее действительности суждение можно было бы высказать только на основании всей совокупности этих знаний».

Тут — голод по случайному, тоска и скорбь по случайному, стремление к случайному. Еще далее читаем: «Общей или исчерпывающей статистической совокупностью называется совокупность, состоящая из всех возможных случаев данного рода, тогда как частичная совокупность представляет совокупность случаев, взятых на удачу, т.-е. без какого бы то ни было подбора из некоторой общей совокупности».

К этой последней цитате придется вернуться, когда я перейду к гегелевской границе количества.

Пока я подчеркиваю этот голод по случайным величинам, который закономерен постольку, поскольку под всем этим имеется убеждение в существовании каких-то «априорных», априори-существующих величин, не познаваемых в конкретном измерении, а улавливаемых только через бесконечное количество совершенно случайных колебаний, которые существуют, как таковые. Очевидно, априорно существующая «истинная величина», неподдающаяся измерению, символ желанного выигрыша, которого ищут через массу случайных результатов отдельных ставок. Как говорит Ордженский в своей «Элементарной теории статистических величин»:

«Теоретические совокупности представляют собою систему индивидуально различных случаев, нарочито составленную или найденную по определенному заданию (карты, кости и т. п.).

Теоретические совокупности в свою очередь бывают либо априорные, либо апостериорные. Априорные совокупности составлены нарочито и от разума, исходя из тех или иных допущений и определений. Апостериорные совокупности составлены или найдены, исходя из известных допущений, но на основании определенных действительных эмпирических данных».

А, чтобы сделать еще более ярким это противоположение коллектива, нарочито построенного от разума, какой-то эмпирической вульгарной действительности, я приведу цитату из такого крупнейшего теоретика статистики, как Чупров, который в своих «Проблемах корреляции» пишет буквально следующее:

«Задача перехода от эмпирических данных к априорным научно точно была впервые поставлена Яковом Бернулли. Ее решение покоится на законе больших чисел, перекидывающем мост от эмпирических данных статистического учета к лежащим в их основе априорным величинам, недоступным, как правило, для непосредственного измерения».

И увы, эта априорная, вне конкретной действительности лежащая, величина нашла себе место не только в различного рода издательствах, не совсем советских, в лучшем случае—полусоветских, в которых печатались цитированные книжки, к делу придется привлечь и всем, вероятно, известную Большую Советскую Энциклопедию, в которой мы тоже читаем в статье «Бернуллиева теорема» следующую тираду:

«Ее современное точное выражение, допускающее строго-математическое доказательство, заключается в следующем: если при производстве некоторых испытаний может появляться событие А, и вероятность появления этого события априори есть p, если An есть число появлений этого события на протяжении n испытаний, то с вероятностью, сколько угодно близкой к достоверности, можно утверждать, что отношение An : n будет при достаточно большом n сколько угодно мало отличаться от p. Это предложение систематически подтверждается статистическими исследованиями, в которых такого рода испытания действительно производятся».

Формальная сторона, конечно, правильна. Но я обращаю внимание читателя на другое. Автор этой статьи говорит сначала о «вероятности априори», а дальше утверждает: «Это положение систематически подтверждается статистическими исследованиями..., которые обнаруживают, что вероятность апостериори действительно тем меньше отличается от вероятности априори, чем больше число испытаний».

Вот, как удивительно живуча эта концепция априорной вероятности. Она существует со старых времен, а в некоторых трактатах (может быть, их не стоит особо упоминать, ибо часто уже приходилось о них говорить) [1]) говорится уже не об априорности, а о разумном существе, о Природе с большой буквы, да и просто о божественной необходимости и т. п. Словом, это нечто априорное, разумное, вне конкретной действительности лежащее, почти непознаваемое или познаваемое только через какие-то случайные колебания, существует как таковое, а апостериори, в переписях только подтверждается. Например, идя таким путем, можно предполагать, что число кулаков или бедняков в нашем крестьянском хозяйстве априорно, что это — некая существующая априори «заданная» величина, а апостериори, благодаря переписям или стат. исследованиям, она лишь подтверждается, да и то постольку, поскольку величина апостериори приближается к величине априори.

Эта априорная божественная величина, существующая волею природы, и создала, повидимому, концепцию вероятности, совершенно оторванную от конкретной реальности. Согласно этой концепции, априорная величина существует в порядке, предопределяющем конкретную действительность. Если она лишь отражает конкретную действительность, то понятию вероятности предшествует, конечно, понятие реальной частоты событий. Но потребовалась целая революция в мышлении, потребовался переход от торгового капитализма к промышленному для того, чтобы в умах следующего поколения—статистиков промышленного и монополистического капитализма, — а отчасти и у нас — создалась, наконец, смелость сказать, что частота существует раньше вероятности, и что вероятность есть не что иное, как отражение реально существующих числовых отношений. Реально, а не априори. Существующих, а не заданных.

Уже в более поздней литературе, у такого талантливого ученого, как Борель, мы читаем совершенно определенно: «Вероятность в этом смысле и есть так называемая статистическая вероятность, так как ее величина неизвестна заранее из самой природы явлений, но вытекает из точного и подробного знания большого числа явлений».

Эта характеристика, может быть, и не совсем совпадает с той, которую мы в советской действительности хотели бы видеть, но тут, во всяком случае, априорность и апостериорность уже не противополагаются друг другу, хотя Борель и писал гораздо раньше, чем существовала БСЭ.

При каких условиях может, собственно говоря, эта априорность, это туманное понятие, которое ни в одном трактате не получает своего точного определения, существовать? При условии, о котором отчасти уже говорилось в одной из цитат, но к которому мне еще придется вернуться. Это условие — такое существование совокупностей, которое от конкретной реальности совершенно оторвано. Эти априорные совокупности составлены нарочито и от разума, как утверждает проф. Орджѐнский.

И вот, в нашей советской действительности, в журнале «Естествознание и Марксизм», в статье т. Гессена, мы тоже находим, к сожалению, некоторый отзвук такого построения. В статье т. Гессена излагаются уже по-

---

[1]) См. мою статью «Диалектика количества». «Вестник Комм. Академии» 1927 г.

зднейшие теории вероятностей, уже те, в которых частота реальных отношений элементов идет вперед, к вероятности. Современные теоретики-статистики,—капиталистических стран, но все же более современные,—до известной степени развенчали старую теорию, однако, излагая одну из них—теорию Мизеса, — тов. Гессен допускает моментами (и редакция журнала не обратила на это внимания) весьма неудачные формулировки.

Ведь Ордженский и Митропольский совершенно определенно говорят, что априорность связана с существованием коллектива искусственно, теоретически, от разума построенного, а эмпирия, грубая житейская действительность, только под него подлаживается.

Кстати, относительно слова «эмпиризм». Когда говорят о диалектике Гегеля, обычно отмечают его ненависть к эмпиризму; в частности удачно сформулировал эту мысль тов. Дынник, в своем докладе «Учение Гегеля о случайности»: «Весь пафос гегелевской диалектики направлен против ограниченности ползучего эмпиризма, против случайности и единичности не приведенных к всеобщности саморазвивающихся понятий».

Так что тот, кто считает себя диалектиком, к эмпиризму тоже относится определенным образом. Но в том-то и дело, что здесь имеет место завуалирование понятий. Когда старые теоретики типа Митропольского и Ордженского строили нарочито от разума свои коллективы, то в это время они эмпиризмом называют не то, что называл тов. Дынник и те, которых он представлял, а нечто совершенно другое. Для них конкретная действительность, конкретное развитие производительных сил со всеми конкретными условиями существования, вообще, нечто вульгарно-эмпирическое. Для них эмпирия — то, что для нас конкретный анализ реального развития, для них эмпирия—то, что не подходит под их нарочито построенный от разума коллектив.

Теперь перейдет к статье, о которой я только что говорила.

«Вопрос о существовании различных математических понятий можно трактовать с двух существенно-различных точек зрения. Во избежание недоразумений необходимо точно определить, какое значение мы вкладываем в понятие «существование». Математика имеет дело с абстрактными понятиями. Поэтому вопрос о существовании математических об'ектов может ставиться двояко: можно говорить о существовании абстрактных математических понятий и искусственных математических построений, являющихся результатом конструктивной деятельности абстрактного мышления. В этом смысле мы можем говорить, что об'ект существует, если он однозначно и непротиворечиво определен. Назовем этот вид существования математическим существованием.

Но можно также задаваться вопросом о взаимоотношении нашего математического об'екта с об'ектом реального мира. Совершенно необязательно, чтобы *всякому* математическому об'екту соответствовал реальный аналог в действительности. Если такой аналог существует, то мы можем говорить не только о математическом, но и о *реальном существовании об'екта*.

Несомненно, что наша математическая интуиция, математические аксиомы генетически возникли и развернулись под влиянием об'ективных процессов во внешнем мире. Несомненно также, что критерием для практических построений является их применимость к внешней реальности. Но отсюда еще не следует, что невозможно построение таких математических об'ектов, которым не было бы реального аналога в действительности. Возможно, что такие построения окажутся практически бесполезными, но их *математическое* существование ничем не отличается от математических об'ектов, имеющих реальное существование» («Естествознание и Марксизм» 1929 г., № 1, стр. 47).

Очень странно читать такую цитату без дальнейших комментариев, ohne Weiteres, как говорят немцы, в журнале «Естествознание и Марксизм», издающемся Комакадемией. И невольно вспоминается одно место из ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», которое я здесь приведу (лучше Ленина не скажешь). Ленин, впрочем, говорит не только своими словами, он заставляет говорить физика Рея, отчасти над ним издевается за то, над чем у него следует издеваться, но потом берет из него то, что ему (Ленину) кажется правильным.

Цитирую в ленинском переводе:

«Математики, — пишет Рей, — привыкая иметь дело с такой наукой, в которой об'ект — по крайней мере, повидимому — создается умом ученого или в которой, во всяком случае, конкретные явления не вмешиваются в исследования, составили свое слишком абстрактное представление о физике: стараясь сблизить ее с математикой, перенесли общую теорию математики на физику... Кризис физики состоит в завоевании физики духом математики. Прогресс физики, с одной стороны, и прогресс математики—с другой, привели в XIX веке к тесному сближению этих обеих наук... Теоретическая физика стала математической физикой... Тогда начался период формальной физики, т.-е. математической физики, не как отрасли физики, а как отрасли математики. В этой новой фазе математик, привыкший к концептуальным (чисто-логическим) элементам, составляющим единственный материал его работы, и чувствуя себя стесненным грубыми, материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно нематериально, чисто-логически, или даже совсем игнорировать их. Элементы в качестве реальных, об'ективных данных, т.-е. в качестве физических элементов, исчезли совершенно. Остались только формальные отношения, представляемые дифференциальными уравнениями... Если математик не окажется одураченным этой конструктивной работой своего ума..., то он сумеет найти связь теоретической физики с опытом, но на первый взгляд и для непредупрежденного человека получается, повидимому, произвольное построение теории... Концепт, чистое понятие заменяют реальные элементы...».

К этой цитате из Рея Владимир Ильич делает следующий комментарий:

«Такова первая причина «физического» идеализма. Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и якобы по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе».

Итак, «концепция или чистое понятие заменяет реальные элементы... «разум предписывает законы природе». Статистикам почему-то и для чего-то такая замена тоже необходима, она связана с определенной стадией развития статистики, и вот «математическое существование»—чистое понятие находит себе место в журнале «Естествознание и Марксизм».

Но в статье т. Гессена имеется не только это неудачное место, имеется еще и другое место, которое как будто говорит о выживании старой теории. И замечательно то, что он приводит его как раз для подтверждения более поздней теории о том, что вероятность есть не что иное, как просто-напросто отражение реальной частости, существующей в конкретном мире. Для этого он ссылается на Курно. У Курно есть такая фраза, приведенная по-французски:

«La probabilité mathématique devient la mesure de la possibilité et l'une de ces expression peut être prise pour l'autre. L'avantage de celle-ci est d'indiquer nettement l'existence d'un rapport qai ne tient pas á notre manière de juger et d'apprécier variable d'un individu à l'autre mais qui subsiste entre les choses même, rapport que la nature maintient et que l'óbservation manifeste lorsque les epreuves se rèpètent assés» («Exposition de la theorie de la chance», p. 84).

Сначала это хорошо и привести для характеристики об'ективного понимания вероятности стоит. Но конец фразы без редакционных комментариев нельзя было пропустить. «Это — отношение, которое поддерживает Природа и выявляет наблюдение», при чем слово Природа—Nature—написано с большой буквы. В отсутствии комментариев проходится винить не только автора: автор, когда стремится выдвинуть основную свою главную мысль, часто не обращает внимания на второстепенные с его точки зрения вещи, но для того ведь и существует редакция, чтобы такие упущения исправлять.

Об этой природе и ее божественной воле говорит целый ряд наших теоретиков статистики, в частности Лахтин, цитаты из которого мне неоднократно приходилось приводить [1]): по его мнению, в биологии мы имеем известные нормальные типы, как их задумала природа, а все остальное—это случайные отклонения, но все же у Лахтина природа с маленькой буквы. И эта самая природа, к сожалению, находит себе место в журнале, на котором написано «Марксизм» и «Коммунистическая Академия» и притом еще с большой буквы.

Допустим, что это только редакционное упущение, и все же это доказывает два обстоятельства: во-первых, что мы недостаточно еще проникли в нашей борьбе с пережитками старых теорий во все уголки старых теорий, и, во-вторых, что в умах некоторых отдельных товарищей новая теория—наша теория, теория строителей социализма, а не слуг промышленного капитализма, недостаточно оторвана от старой теории, недостаточно противоположена ей, что тут происходит не борьба двух теорий, а происходит, может быть, какая-то формальная смена одной теории другой. Да не мешало бы также автору статьи т. Гессену принять во внимание, что Курно— в экономике злостный австриец. Ведь трудно отрывать отдельные элементы от общего мировоззрения излагаемых авторов.

В положительной части своей статьи т. Гессен популяризует более современные теории статистики, и те поправки, которые внесла статистика промышленного и монополистического капитализма в совсем старые теории.

Здесь есть одно правильное и на первый взгляд чрезвычайно существенное утверждение. Это то, что новейшая теория вероятностей откидывает уже всякое понятие об априорном, божественном и т. п. и дает просто меру реально существующих отношений. При таких условиях понятие случайности как будто очень легко об'ективизируется. В самом деле, когда мы имеем дело с так называемым макроскопическим анализом, т.-е. когда мы имеем дело с большим коллективом варьирующих количественно величин (ибо иначе статистического коллектива нет—при однородных, неварьирующих величинах статистике нечего делат), поддающимся макроскопическому анализу, мы выявляем наличие об'ективно существующих количественных отношений. Суб'ективное сознание отдельных людей, как будто, протестует против таких определений, как будто говорит—моя воля свободна, я могу вступить в брак или в какую-нибудь жизненную комбинацию тогда, когда мне это угодно. Здесь нет никаких связывающих меня об'ективных условий, это чистая случайность для меня, когда я вздумаю решиться на те или иные жизненные шаги. Но статистические наблюдения показывают

[1]) См. мою «Диалектику количества».

правда, показывают формальным, поверхностным образом, ибо статистика и математика всегда дают наблюдение на поверхности, иногда они что-нибудь сигнализируют, но первое наблюдение их есть все же наблюдение на поверхности), что независимо от проявления случайной воли отдельных людей здесь существуют определенные массовые тенденции, как, например, возраст вступления в брак, смертность и т. д. Для каждого отдельного индивида этот возраст «суб'ективная случайность», для людского коллектива в целом все эти случайности имеют об'ективный характер. Конечно, все это только при первом подходе, ибо даже простейшая социальная группировка умирающих, заболевающих и вступающих в брак заставит нас отнестись весьма критически к этой «макроскопической» об'ективности случайного.

Лучше всего это понятие об'ективности случайного выражено у того же Бореля, при чем выражено очень остроумно. Нужно сказать, что вообще все эти теории оперируют определенным познавательным материалом, мертвыми коллективами, которые чрезвычайно далеки от техники, экономики, вообще от всего того, что мы связываем с развитием производительных сил. Это особые коллективы—игорные столы, бросание костей, метание карт, урны с шарами и т. п. Совершенно в духе этого познавательного материала Борель, ссылаясь на формулировку Пуанкаре, говорит следующее: если вы игрок, т.-е. одна из единиц коллектива, то суб'ективно вы можете либо проиграть, либо выиграть, и, следовательно, для вас случайность имеет совершенно суб'ективный характер. Но если вы содержатель игорного дома (он даже ссылается на акции «серьезного страхового общества» и на акции «Монакского игорного дома»), если вы владелец таких акций, то вы берете коллектив в целом и, основываясь на математической теории вероятностей, знаете, что в конечном счете вы не проиграете, ибо соотношение проигравших и выигравших, тех, которым вы дали, и тех, у которых вы взяли, должно сложиться к вашей выгоде. Таким образом, владелец игорного дома, или акционер страхового общества представляет себе коллектив об'ективным образом, для него случайность—об'ективна, ибо он к ней подходит от макроскопического наблюдения; для индивида же, как такового, случайность суб'ективна.

Однако именно этот пример Бореля показывает очень хорошо, что, если мы имеем тут дело уже с шагом вперед по сравнению с той теорией, которая символизировала всеобщую конкурентную борьбу, то это, все-таки, еще не наша теория, не диалектическая теория, это, повторяю, теория промышленного и монополистического капитализма, которая не могла не сделать поправку к старым поискам «шансов» на удачу. И эта теория нас еще удовлетворить не может. Для нас, в нашей общественной жизни, в нашей общественной борьбе, понятие неподвижного коллектива, коллектива, состоящего из костей и карт,—мало полезный познавательный материал. Всякое перенесение каких бы то ни было обобщений, полученных при наблюдении мертвого и неподвижного материала—недействительно, невалидно при перенесении в ту среду, в которой мы можем наблюдать гегелевский процесс диалектического развития. Как т. Гессен определяет коллектив? Он говорит, примерно, так: Желаете иметь коллектив—бросайте монету—кость, или крутите рулетку [1]). Я не берусь судить, может быть, для физики это и так, но для экономики самое понятие коллектива совершенно иное. Тов. Деборин, полемизируя с механистами, в частности с Тимирязевым, отмечал,

[1]) «Для того, чтобы получить коллектив, нам надо указать на математический способ его построения, а некоторый физический процесс, который, если его отобразить условными обозначениями, даст коллектив. Все, что мы можем сказать о построении коллектива, это следующее: бросайте монету, кость, или крутите рулетку, и совокупность орлов, очков или цветов, последовательно выходящих, даст вам коллектив» («Естествознание и Марксизм» 1929 г., № 1, стр. 50).

что и в области физики есть, очевидно, какая-то недоглядка с понятием коллектива, в основе которой лежит очевидно другая концепция его: «Механистическая теория, доведенная до логического конца, неизбежно приходит к односторонне математической точке зрения, к признанию того, что материя состоит из мельчайших частиц, тождественных качественно одинаковых, а в конечном счете—к числу, т.-е. к утверждению, что число есть сущность вещей». И далее: «Механическая точка зрения не может справиться с коллективами. Она имеет дело всегда в конечном счете с индивидами, с отдельными элементами, молекулами, частицами и пр. Поэтому она коллективное движение всегда сводит к движению отдельных единичных элементов, фактически их отождествляя. Если материя только дискретна, то в природе существует лишь движение отдельных материальных частиц и между ними нет никакой связи, нет перехода от отдельного индивида к коллективному. Но коллектив есть нечто качественно отличное от индивида. К правильному пониманию коллектива не пришла и классическая механика, ибо с ее точки зрения единая точка массы имеет право заявить: «Масса—это я». —Классическая механика не могла притти к правильному пониманию принципа коллективности, потому что она стояла на точке зрения индивида, на исключительно количественной точке зрения, потому что она исходила из понятия только дискретности материи и упуская почти совершенно из виду принцип непрерывности, внутренней связанности целого».

От всех этих коллективов, которые где-то, как-то, искусственно, от разума построены,—безразлично, в изданиях ли полусоветского или совсем советского характера,—перейдем теперь к тому коллективу, который реально существует в трудах Маркса. Ибо потребность в статистике, как в учении о коллективе, стала ощущаться тогда, когда развилось крупное производство. С исключительной диалектической четкостью это понятие зафиксировано в первом томе «Капитала» в XI главе, главе о кооперации. Там Маркс говорит, примерно, следующее (я буду излагать, а не цитировать):

— Чем отличается крупное производство от индивидуального ремесленного? Преимущественно тем, что тут мы имеем сразу массовое производство рабочих, работающих совместно, а там мы имеем массу отдельных оторванных друг от друга мелких товаропроизводителей. Но, говорит Маркс, это различие пока только количественное: те по одному работают, каждый за себя, а этих работает сразу много у одного предпринимателя. Дальше наступает качественная разница, ибо сумма товаропроизводителей, работающих уже в порядке наемного труда у одного капиталиста, качественно разнятся от суммы индивидуальных товаропроизводителей. Почему? Потому, что в этом коллективе встает та реальнейшая из реальных средняя величина (обобщающая коллектив), дающая его «сводный признак», которую мы называем средним общественно-необходимым трудом. Попробуйте работать совокупно. У вас сейчас же является норма выработки, у вас является средняя величина, на которую ориентируется весь коллектив, которая как в капиталистическом мире, так и в совсем других условиях нашего строя является определяющей величиной для всего коллектива. Для этого коллектива существует уже не сумма единиц, а та средняя выработка, которая при данных технических условиях является возможной, из которой исходит расчет производства и которая растет, согласно теории Маркса, либо вместе с ростом индивидуальной умелости рабочих, либо вместе с ростом техники.

Таким образом, мы здесь имеем понятие о коллективе, не так существующем математически, в качестве того, что Ленин называет «концептом, чистым понятием», а Энгельс—«произвольным логическим построением»,—а о коллективе, символизирующем действительность, в условиях которой мы живем и которую изменяем в плановом порядке. Здесь «разум не предписы-

вает законы природе», а обобщает и раз'ясняет конкретную действительность.

Но когда мы переходим к коллективам такой природы, когда мы противополагаем эти коллективы тем коллективам, то сейчас же является на сцену вопрос о том, что Гегель называет «границей количества». Ибо все те коллективы, о которых говорили авторы, которых я цитировала с их математическим построением коллективов, являются по сути дела не коллективами статистическими, а скорее математическими множествами, не имеющими границ, так как число единиц, входящих в такие множества, может быть сколь-угодно велико. Здесь отсутствует представление о том, что у этого количества есть какие-то границы, и даже больше того: здесь как раз приходит определение Митропольского: «общей или исчерпывающей статистической совокупностью называется совокупность, состоящая из всех возможных случаев данного рода, тогда как частная совокупность представляет совокупность случаев, взятых наудачу, т.-е. без какого бы то ни было подбора из некоторой общей совокупности. Деление статистических совокупностей на теоретические и эмпирические в большинстве случаев соответствует делению совокупностей на общие и частные».

Таким образом, для Митропольского частная совокупность от общей совокупности отличается только подбором, только количеством. Взяла ли я часть, взяла ли я целое, это все те же однородные, бескачественные элементы, о которых протестующе говорил в только что приведенной мною цитате т. Деборин.

Это целиком и полностью противоречит учению Гегеля о границе количества. Гегель вообще говоря в высшей степени абстрактен, а местами туманен. Недаром Ленин делает в IX Сборнике в одном месте такой комментарий: «удивительно хорошее средство для получения головной боли». Но его абстрактность—это не отвлеченность и надуманность, это обобщение конкретной реальности. И поэтому то понимание коллектива, которое мы находим у Маркса, с тем определением границы количества, о котором мы читаем у Гегеля, совершенно увязывается. О границе количества Гегель говорит следующее: «Заблуждение состоит здесь в том, что происходит с предположенным другим, т.-е. нашим общим, сознанием, принимающим количество лишь за безразличную границу, т.-е. именно в определенном смысле, как только количество. Это предположение расстраивается через ту истину, к которой оно приводит, через признание количества за момент меры и за связанное с качеством; то, что опровергается, есть одностороннее удержание отвлеченной определенности определенного количества. Эти выражения суть поэтому не пустая или педантическая шутка, но сами в себе они правильны и суть порождения сознания, имеющего интерес к явлениям, возникающим в мышлении. Определенное количество, поскольку оно принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне. В том и состоит л у к а в с т в о понятия, что он охватывает бытие с той стороны, с которой не имеет значения его качество».

В самом деле, где проходит качественная граница того коллектива, который фигурирует у Маркса, коллектива совместно работающих по найму рабочих, ориентирующихся на какую-то среднюю величину. Она проходит, очевидно, там, где меняются внешние условия работы, где является на сцену новая техника, новые условия того, что Маркс называет «производительной силой труда». Как проводил Ленин качественную границу коллектива, когда он боролся с народниками? Конечно, он проводил ее так же, как и Маркс: количественные колебания создают практически новое качество.—Разница в количественных признаках, характеризующих крестьянское хозяйство, если

она достаточно велика, указывает на наличие нового типа; затраты на машины, на наем рабочих и на целый ряд других элементов хозяйства варьируют от нескольких копеек до нескольких сотен рублей, и, анализируя эти вариации, Ленин обнаружил, что здесь проходит та граница количества, которая отграничивает один коллектив от другого. И именно, к народникам, с которыми боролся Ленин, применимо положение Гегеля: «В том-то и состоит лукавство понятия, что он охватывает бытие с той стороны, с которой не имеет значения его качество».

Так же бьет бытие и тех статистиков, которые выводят коэффициенты смертности или заболеваемости для «населения» вообще, без дифференциации на социальные и имущественные группы. Ибо эта дифференциация сейчас же выявляет, что ряд причин смертности и заболеваемости определенными болезнями действителен лишь для одних групп и не имеет практического значения для других. И здесь граница количества—количественных показателей, характеризующих имущественно-культурный уровень жизни и переходящих в качество—создает реальную границу коллектива. Вне ее получаются лишь общие коэффициенты, которые ничего не характеризуют.

Таким образом, первая разница между двумя концепциями коллектива состояла в том, что в одном случае мы имели априорный, от разума построенный коллектив, который имел право и не иметь материальное существование, а мог и иметь—это по желанию, а, в другом, мы имели реальные качественные коллективы, рождающиеся, образующиеся, дифференцирующиеся, деформирующиеся и трансформирующиеся в конкретных условиях реальной борьбы за существование, реального развития производительных сил, реально существующих производственных отношений.

Но это—одно различие. Другое различие состоит в том, что в первом коллективе мы не имеем никакой границы количества, им можно оперировать, действительно, как совершенно абстрактным коллективом, упражняя на нем сколько угодно свои математические познания или свое пристрастие к математическим вычислениям, в то время как второй коллектив имеет те качественные границы, с помощью которых мы характеризуем социальные отношения, те именно, какие называются в мире социально-экономических явлений—классовой борьбой.

Ясно, что теоретики первого типа стоят вне какого-либо представления о существовании классовой борьбы. Ясно, что всеобщая конкурентная борьба может быть как-нибудь отразилась в их сознании и на их теоретических построениях, но более сложная концепция классовой борьбы, концепция качественных противоположностей и качественных границ, в реально существующих коллективах, эта концепция для них не существует.

Эти-то моменты различного понимания коллектива и создают различные предпосылки для приближения и понятия случайности. В самом деле, при первом понимании коллектива, вернее: при том мировоззрении, которое рождает это понимание, естественно, приходить лишь к представлению о формальной границе между случайным и необходимым, т.-е. случайное в худшем случае трактуется, как случайное уклонение от нормы, а в лучшем как нечто непознаваемое. В первом случае, т.-е. при ориентации на всеобщую конкурентную борьбу, исходят из существования созданного волей бога или природы «нормального образца», как это делал Лахтин в своем курсе математической статистики, говоря о количественных вариациях в биологии. Во втором случае при настроениях, выросших в эпоху промышленного и монополистического капитализма, мы имеем дело с детерминизмом—и случайное, и необходимое тут являются раз навсегда данным, неподвижным, необ'яснимым и обязательным и постольку в массовом макроскопическом масштабе об'ективным. Необходимое—необходимо, случайное—

случайно, а что сверх того, то от лукавого. В этом смысле случайное и становится об'ективным, хотя эта об'ективизация и совпадает с об'ективизацией владельца игорного дома.

На первую концепцию мы находим великолепный ответ у Энгельса. Как раз к этого рода статистической биологии применимо то, что он говорит в своей «Диалектике природы»:

«Другая противоположность, в плену которой находится метафизика, это—противоположность между случайностью и необходимостью. Есть ли что-либо более противоречащее друг другу, чем обе эти логические категории? Как возможно, что обе они тождественны, что случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно? Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как категории, безусловно исключающие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим. Таким образом, оба существуют бок-о-бок в природе; в последней заключаются всякого года предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, при чем важно только одно—не смешивать их между собой. Так, например, принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов у одного и того же вида случайными; и это относится к кристаллам, как и к растениям и животным. При этом, в свою очередь, низшая группа рассматривается как случайная по сравнению с высшей: так, например, считают случайным то, сколько имеется различных видов genus felis или agnus, или сколько имеется родов и порядков в каком-нибудь классе, или сколько существует индивидов в каждом из этих видов, или сколько имеется различных видов животных в определенной области, или какова вообще фауна, флора. А затем об'являют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное безразличным для науки (Разрядка моя. *М. С.*). Это означает следующее: то, что можно подвести под закон, что, следовательно, знают, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы не знаем. Это означает следующее: что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может об'яснить, сводя непонятное ей к сверх-естественным причинам. При этом по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом (Разрядка моя. *М. С.*). Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки. Наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь».

Но любой теоретик статистики первого типа и даже второго типа именно так и ставит вопрос о случайном, что оно является выражением нашего незнания. Я не буду приводить здесь достаточно известных цитат, их и т. Гессен приводит; аргумент от незнания приводится в любом трактате по статистике, начиная от Лапласа. Если ставится вопрос о том, где применяется статистика, где применяется макроскопический анализ коллектива, то на него дается ответ—он применяется там, где мы не можем познать причину случайных вариаций. И тут на сцену является либо бог, Природа

с большой буквы и тому подобные хорошие или нехорошие вещи, либо же вместо них появляется тот более или менее приличный или более или менее неприличный детерминизм, о котором тоже говорит Энгельс—детерминизм, считающий, что все существующее необходимо, что исследовать, собственно говоря, нечего и что случайное вообще не существует.

«Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший в естествознание из французского материализма и рассчитывающий покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Согласно этому воззрению, в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином извечным решением божиим, или, вместе с турками, кисметом, или же назовем необходимостью. Ни в одном из этих случаев мы не двигаемся с места. Так называемая необходимость остается простой фразой, а благодаря этому и случай остается тем, чем он был... Если тот факт, что определенный стручек заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то значит, действительно, не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградируется до уровня случайности. Мало того. Можно сколько-угодно утверждать, что разнообразие находящихся на определенном участке бок-о-бок органических и неорганических видов и индивидов покоится на ненарушимой необходимости, но для отдельных видов и индивидов остается тем, чем было, т.-е. случайным. Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно застает вокруг себя, какие враги и сколько именно врагов угрожают ему».

Конечно, если мы имеем дело с коллективом первого сорта, явившегося по терминологии Энгельса результатом произвольного логического построения, иначе говоря, если мы допускаем формальное математическое существование коллектива, или же привлекаем к делу коллектив, созданный в совершенно искусственных условиях, то в этих коллективах соотношение элементов можно признать раз навсегда данным, устойчивым, а подбор случайных величин в этом соотношении не доступным нашему сознанию—число кулаков, число преждевременно умерших и т. д.,—все это непознаваемая случайность.

Этому пониманию Энгельс противополагает учение Гегеля:

«В противовес обоим этим взглядам выступает Гегель с неслыханными до того утверждениями, что случайное имеет основание, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя, как случайность, и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость (Гегель, «Логика», 2 кн., отдел: Действительность)».

И далее:

«В то время как естествознание продолжало так думать, что с д е л а л о оно в лице Дарвина.

Дарвин, в своем составившем эпоху произведении, исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усумниться в прежней основе, прежней закономерности в биологии, усумниться в понятии вида, в его прежней метафизической неизменности и постоянстве. Но без понятия вида вся наука теряла свой смысл. Все ее отрасли нуждались в понятии вида: чем были бы без понятия вида анатомия человека, антропология, геология, палеонтология, ботаника и т. д.

Все результаты этих наук стали не только спорными, но были просто уничтожены. Случайность уничтожает необходимость, как ее понимали до сих пор. Прежнее представление о необходимости отказывается служить. Сохранять его — значит навязать природе, в качестве закона, противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение, значит отрицать всякую внутреннюю необходимость в живой природе, значит вообще об'явить хаотическое царство случая единственным законом живой природы. Неужели закон и пророки потеряли весь свой авторитет, — кричали вполне последовательно биологи всех школ?» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», ГИЗ, 1925 г., кн. II).

Но без понятия видов вся наука теряет смысл: по старой школе, виды созданы богом или еще кем-нибудь, и существуют в таком виде, в каком первоначально созданы, без каких бы то ни было изменений. Вся революционность дарвиновской науки как раз состояла в том, что он от неподвижности переходил к бесконечной трансформации, к беспрерывному изменению видов.

Чтобы правильно понять это гегелевское учение о случайности, в котором самые понятия необходимости и случайности перестают друг другу противопологаться, чтобы понять, каким образом в процессе развития на сцену является случайность, в которой проявляет себя необходимость, нам, статистикам, которые хотят видеть этот процесс трансформации, уловить его, представить в конкретных, реально, а не математически существующих коллективах, приходится иметь дело со следующими моментами:

Учение Гегеля о становлении, о «беспокойстве становления» с учением Гегеля о случайном и необходимом связано теснейшим образом. Но и то, и другое еще теснее связано как раз с тем, с чем мы в нашей повседневной конкретной работе имеем дело—с учением о переходе количества в качество. В самом деле, в концепции старой школы не было никакой границы количества внутри коллектива. Могли быть вещи необходимые, могли быть случайные отклонения, на них можно было бы рассчитывать будучи акционером или владельцем игорного дома, или владельцем акций страхового общества, ориентируясь в целом на какой-то постоянный коллектив. Но как только вы имеете коллектив, способный трансформироваться, будет ли это коллектив трудящихся, или коллектив биологического характера, — как только вы имеете коллектив, который находится в процессе непрерывного становления, как только вы открываете глаза на то, что Гегель называет «беспокойством становления», сейчас же меняется и концепция случайного. Правда, термин «беспокойство становления», может быть, и имеет некоторую идеалистическую окраску (ведь нельзя забывать того факта, что Гегель по сути дела был идеалистом), но идеалистическое содержание этого выражения я отметаю и с этой оговоркой использовываю его выражение как остроумное и удачное. Там, где нет «беспокойства становления», в переводе на наш язык, там, где нет постоянного процесса трансформации путем противоречия, естественно, понятие случайного приобретает застывшую форму, и даже при наличии правильного макроскопического анализа вполне подходит под тираду Энгельса. Но как только вы представляете себе процесс превращения, — будет ли это в биологии или в экономике, или в мире, где имеет место процесс изменения, — сейчас же выступает на сцену гегелевское понимание случайного, которое вообще раз-на-всегда, отметает формальное противоположение случайного и необходимого, для которого необходимость сама проявляет себя в случайном, для которого случайность есть первый симптом новообразования, первый симптом перехода количества в качество, первый симптом процесса становления.

В коллективе, где все течет, все изменяется, все трансформируется пу-

тем противоречий, понятие необходимого и случайного не размежеваны точно, как в игре, где на коллектив приходится такое-то количество проигрышей и такое-то количество выигрышей, где есть твердое отношение элементов, «поддерживаемое природой», принимающееся многими теоретиками даже за «сущность вещей» и являющееся, якобы, ценным познавательным орудием. Вместо этого, в нашем постоянно трансформирующемся коллективе соотношения элементов все время меняются.

Как же определить этот коллектив? Я предлагаю такое определение: понятие о статистическом коллективе вообще является на сцену тогда, когда мы имеем дело с количественной вариацией, иначе говоря, когда мы имеем дело с коллективом элементов однородного качества, но с изменяющимся количеством; но это определение уже включает противоречие, ибо, если количество варьирует, то, очевидно, в известный момент этой варьяции образуется новое качество. Если несколько крестьян об'единились и образовали колхоз, т.-е. большое хозяйство, то оно качественно отлично от прежних хозяйств. Если в новое предприятие вложены большие капиталы, то получится качество совершенно нового типа; рентабельность этого предприятия, производительность труда в нем и т. д. будет совершенно иная. Следовательно, граница количества проходит — разрешите это еще раз подчеркнуть — там, где количество переходит в качество. Это и есть гегелевская «граница количества», и именно она, — я еще раз к этому возвращаюсь, — фигурирует в известной статистической работе Ленина, при чем в его работе особенно замечательно следующее: Ленин не имел динамического материала во времени. Он имел только отрывочный, но тщательно подобранный в тогдашних условиях статистический материал за определенный отрезок времени. И все-таки он здесь, анализируя внутренние отношения в этом коллективе, сумел вскрыть внутренние противоречия, нащупать новообразования и пути развития. В свете такого анализа, при ориентации на постоянное движение на сцену и является случайное, в котором проявляет себя необходимое. Иначе говоря, тут налицо новые элементы, новообразования, которые с точки зрения старой теории были лишь какими-то случайными отклонениями от установленных образцов, но которые, с точки зрения новой теории, являются тем случайным, в котором рефлектирует себя необходимое, в процессе трансформации действительного. У Гегеля есть такое определение случайности,—«это единство возможности и действительности», т.-е. в конкретных условиях действительность может выражать себя в различных формах. Следовательно, мы имеем здесь разнообразие количественных возможностей. Здесь, в сущности говоря, уже понятие случайного, как понятие произвольно логическое, совершенно отпадает, совершенно отметается, и здесь случайность, в которой отражает себя необходимость, есть симптом развития, симптом движения, симптом нарушения границы коллектива.

Я думаю, что эти старые представления о случайности, как об отклонении от какой-то нормы, или о чем-то таком, что китайской стеной отгорожено от необходимости, представления, к сожалению, дожившие до наших времен и выступающие в некоторых советских изданиях, сыграли свою немалую роль в целом ряде такого рода статистических построений, которые имели уже не только теоретическое значение, а, следовательно, приносили не только теоретический вред.

Я помню период первого планирования, когда мы имели дело с первым планом, который, как известно, был нашим правительством и партией «снят», выражаясь по Гегелю. В самом деле в этом плане, как известно, представители старой школы формальной статистики сыграли очень большую роль. Как они представляли себе движение, развитие, проектировку движения в будущем? Исходя из прошлого. Ведь любопытная вещь — на известном периоде развития

статистика, при всем желании, не может уже оставаться теорией статики. Статичность уже нельзя противополагать динамичности. То благополучное время эпохи торгового капитализма, когда можно было медленное движение условно принимать за неподвижность и строить на ней закон статистического познания, все-таки отошло в область предания. Мир промышленного капитализма—это уже мир быстрого движения. И вот, в статистике является на сцену теория временного ряда, теория движения. Она зарождается и обосновывается прочнее всего в Америке, и разрабатывается в содержимом на средства финансового капитала Гарвардском университете. И тут-то является любопытное насилие над движением. Насилие это состоит в том, что для об'яснения движения прибегают к сугубо упрощенным методам. Берут известный отрезок кривой, эмпирически наблюденный, выводят его уравнение и экстраполируют его в будущее, а всякие наблюденные колебания выравнивают, да еще говорят, что было бы лучше, если бы все шло по прямой линии [1]). Эта любопытная теория — статистическая теория—движения или попросту насилие над действительностью зародилась в условиях буржуазного общества, где резкий поворот кривой считался за случайное отклонение от нормального развития общества. Но ее пытались перенести в наши условия, в первую эпоху планирования, планирования на основе «эмпирических закономерностей» (Громан), когда будущее развитие представляли себе только, как формальную математическую экстраполяцию предыдущего отрезка времени.

С этой эпохой мы покончили, но она еще близка от нас, и борьба с ней еще обязательна. Новые темпы развития упорно не принимались старыми теоретиками, для которых поворот кривой был чем-то случайным, нарушающим раз-на-всегда заведенный, математический закон, определенный ход развития. Вот это «случайное», составляющее в наших условиях величайшее, необходимейшее требование строительства социализма очень долго не воспринималось теоретикам этого сорта. Мне пришлось читать работу одного из них, еще не изданную, где прямо говорится, что плановое хозяйство производит какое-то насилие над естественной кривой развития. Конечно, между нашими условиями проектирования будущего и тем, что называется у капиталистических ученых «экономическим предвидением», разница большая. Статистик капитализма наблюдает кривую развития, как некий астроном наблюдает движение светил со всеми его случайностями; процесс развития совершается вне его воли и предсказания его на будущее имеют лишь формальный характер. Мы же никакого астрономического развития не знаем. Мы знаем темпы, определяемые строительством социализма, они вытекают из необходимости поднять уровень существования широких масс наших граждан от завещанного нам звериного уровня до высоко-человеческого. Для этого необходим высокий темп развития, и, следовательно, нам нет никакого дела до старой кривой, построенной на основе учения об априорном коллективе. Случайное в изменении темпов движения для нас не случайно. Это только те темпы развития, в которых проявляет себя необходимость нашей эпохи социалистического строительства.

Тема моя весьма обширная, и в одной статье ее не исчерпаешь. Поэтому в настоящей статье я попыталась сказать только наиболее существенное. Я не знаю—удалось ли мне это, и перед тем, как ее закончить, мне хотелось бы еще раз остановиться на одном моменте. Мы как будто уже отошли от формально логических построений старой теории статистики, но, к сожалению, она имеет еще влияние на советскую теорию и советскую практику и фигурирует еще в некоторых наших советских изданиях. По этому поводу позволю себе сделать маленькое отступление. Года 3 тому назад, тов. Блюмин

[1]) См. статью «Вековая тенденция» в БСЭ.

читал в Комм. Академии доклад, в котором он изложил схему своей будущей работы «Суб'ективная школа в политической экономии». И вот, в процессе споров выступил один сотрудник бывшего Кон'юнктурного института при Наркомфине и сказал, примерно, следующее: «Напрасно вы, т. Блюмин, так сурово критикуете теорию предельной полезности, она в советской практике очень и очень полезна». Правда, это было в 1926 г., а не в 1930 г., но и в 1926 г. мы уже достаточно далеко зашли для того, чтобы в нашей советской практике нельзя было больше опираться на теорию предельной полезности. И все же такое утверждение имело место. И вот, я боюсь, что и в 1930 г. там, где нужна еще более тонкая теория, чем теория экономики, а именно—теория диалектического материализма,—мы еще тоже не совсем готовы.

Чтобы закончить эту статью, я приведу здесь то определение диалектики, которое дает Ленин в IX Сборнике: «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга. Почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую».

До освоения такой концепции случайного и необходимого, количества и качества нам в теории статистики, да и в нашей статистической практике, пока еще достаточно далеко. И наша ближайшая задача состоит в том, чтобы это определение диалектики сделать не только абстрактным определением, которое дано в IX Ленинском Сборнике, в качестве примечания к Гегелю, — а практическим руководством в нашей повседневной советской, в том числе и статистической и плановой, работе.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова. Том XXIII. Переписка. 1861—1867 гг. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз. М.—Л. 1930 г. XX+523 стр.

Том XXIII, в отличие от XXI и даже от XXII, захватывает читателя прежде всего необычайным драматизмом целого ряда мест. Перед глазами встает живой Маркс, Маркс — человек, ученый, революционер. Книга воспроизводит перед нами всю обстановку одного из интереснейших периодов жизни и деятельности Маркса. Третий том переписки еще в большей мере, чем предыдущие, вводит нас в «лабораторию» Маркса, на деталях показывая, как он работал, и тем самым давая нам возможность более глубоко вникнуть в метод великого диалектика.

Переписка 1861—1867 гг. идет под знаком «Капитала» и Интернационала. Это само по себе обеспечивает ей громадную теоретическую и историческую ценность и чрезвычайный интерес. Она относится к одному из богатых событиями периодов мировой истории, когда произошла война северных и южных штатов Северной Америки, восстание в Польше, австро-прусская война, когда назревала франко-прусская война, когда повсюду в Европе разгоралось национальное движение. Все это отражено в переписке двух гениальных друзей, все это приобретает, благодаря письмам, новый, более глубокий, смысл.

Необходимо отметить крупную заслугу института К. Маркса и Ф. Энгельса, сумевшего собрать столь ценное для нас богатство и выпустить его с максимальной полнотой. Из предисловия Д. Рязанова мы узнаем о том, какое громадное количество писем появляется в свет впервые. Немецкое издание переписки, руководимое фактически Э. Бернштейном, подверглось жестокой цензуре последнего, опустившего по разного рода соображениям (чаще всего — суб'ективного порядка) более сотни писем.

«Бернштейну нельзя было браться, — говорит Ленин, — после его печально знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом» [1]).

Первый том переписки Маркса и Энгельса в лежащем перед нами издании богаче соответствующего тома немецкого издания на целых семь печатных листов, второй—на восемь, третий—на три. Всего в 3 томах 124 новых письма, среди которых имеются письма высокой научной ценности.

* * *

Прежде всего обратим внимание читателя на одно из пропущенных в немецком издании писем Маркса. Это — письмо от 27 июня 1867 г., имеющее высокую методологическую ценность. Оно посвящено вопросу о превращении стоимости в цену производства.

«Что касается упомянутого тобой неизбежного возражения мещанина и вульгарного экономиста (которые, конечно, забывают, что если они принимают в расчет оплаченный труд под именем заработной платы, то они неопла-

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, 1929 г., стр. 29.

ченный труд принимают в расчет под именем прибыли и т. д.), что в своем научном выражении это сводится к вопросу: как превращается стоимость товара в его цену производства, в которой:

1) вся сумма труда представляется оплаченной в форме заработной платы:

2) прибавочный же труд или прибавочная стоимость принимает под именем процента, прибыли и т. д. форму надбавки на цену, а именно надбавки на издержки производства (=цена постоянного капитала + заработная плата).

Ответ на этот вопрос предполагает:

I. Что прослежено превращение, напр., дневной стоимости рабочей силы в заработную плату или цену дневного труда. Это выполнено в главе V этого тома (I тома «Капитала» *Н. П.*).

II. Что прослежено превращение прибавочной стоимости в прибыль, прибыли в среднюю прибыль и т. д. Это предполагает предварительное изложение процесса обращения капитала, так как оборот капитала и т. д. играет при этом роль. Об этом может итти речь лишь в третьей книге... Здесь обнаружится, на какой основе возникает система представлений мещанина и вульгарного экономиста, именно, она возникает благодаря тому, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь. Если бы, впрочем, последнее имело место, то зачем вообще нужна была бы тогда наука?

Если бы я захотел предупредить все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод изложения. Наоборот, этот метод имеет то преимущество, что он ставит этим господам на каждом шагу ловушки, вынуждающие их к несвоевременному обнаружению их глупости».

Как полезно было бы это место нашим доморощенным политэкономам, которые, не боясь «испортить диалектический метод изложения», отважно ставят на первое место цену и прибыль и уже за ними стоимость и прибавочную стоимость (ср. учебник В. Мотылева, книжку Гожанского и др.).

В сравнительно краткой рецензии невозможно отобразить все богатство мыслей, которые читатель находит в XXIII томе. Поэтому приходится остановиться лишь на некоторых вопросах. Другие товарищи осветят высказывания Маркса по вопросам философии, истории, политики, Интернационала. Мы ограничимся кругом проблем теоретической экономии.

Система экономических взглядов Маркса значительно развилась и обогатилась за семилетие, охватываемое перепиской, 1861—1867 гг. Маркс постоянно сообщает в своих письмах, что он занят своей книгой — «Капиталом» — завершение которой он сам и Энгельс ожидают со дня на день, с недели на неделю, начиная с 1862—1863 гг. Чрезвычайная научная добросовестность не позволяет, однако, приступить к отделке рукописи для сдачи ее в типографию до тех пор, пока остаются хоть какие-нибудь литературные источники, еще не обследованные, хоть какие-нибудь проблемы, не включенные в общую систему взглядов и тем самым не разрешенные. Маркс придавал большое значение тому, чтобы все звенья его теоретической концепции были строго согласованы друг с другом. В письме 31 июля 1865 г. мы читаем:

«...Я не могу что-либо отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной готовым... Одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А этого можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе готовым. Методом Якова Гримма этого не достигнешь; он больше подходит к сочинениям, не представляющим собой диалектически расчлененного целого».

Стоит подумать над этим местом. Оно дает много поучительного для писателей-теоретиков наших дней. Сколь часто, увы, мы не только не заботимся о том, чтобы наши произведения представляли из себя «диалектически расчлененное целое», но даже не знаем, что это значит. Сплошь и рядом видишь, как автор усердно нанизывает одну часть своей работы на другую, скрепляя их еле заметными чисто-поверхностными спайками. Вместо «диалектически расчлененного целого» перед нами оказывается арифметическая совокупность, в которой можно переставлять главы и разделы одни на место других, как угодно, которые можно читать, начиная с любого места. Единая идея не пронизывает всего произведения, не развивается с железной необходимостью из главы в главу.

* * *

В 1858 г. Маркс представлял себе будущий «Капитал» иначе, чем он получился. Он предполагал систематически охватить гораздо большее количество вопросов, чем это удалось ему при его жизни. 2 апреля 1858 г. он писал Энгельсу:

«Вся стряпня распадается на шесть книг: 1. О капитале. 2. Земельная собственность. 3. Наемный труд. 4. Государство. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок» [1]).

В действительности ему удалось полностью исчерпать только первые 3 части, составившие содержание «Капитала» в известном нам виде. Что касается вопросов о государстве, о международной торговле и международном рынке, то они в основном уже нашли себе разрешение в голове Маркса, однако не успели вылиться на бумагу в систематическом изложении. Отдельные замечания, рассыпанные по всем работам Маркса, позволяют, однако, нам видеть, как понимал Маркс многогранную действительность экономических отношений. Нужно очень мало владеть диалектикой, чтобы, например, думать вместе с тов. Бухариным, что «в «Капитале» — не наша действительность», что там берется «абстрактное капиталистическое общество», что «проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновения различных капиталистических тел, проблемы государства»... [2]).

Взять хотя бы рецензируемую книгу. В ней мы находим ряд любопытнейших мест о государстве, о «нации» и о том, что у нас принято называть «национальным хозяйством».

4 ноября 1864 г. Маркс сообщает Энгельсу, что ему пришлось на заседаниях Интернационала не мало потратить сил для того, чтобы устав Интернационала не содержал таких совершенно невозможных задач, как «создание чего-то в роде центрального правительства... рабочего класса Европы». Это было бы перескакиванием через стадию национальных хозяйств, буржуазных национальных государств, которыми, наоборот, необходимо было овладеть предварительно, и затем уже двигаться по пути к мировой диктатуре пролетариата. Марксу лишь с большим трудом удалось изменить положение и добиться того, что «поскольку в «Адресе» говорится об international politics [о международной политике], я говорю о countries [о странах], а не о nationalities [а не о национальностях]».

Через 2 года Маркс встречается с той же проблемой. 20 июня 1866 г. он пишет:

«Вчера в Совете Интернационала происходили дебаты о теперешнем военном положении.

...Представители «Jeune France» (не рабочие) настаивали на том, что и национальность и сами нации — «des préjugés surannés» [«устаревшие предрассудки»]. Это — прудонизированное штирнерианство. Разложить все на маленькие «groupes» или «communes» [«группы» или «коммуны»], которые снова образуют «союз», но не государство. И это «индивидуализирование» человечества и соответствующая «mutualisme» [«взаимная поддержка»] должны происходить таким обра-

---

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, 1929 г., стр. 327.

[2]) Н. Бухарин, Атака, изд. 2-е, стр. 265.

зом, чтобы во всех остальных странах история приостановилась и чтобы весь мир ждал, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают этот эксперимент, и весь мир, побежденный силою их примера, сделает то же...

Англичане очень смеялись, когда я начал свою speach [речь] с указания, что наш друг Лафарг и т. д., упразднивший национальности, обращался к нам на «ф р а н ц у з с к о м» языке, т. е. на языке, которого девять десятых аудитории не понимали. Далее я указал, что он совершенно бессознательно под отрицанием национальностей понимал, повидимому, их растворение в образцовой французской нации».

К тому же понятию современной национальности Маркс и Энгельс не один раз возвращаются в связи с событиями в Германии.

«Бисмарк, чтобы получить возможность управлять внутри страны несколько месяцев феодальным и абсолютистским образом проводить with a vengeance [с яростью] во вне политику буржуазии, подготовляет господство буржуазии, избирает пути, по которым можно двигаться только при помощи либеральных, даже революционных средств, и при этом заставляет своих собственных юнкеров фактически итти против своих собственных принципов» (Письмо Энгельса от 9 июля 1866 г.).

«В политическом отношении Бисмарк будет вынужден опереться на буржуазию, которая нужна ему как противовес имперским князьям. Может быть, еще не в данный момент, ибо пока еще достаточно престижа и армии. Но уже для того, чтобы добиться от парламента необходимых условий для центральной власти, он должен дать что-нибудь буржуа, и естественный ход вещей всегда заставит его или его преемников опять апеллировать к буржуа; так что если даже в настоящий момент Бисмарк, возможно, дает буржуа не больше того, что о н в ы н у ж д е н дать, то все-таки обстоятельства будут все более и более толкать его в сторону буржуазии.

Эта позиция имеет ту положительную сторону, что она упрощает положение и тем облегчает революцию, устраняет драку маленьких столиц и, во всяком случае, ускоряет развитие. В конце концов германский парламент ведь совсем другое дело, чем прусская палата. Все маленькие государства будут вовлечены в движение, прекратятся самые худшие локализирующие влияния, и партии станут, наконец, действительно национальными, а не чисто-местными...

Итак, по-моему, мы не может делать ничего другого, как просто принять факт, не одобряя его, и использовать, поскольку возможно, возникшие теперь большие возможности для н а ц и о н а л ь н о й организации и об'единения германского пролетариата» (Письмо Энгельса от 25 июля 1866 г.).

«Вопреки всем завываниям об «империи» и пр., единство Германии, повидимому, начинает перерастать и Бисмарка и всех пруссаков» (Письмо Энгельса от 4 апреля 1867 г.).

* * *

Не было бы ничего более наивного, как полагать, что экономическая концепция Маркса, как она нам известна, сложилась у него сразу. Знакомясь по письмам с духовной лабораторией Маркса, мы лишний раз убеждаемся, насколько высока была у него «способность самоотречения, это мужество разума».

18 июня 1862 г. он пишет:

«Заодно я уже, наконец, раскусил окончательно и поганую земельную ренту (на которую я в э т о й части не хочу даже и н а м е к а т ь). У меня уже давно были сомнения относительно правильности рикардовской теории, а теперь я окончательно вскрыл обман».

2 августа намерения Маркса изменяются. «Я все-таки намерен уже в этом томе дать в качестве вставной главы теорию ренты». Далее следует краткое изложение вопроса о ценах производства и выводится тезис: «Тут вмешивается земле-

владелец и присваивает себе разницу между стоимостью и ценой производства... Если соотношение в сельском хозяйстве поднимается до С 80, V 20 (в выше приведенном примере), тогда абсолютная рента исчезает. И остается одна только дифференциальная рента».

Однако уже в пост-скриптуме к тому же письму мы замечаем иные нотки. Абсолютной ренты «не уплачивают там, где — по закону или фактически нет собственности на землю».

Энгельсу в это время проблема земельной ренты представлялась, очевидно, иначе. 8 августа 1862 г. он пишет, что «далеко еще не ясно существование «абсолютной» ренты». Теперь Маркс ему отвечает уже в категорическом тоне:

«Единственно, что мне с теоретической точки зрения приходится доказать, это возможность абсолютной ренты, не нарушающей закона стоимости. Это есть тот самый пункт, вокруг которого вертятся все теоретические споры от физиократов до наших дней. Рикардо отрицает эту возможность; я ее утверждаю...

Что касается существования абсолютной земельной ренты, то это такой вопрос, который должен быть статистически разрешен для каждой страны отдельно...

Я доказываю, что если даже допустить существование абсолютной земельной ренты, то из этого отнюдь не надо делать вывод, что наименее обработанный участок земли или самый скверный рудник under alle circumstances [при всех обстоятельствах] уплачивает ренту; из этого следует лишь то, а это очень возможно, что они, продавая свои продукты по рыночной стоимости, вынуждены продавать их ниже их индивидуальной стоимости».

Энгельс 9 сентября вновь уверяет Маркса, что его теория ренты является «слишком абстрактной».

В рецензируемой переписке вопрос о ренте больше не обсуждается. Лишь из одного письма Маркса (от 13 февраля 1866 г.), мы узнаем, что этим вопросом он занимался чрезвычайно много. «Один только отдел о земельной ренте, предпоследняя глава, составляет, в теперешнем виде, почти книгу». Это тот самый отдел о земельной ренте, который составил часть III тома «Капитала». Как видим, в 1866 г. Маркс думал еще этот отдел сделать предпоследней главой I тома «Капитала».

Кстати, отметим, что, вопреки ходячему представлению, Маркс мыслил свое произведение состоящим из 4-х книг, при чем IV-й должна была явиться работа, известная нам как «Теории прибавочной стоимости». В 1865 г. первые 3 книги были в основном уже закончены; последнюю Марксу только еще предстояло написать. Вот что Маркс говорит об этом в письме от 31 июля 1865 г.:

«Что касается моей работы, то я сообщу тебе об этом чистую правду. Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги). Затем еще нужно будет написать четвертую книгу, историко-литературную; это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее повторением в исторической форме. Но я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной готовым».

* * *

Большой интерес представляет в переписке вопрос о фонде, который образуется вследствие снашивания машин. Еще в 1862 г. Маркс ставит перед своим другом этот вопрос таким образом:

«Что происходит с фондом, предназначенным на возмещение каждый год $1/10$ машин? Не является ли он на деле аккумуляционным фондом для расширения воспроизводства, независимо от всех conversions of revenue into capital? [Превращений дохода в капитал?]. Не об'ясняет ли наличность этого фонда отчасти сильное различие в норме накопления капитала между нациями с сильно развитым капиталистическим производством, т.-е. с большим capital fixe [основным капиталом], и нациями, у которых этого нет?» (20 августа 1862 г.).

Это свое письмо Маркс вспоминает через пять лет. 24 августа 1867 г. он пишет:

«Для последней части второй книги (процесс обращения), которую я теперь пишу, я должен опять, как много лет тому назад, прибегнуть к тебе в одном вопросе.

Постоянный капитал приходится восстанавливать in natura [в натуре] лишь по истечении — скажем примерно — десяти лет. За это время его стоимость возвращается фабриканту частично и постепенно, по мере продажи товаров, изготовленных при помощи этого капитала. В этих прогрессивных returns (возвратах) возникает надобность для восстановления постоянного капитала (оставляя в стороне repairs (ремонт и т. п.) только после того, как он уничтожился в своей вещественной форме, напр., в виде машин. Но все время до этого капиталист пользуется этими последовательными returns (возвратами).

Много лет тому назад я писал тебе, что мне кажется, что таким образом образуется фонд накопления, ибо ведь капиталист пользуется возвращаемыми суммами в промежуточное время, до момента восстановления при их помощи постоянного капитала...».

Ответ на вопрос фактически уже содержится в самом вопросе. От Энгельса требуется лишь подтверждение, проверка этого ответа чисто-практическим путем, что он и делает в своих двух ближайших и чрезвычайно интересных письмах (от 26 и 27 августа 1867 г.), которые должны быть известны всем товарищам, работающим над проблемой воспроизводства.

Кстати, выразим недоумение, почему редакция XXIII тома не дала русского перевода или хотя бы разборчиво воспроизведенного немецкого текста приложенной к письму от 6 июля 1863 г. «Tableau économique». Вместо этого дано факсимиле, в уменьшенном виде, чрезвычайно неразборчивое и недоступное даже для лиц, хорошо знающих иностранные языки. А между тем эта таблица никак не может трактоваться в качестве простой иллюстрации, которую можно было дать в виде приложения, а можно было и не давать. Таблица является основной составной частью письма, имеет громадное значение и ее надо было дать по-русски. А теперь читателю придется, как и до сих пор, прибегать к помощи сокращенного сборника писем Маркса и Энгельса, выпущенных под редакцией Адоратского «Московским Рабочим», где эта таблица дана по-русски. Между тем сборником тов. Адоратского в этой части пользоваться в сущности нельзя, так как таблица в нем дана далеко не полно, что бросается в глаза при сопоставлении ее с факсимиле XXIII тома.

* * *

Нет возможности остановиться на всех интереснейших высказываниях хотя бы только по вопросам политической экономии, которые мы находим в переписке. Говоря словами Ленина, «если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса» [1]).

* * *

В заключение необходимо специально отметить биографическую ценность рецензируемого тома переписки. Маркс и Энгельс встают перед нами как живые люди, далекие от того «иконописного» изображения, какое создалось у многих

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, 1924 г., стр. 30.

Письма читаются захватывающе, как роман, поражают драматизмом всего того, что в них отображено. Порою кажется, что перед глазами проходит кинолента почти чувствуешь походку Маркса.

Мы часто жалуемся или слышим жлобы других: времени нет заниматься учебой или научно-исследовательской работой, общественные «нагрузки» заели, материальные условия не позволяют. Почему-то мы думаем, что Маркс работал в каких-то иных, лучших, условиях.

Когда читаешь XXIII т. Сочинений Маркса и Энгельса, поражаешься, как вообще можно было работать в тех материальных условиях, в которых находился Маркс. Крайняя нищета, нищета, переходившая в голодовку, изнурительные болезни всех членов семьи Маркса и особенно самого Маркса, страдавшего фурункулезом, этой болезнью плохо питающихся слоев населения, — таковы были условия, в которых создавался «Капитал». И если бы не самоотверженная помощь друга Энгельса, в течение двух десятков лет помогавшего Марксу, появление основного теоретического произведения было бы сильно замедлено или совсем оказалось невозможным.

Можно ли хладнокровно читать такие строки: «В школу я на новую четверть детей послать не мог, так как я не уплатил еще по старому счету, да и, кроме того, они в недостаточно презентабельном виде» (26 января 1863 г.). Маркс не мог послать детей в школу по бедности! Это -- более ужасно звучит, чем многочисленные места о полуголодном существовании.

В другом месте: «На этот раз дело шло о жизни. Моя семья не знала, насколько случай был serieux [серьезен]. Если эта история повторится еще в той же форме три—четыре раза, то я готов. Я отчаянно похудел и дьявольски ослабел, т.-е. не голова, а бедра и ноги. Врачи совершенно правы, главная причина этого рецидива чрезмерная ночная работа. Но я не могу сообщить этим господам... о причинах, вынуждающих меня к этой экстравагантности» (10 февраля 1866 г).

А мы шумим на каждом шагу на счет того, как мы сверх головы загружены, как нам тяжело и т. д. Да мы в идеальных условиях находимся—прочтите письма Маркса, увидите сами!

Н. Петров.

Людвелл ДЕННИ. Америка завоевывает Британию. Рекорд экономической войны. Перевод с английского, под редакцией А. М. Гинзбурга и с предисловием К. Радека. ГИЗ. 1930 г. Изд. I, тираж 6,000 экз., стр. 440. Изд. 2-е, тираж 10.000, стр. 440.

В нашу эпоху англо-американскому противоречию принадлежит такое же почетное место, какое до мировой войны и Версальского мира занимало противоречие англо-германское. Аналогия, действительно, очень большая!

В самом деле, и тогда, и теперь два мощных империалистических государства: одно сравнительно молодое и другое старое, дряхлеющее, умирающее, но еще не умершее выступают друг против друга. Так же, как раньше, империалистическая Германия не могла развиваться, не ставя проблемы передела уже давно разделенного мира, Соединенные Штаты Северной Америки тоже не могут итти вперед, не приходя в кровавое столкновение с Англией. Также как и до мировой войны, не могла итти назад или стоять на месте Германия, не могут стоять на месте Северо-Американские Соединенные Штаты. Они должны итти вперед, но это их движение приведет неминуемо к кровавой битве с английским империализмом. Это прекрасно осознают и политические вожди обоих империалистических государств. Еще не успели отзвучать торжественные речи в Версале, как Англия в лице своих либерально-консервативных вождей почувствовала, что на место поверженной ниц, но еще не уничтоженной экономически и политически Германии, выступил новый,

Это свое письмо Маркс вспоминает через пять лет. 24 августа 1867 г. он пишет:

«Для последней части второй книги (процесс обращения), которую я теперь пишу, я должен опять, как много лет тому назад, прибегнуть к тебе в одном вопросе.

Постоянный капитал приходится восстанавливать in natura [в натуре] лишь по истечении — скажем примерно — десяти лет. За это время его стоимость возвращается фабриканту частично и постепенно, по мере продажи товаров, изготовленных при помощи этого капитала. В этих прогрессивных returns (возвратах) возникает надобность для восстановления постоянного капитала (оставляя в стороне repairs (ремонт и т. п.) только после того, как он уничтожился в своей вещественной форме, напр., в виде машин. Но всё время до этого капиталист пользуется этими последовательными returns (возвратами).

Много лет тому назад я писал тебе, что мне кажется, что таким образом образуется фонд накопления, ибо ведь капиталист пользуется возвращаемыми суммами в промежуточное время, до момента восстановления при их помощи постоянного капитала...».

Ответ на вопрос фактически уже содержится в самом вопросе. От Энгельса требуется лишь подтверждение, проверка этого ответа чисто-практическим путем, что он и делает в своих двух ближайших и чрезвычайно интересных письмах (от 26 и 27 августа 1867 г.), которые должны быть известны всем товарищам, работающим над проблемой воспроизводства.

Кстати, выразим недоумение, почему редакция XXIII тома не дала русского перевода или хотя бы разборчиво воспроизведенного немецкого текста приложенной к письму от 6 июля 1863 г. «Tableau économique». Вместо этого дано факсимиле, в уменьшенном виде, чрезвычайно неразборчивое и недоступное даже для лиц, хорошо знающих иностранные языки. А между тем эта таблица никак не может трактоваться в качестве простой иллюстрации, которую можно было дать в виде приложения, а можно было и не давать. Таблица является основной составной частью письма, имеет громадное значение и ее надо было дать по-русски. А теперь читателю придется, как и до сих пор, прибегать к помощи сокращенного сборника писем Маркса и Энгельса, выпущенных под редакцией Адоратского «Московским Рабочим», где эта таблица дана по-русски. Между тем сборником тов. Адоратского в этой части пользоваться в сущности нельзя, так как таблица в нем дана далеко не полно, что бросается в глаза при сопоставлении ее с факсимиле XXIII тома.

* * *

Нет возможности остановиться на всех интереснейших высказываниях хотя бы только по вопросам политической экономии, которые мы находим в переписке. Говоря словами Ленина, «если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса» [1].

* * *

В заключение необходимо специально отметить биографическую ценность рецензируемого тома переписки. Маркс и Энгельс встают перед нами как живые люди, далекие от того «иконописного» изображения, какое создалось у многих

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, 1924 г., стр. 30.

Письма читаются захватывающе, как роман, поражают драматизмом всего того, что в них отображено. Порою кажется, что перед глазами проходит кинолента почти чувствуешь походку Маркса.

Мы часто жалуемся или слышим жалобы других: времени нет заниматься учебой или научно-исследовательской работой, общественные «нагрузки» заели, материальные условия не позволяют. Почему-то мы думаем, что Маркс работал в каких-то иных, лучших, условиях.

Когда читаешь XXIII т. Сочинений Маркса и Энгельса, поражаешься, как вообще можно было работать в тех материальных условиях, в которых находился Маркс. Крайняя нищета, нищета, переходившая в голодовку, изнурительные болезни всех членов семьи Маркса и особенно самого Маркса, страдавшего фурункулезом, этой болезнью плохо питающихся слоев населения, — таковы были условия, в которых создавался «Капитал». И если бы не самоотверженная помощь друга Энгельса, в течение двух десятков лет помогавшего Марксу, появление основного теоретического произведения было бы сильно замедлено или совсем оказалось невозможным.

Можно ли хладнокровно читать такие строки: «В школу я на новую четверть детей послать не мог, так как я не уплатил еще по старому счету, да и, кроме того, они в недостаточно презентабельном виде» (26 января 1863 г.). Маркс не мог послать детей в школу по бедности! Это — более ужасно звучит, чем многочисленные места о полуголодном существовании.

В другом месте: «На этот раз дело шло о жизни. Моя семья не знала, насколько случай был serieux [серьезен]. Если эта история повторится еще в той же форме три—четыре раза, то я готов. Я отчаянно похудел и дьявольски ослабел, т.-е. не голова, а бедра и ноги. Врачи совершенно правы, главная причина этого рецидива ч р е з м е р н а я н о ч н а я р а б о т а. Но я не могу сообщить этим господам... о причинах, в ы н у ж д а ю щ и х меня к этой экстравагантности» (10 февраля 1866 г).

А мы шумим на каждом шагу на счет того, как мы сверх головы загружены, как нам тяжело и т. д. Да мы в идеальных условиях находимся—прочтите письма Маркса, увидите сами!

Н. Петров.

Людвелл ДЕННИ. Америка завоевывает Британию. Рекорд экономической войны. Перевод с английского, под редакцией А. М. Гинзбурга и с предисловием К. Радека. ГИЗ. 1930 г. Изд. I, тираж 6,000 экз., стр. 440. Изд. 2-е, тираж 10.000, стр. 440.

В нашу эпоху англо-американскому противоречию принадлежит такое же почетное место, какое до мировой войны и Версальского мира занимало противоречие англо-германское. Аналогия, действительно, очень большая!

В самом деле, и тогда, и теперь два мощных империалистических государства: одно сравнительно молодое и другое старое, дряхлеющее, умирающее, но еще не умершее выступают друг против друга. Так же, как раньше, империалистическая Германия не могла развиваться, не ставя проблемы передела уже давно разделенного мира, Соединенные Штаты Северной Америки тоже не могут итти вперед, не приходя в кровавое столкновение с Англией. Также как и до мировой войны, не могла итти назад или стоять на месте Германия, не могут стоять на месте Северо-Американские Соединенные Штаты. Они должны итти вперед, но это их движение приведет неминуемо к кровавой битве с английским империализмом. Это прекрасно осознают и политические вожди обоих империалистических государств. Еще не успели отзвучать торжественные речи в Версале, как Англия в лице своих либерально-консервативных вождей почувствовала, что на место поверженной ниц, но еще не уничтоженной экономически и политически Германии, выступил новый,

гораздо более сильный противник в лице САСШ. Однако это противоречие первое время сильно затемнялось неустроенностью европейских дел и так же, как англо-германская борьба, вначале развивалось под знаком сближения обеих сторон и под звоикие речи о мире. В общем весь послеверсальский период может быть назван периодом подготовки вооруженного столкновения. Пацифистские разговоры о немыслимости войны между этими двумя странами лишь прикрывают колоссальную экономическую борьбу и прямую военную подготовку обоих государств.

Эта сторона англо-американского соперничества выяснена Людвеллом Денни очень хорошо. «Война немыслима»,—заявлял б. английский премьер Асквит перед войной 1914 г. Спустя несколько дней, Англия находилась в состоянии войны с Германией. «Война между Америкой и Англией немыслима», — говорят нам сейчас. Как припев звучит эта фраза чуть ли не во всех дискуссиях по вопросу об англо-американских отношениях. В том же уверяют нас английский премьер-министр Макдональд и американский президент Гувер, хотя прежде, когда им не приходилось говорить официальным языком, они высказывались менее оптимистически. Скептик, высказывающий сомнение в незыблемости этого догмата, не получит вразумительного ответа. Его назовут милитаристом и поджигателем войны и прекратят с ним всякий разговор» (стр. 1).

Для буржуазного ученого это чрезвычайно много. Книга Денни внесла диссонанс в тот шумный пацифистский концерт, разыгрываемый на славу всей буржуазной печатью, под прикрытием которого совершается дальнейший рост вооружений. Денни, конечно, не марксист и написал свою книгу отнюдь не для того, чтобы разоблачить классовую природу буржуазных правительств перед лицом революционного класса, отнюдь не для того, чтобы показать несовместимость современной ступени развития производительных сил с капиталистическими производственными отношениями, отнюдь не для того, чтобы доказать неизбежность социалистической революции. Нет! Людвелл Денни пацифист, но совершенно особого качества. Он убежден в том, что будущее Америки впереди, что старая, дряхлеющая Англия быстрыми шагами приближается к своему развалу, воспрепятствовать которому ничто не в состоянии. Он убежден в том, что из будущей великой борьбы САСШ выйдут победителями. Поэтому он и против войны, как совершенно ненужной и бесцельной бойни; поэтому он считает своим долгом показать людям, т.-е. Англии, истинное положение дел. «Существует реальная опасность войны. Идет жестокая борьба за внешние рынки, за сырье, за финансовое господство. Но не эта борьба сама по себе является наиболее серьезной опасностью». По его мнению, «настоящая опасность заключается в невежестве народов», в твердой вере их в то, что международные конфликты могут быть разрешены при помощи армий и флотов», в вере их в то, «что войну можно выиграть» (стр. 24).

Все это относится полностью к англичанам. Зачем воевать, разбрасывать по воздуху многие миллиарды долларов и уничтожать миллионы человеческих жизней, раз исход войны предопределен всем ходом экономического развития?!?. «Ни один человек, знакомый с фактами, не может по чистой совести отрицать того, что британская и американская экономические империи являются соперниками и ведут борьбу друг с другом. Ни один человек, знакомый с фактами, не может отрицать того, что во внешней торговле и в области капитальных вложений эти страны являются непосредственными конкурентами. Ни один человек, знакомый с фактами, не будет утверждать, что борьба ведется чистыми средствами. Наконец, ни один человек, знакомый с фактами, не может сказать, что речи насчет рукопожатия через океан или перемирия в области морского вооружения отодвинули опасность открытой войны... В современном мире... нет места для двух таких крупных, враждебных и грабительских империй, как Великобритания и Америка. Или Великобритания добровольно признает гегемонию Америки, или эта гегемония будет утверждена в кровавых боях». «Условия, которые некогда сделали Англию сильной, теперь делают ее слабой».

«Дни ее, как крупнейшей мировой державы, сочтены» (стр. 410—411).

Людвелл Денни не только умный апологет американского капитализма. Он вместе с этим и боец за него. Он считает своим долгом предостеречь американцев от увлечения, чреватого многими чрезвычайно тяжелыми последствиями. Он находит необходимым американцам указать на наличие ряда опасностей, ряда очень слабых мест. Он считает своей обязанностью предостеречь официальных вождей капиталистической Америки от переоценки своего могущества, указать на некоторые иллюзии американцев. «Нами владеет самая могущественная из иллюзий. Мы воображаем, что мы — «избранный народ». Но даже эта библейская фраза не удовлетворяет нас. Мы говорим ее по-новому, по-своему,—мы говорим, что Америка богатая страна. Таким образом, коммерческое соперничество, если верить закону и пророкам Америки, отнюдь не есть презренная базарная пыль. Базар становится в наших глазах храмом» (стр. 411—412).

Доказывая англичанам бесполезность ведения и экономической, и всякой прочей войны, Денни на всем протяжении своей книги указывает на то, что вторжение Америки в новые страны не всегда вызывает у них хорошее состояние духа. Нет! В ряде случаев они настраиваются явно антиамерикански. А этого рода настроения, вне всякого сомнения, будут использованы англичанами. Вот поэтому-то надо быть очень и очень осторожными.

«Американский джаз изгоняет Вагнера из Германии. Американская архитектура вытесняет греческую красоту; римские бани ныне изготовляются из американского свинца. Американский коктэйль завоевал парижские кафе. Гордость британского флота «Нельсон» имеет на борту американский содовый фонтан; британские борцы американизировались». «Мы были когда-то британской колонией. В свою очередь Великобритания, прежде чем погибнуть, станет нашей колонией, — если не формально, то фактически. Машины дали Великобритании власть над миром. В настоящее время лучшие машины дают Америке власть над всем миром и в том числе над Великобританией». «Ничто не может остановить нас». «Если Великобритания будет достаточно глупа, чтобы вступить с нами в войну, она лишь погибнет скорее» (стр. 414).

Но мы должны твердо помнить, что мы не всесильны, что мы тоже очень уязвимы. «Мы не довольствуемся тем, что Америка богатейшая страна великого шара. Гении в области механики, мы не можем наладить справедливого распределения нашего богатства. Вместо этого, мы эксплоатируем менее богатые нации. Империалистические тенденции бедного британского островка, по его мнению, можно до некоторой степени извинить. Но нет такого оправдания для нас, располагающих почти целым континентом, за счет которого можно богатеть. Но мы не лишены хитрости. Мы не повторим ошибки Великобритании и слишком умны, чтобы пытаться управлять миром, мы просто будем владеть им. Ничто не может нас остановить. Ничто — до тех пор, пока не загниет сердце нашей финансовой империи, как это обычно бывает со всеми империями» (стр. 414).

Таким образом, партийная физиономия Людвелла Денни вполне ясна: это — не революционер и не кабинетный ученый, а активный борец за лучшие будущие времена американского капитализма. Он против войны не по каким-либо моральным мотивам, а по соображениям чисто-делового характера: нечего бросать миллиарды на воздух, если исход битвы предопределен и его нужно только осознать. Он приводит колоссальный фактический материал из области англо-американской борьбы и если трактует его большей частью правильно, то только потому, что в данном случае научное исследование и его политические цели в некоторой степени совпадали. Экономически Северо-Американские Соединенные Штаты, действительно, завоевывают Великобританию.

В чем это выражается? В том, что в процессе ведущейся сейчас между обеими странами экономической войны Великобритания принуждена сдавать одну позицию за другой.

Англия раньше других европейских стран вступила на путь капиталистического развития. Это обстоятельство, в соединении с преимуществами географического положения, сделало ее первоклассной капиталистической державой, которая одно время была очень близка к мировой гегемонии. Она была промышленной мастерской всего мира. Ее товары развозились на собственных кораблях по всему свету и не имели себе равных по качеству. В ее руках были огромнейшие рынки и источники сырья.

Так было некогда. Индустриализация сначала европейских стран, а затем и ряда стран внеевропейских, вступление их на путь капиталистического развития, не только отняли у Англии ряд рынков, но и уничтожили ее былое монопольное положение. Эти страны не ограничились только заменой английских товаров своими, но стали продавать эти свои товары даже самой Англии, вступив, таким образом, в конкурентную борьбу с ней везде, где только можно.

Свое преобладание Англия поддерживала силой оружия. Огромный военный флот, по своей мощности превосходящий флоты двух сильнейших морских держав взятых вместе, охранял ее мировую торговлю и связь с колониями. Конец девятнадцатого века, ознаменованный вступлением капиталистического мира в новую стадию своего развития, в империалистическую стадию, одной из своих характерных черт имел усиление напора более молодых капиталистических стран на Великобританию. К этому времени раздел мира был уже закончен. Огромнейшие рынки и источники сырья были захвачены Англией, отгородившей их таможенным барьером от остальных стран. Поэтому такие страны, как Германия, не могли итти вперед, не ставя во всю ширь проблемы нового «черного» передела всего земного шара, т.-е. не могли развиваться, не ударяя по Англии.

Мировая война, закончившаяся военным поражением и территориальным расчленением Германии, не устранила англо-германских противоречий, но дала новую форму для их движения. Дальнейший поступательный ход германского капитализма наталкивается на узость внутреннего рынка, на отсутствие сырья, и необходимость завоевания новых рынков, что приводит и не может не приводить к новой постановке старых вопросов, попыткой разрешения которых будет новая война.

Но, не устранив противоречия интересов английского и американского капитализма, мировая война выдвинула ряд новых противоречий. Возвратившись на колониальные рынки, Англия нашла там обстановку совершенно изменившейся. Прежде всего, за время войны колонии сделали огромнейшие шаги по пути капиталистического развития, по пути индустриализации. Кроме того, на американском континенте окончательно оформился новый гигантский конкурент — Северо-Американские Соединенные Штаты, выступающий против Англии в мировом масштабе и отвоевывающий уже одну позицию за другой. Сейчас в основном английский капитализм залечил раны, нанесенные ему мировой войной. Но это выздоровление походит скорее на временное облегчение, вскоре после которого вновь открываются старые раны и возникают новые... Послевоенная эпоха есть эпоха дальнейшего развития и обострения всех капиталистических противоречий.

Одну сторону этого процесса, тенденции развития Англии, видит и Деви. Он отмечает, что «ее потери были больше ее приобретений», что война «ускорила индустриализацию стран, некогда зависевших от нее как в торговом, так и в производственном отношении», что эти страны «воздвигли против нее новые националистические тарифы и коммерческие барьеры», что Англии не удалось добиться устранения Германии как конкурента. «Ценою ужасающих страданий, ценою голода младенцев и уничтожения всего класса рантье вынужденная послевоенная дефляция в Германии привела к тому, что старая промышленность была разрушена

и на ее развалинах построена теперь новая, модернизированная промышленность, организованная лучше, чем где бы то ни было в Европе, и несравненно лучше, чем в Англии. Прошло всего лишь одно десятилетие после войны, которую Англия якобы выиграла, а Германия якобы проиграла. И вот Германия снова завоевывает мировой рынок, снова строит торговый флот, снова проникает с помощью картелей в промышленные предприятия других стран и в общем становится еще более грозным соперником Англии, чем была до войны» (стр. 29).

Картина очень яркая!

Но рядом с этим старым, поверженным ниц, но не уничтоженным, соперником вырос новый. Это Северо-Американские Соединенные Штаты, имеющие в более благоприятные естественные условия и хорошо оборудованную конкурентоспособную промышленность. Они добывают 71% нефти, 39% угля, 35% гидроэлектрической энергии, владеют 40% всех минеральных богатств, производят 60% пшеницы и хлопка, 55% строевого леса, 38% свинца и фосфоритов и т. д. и т. п.

Нью-Йоркский национальный комитет с'ездов промышленности выяснил, что Северо-Американские Соединенные Штаты обладают в полтора раза большим количеством лошадиных сил и производительность труда рабочего в два-три раза больше английского рабочего.

Процессы концентрации идут в САСШ гораздо быстрее, чем в Англии. Стандартизация и упрощение ассортимента вырабатываемых изделий дают им возможность производить и лучше, и дешевле. Поэтому конкурентоспособность американской промышленности на мировом рынке чрезвычайно велика. Поэтому Англия принуждена сдавать одну позицию за другой. Если до мировой войны Англии принадлежало 16% общего количества экспорта, а САСШ — 12%, то теперь они поменялись местами: сейчас Англия имеет уже только 12%, Северо-Американские же Соединенные Штаты — 16%.

Так как экспорт и для САСШ является не только проблемой процветания (как это думает Л. Денни), но т а к ж е и п р о б л е м о й с у щ е с т в о в а н и я, — то очевидно, что борьба за внешние рынки между обеими странами в дальнейшем обострится в еще большей степени. Верно то, что внешние рынки имеют для Великобритании огромное решающее значение. Верно, что Северо-Американские Соединенные Штаты обладают огромнейшим внутренним рынком, верно то, что экспорт САСШ составляет только 10% ее производства, но не верно умозаключать отсюда, подобно Л. Денни, что внешняя торговля для них имеет второстепенное значение. Роль внешней торговли, роль экспорта в работе американской промышленности все более и более увеличивается. Это приводит к еще большему обострению англо-американского конфликта. «Британия находится под двойным давлением: ее прежние покупатели покупают у нее меньше и становятся ее конкурентами на других мировых рынках». «Специфическим результатом является лишение Британии значительной доли ее торговли углем, сталью и текстилем, общий же результат для мирового рынка сводится к тому, что возникают более трудные условия для экспортирующих государств в то время, когда Британия в ее ослабленном состоянии имеет меньше возможности участвовать в общей конкуренции. Потеря старых рынков не явилась бы такой бедой, если бы Британия не осталась со старыми заводами на руках. Она не только должна искать новых рынков для старых отраслей промышленности, она должна найти новые рынки для новых отраслей промышленности. Ее устаревшее индустриальное оборудование, подходящее лишь для условий, которые никогда уже не вернутся, само по себе является препятствием для развития ее торговли». Английскому капитализму становится все труднее и труднее, в силу этих обстоятельств, преодолевать таможенные барьеры.

Денни правильно отмечает рост перепроизводства, как одно из самых характерных явлений послевоенной эпохи и как следствие этого дальнейшее обострение конкуренции в мировом масштабе. «В период, когда существует слишком много фабрик и машин для удовлетворения мировой покупательной способности, одна

производящая страна не может захватить рынок без того, чтобы другая страна его не потеряла» (стр. 61).

Однако у Денни хватает смелости для холодного анализа только британских возможностей. На них, как мы уже видели, он смотрит чрезвычайно пессимистически. Но в то же время он не имеет сил (а, может быть, не хочет) взглянуть такими же трезвыми, холодными глазами и на Америку. Он слишком хороший «американец», чтобы пророчить скверное будущее и американскому капитализму. Он не понимает того, что чем сильнее разгон капитализма, тем острее проявится его основное противоречие.

Прекрасно описав то огромное внимание, которое американское правительство уделяет своей внешней торговле, показав ее непрерывный рост, он в то же время заявляет, что для Америки она только побочный продукт!

САСШ и Англия конкурируют друг с другом не только в Южной Америке, Канаде, Австралии, Азии и Африке. Они подрывают также и ее европейскую торговлю.

Замечательно то, что экономические связи между обеими странами все более и более слабеют. Англия постепенно изгоняется с американского рынка. Более того, на ее собственной территории американские товары получают все большее и большее распространение. Одновременно с этим увеличивается число предприятий, контролируемых американскими монополистами. Американцы завоевывают Британию. Но не только ее: «General Motors Company, которая располагает за границей двадцатью четырьмя предприятиями и 6 тысячами агентств по сбыту, несколько лет тому назад купила английскую Vauxhall Company. С 1929 г. она контролирует кампанию Оппель в Германии... Сделка с Оппелем, которая выражалась в сумме 30 млн. долларов, предоставила в распоряжение General Motors самое крупное производство автомобилей в Центральной Европе». «Форд организовал крупное автомобильное производство в Ирландии и Англии» (стр. 137).

Английский капитал принимает чрезвычайные меры, защищаясь от натиска американского. Здесь имеет место и всемерное поднятие таможенных пошлин на товары и юридическое ограничение прав американских держателей акций английских предприятий. British General Electric Company, например даже лишила акционеров-американцев права голоса на собраниях акционеров, несмотря на то, что в их руках находится более 60%, акций.

По стопам этой компании идут другие. Денни приводит целый список названий этих компаний.

Соединенные Штаты на принятие контрмер подобного же сорта не пошли. Отчего? Оттого, что наплыв иностранного капитала в Америку пока еще относительно не велик, оттого, что в ее руках имеются другие более сильные средства, которые в случае нужды дадут ей возможность разрушить такого рода преграды.

В доминионах Англия принуждена уступать своему кузену одну позицию за другой.

В импорте в Канаду роль Англии понизилась с 21,3% (1913 г.) до 16,8% (в 1927 г.), в то же время Соединенные Штаты повысили свою долю с 64% до 64,9%. Еще более красочные данные имеем мы об импорте Англии и САСШ в Австралию. Импорт Англии в Австралию упал с 51,8% (1913 г.) до 43,4% общей суммы. Импорт же САСШ увеличился почти в два раза, поднявшись с 9,5% до 18%. То же самое и в Южной Америке: Англия понизила свое с 50,1% до 42,8%, САСШ повысили с 8,8% до 18%.

Данные об экспорте дают ту же картину: уменьшение роли Англии и увеличение роли САСШ.

Пытаясь сохранить свою связь с доминионами, Англия проводит целый ряд мероприятий по укреплению своих позиций. Первое—это система так называемого имперского предпочтения, заключающегося в том, что для Англии, как импортера доминионов, создается там привилегированное положение и по сравнению с

САСШ и по сравнению с другими конкурентами. По этой системе доминионы делают скидку с общего размера пошлин, установленных для ввозимых товаров, а с другой стороны этим самым они бьют себя, ибо, во-первых, не используют выгод, даваемых ими конкурирующими сторонами, а, во-вторых, усложняют условия развития собственной промышленности.

Л. Денни очень хорошо подмечает те противоречия, которые создаются между Англией и ее доминионами на этой основе. Как верный слуга американского капитализма, он уделяет им огромное внимание и прямо заявляет: «нынешняя система имперского предпочтения в ее самых разнообразных формах экономически невыгодна доминионам». По его мнению, «англичане сами сознают это, но стараются оправдать нынешнюю систему другими соображениями».

Вообще нужно отметить, что Денни мастерски выявляет противоречия английской экономической действительности и бесстрашно ставит все точки над «i» до тех пор, пока дело не касается САСШ, где он не видит ничего плохого, не замечает никаких противоречий, подтверждая этим вновь слова Маркса о том, что час научной буржуазной экономии давно пробил, что для современного буржуазного экономиста вопрос о соответствии его теории фактам отодвигается на второе место и берется лишь постольку, поскольку это не вредит соображениям политического характера

Пытаясь скрепить расползающиеся члены Соединенного Королевства, был выкинуть лозунг «Соединенные Штаты Британской империи», поддерживаемый рядом крупнейших политических деятелей. Этот лозунг, по мнению его авторов, должен был об'единить вокруг себя все истинно-британское и на место многочисленных таможенных барьеров внутри Соединенного королевства установить свободную торговлю с высокой таможенной стеной, обращенной во вне. Промышленная отсталость доминионов должна была залечить все недуги островка в Северном море, дать ему сырье и продовольствие, с одной стороны, и использовать полностью его производственную мощь, с другой стороны.

Так лорд Бивербрук писал: «Наш план очень несложен. Торговые барьеры между Англией и ее доминионами должны быть снесены, барьеры, воздвигнутые против остального мира, должны быть усилены и должен быть введен налог на иностранную пшеницу и мясо при свободном ввозе британской пшеницы и мяса во все части империи. Канадцы и австралийцы будут извлекать выгоду из такого положения, для британских фермеров это также будет удобно. Британские фабриканты и заводчики получат также право беспошлинно сбывать свою продукцию в доминионы, колонии и протекторатные владения, тогда как ввозимые товары иностранцев будут подвергаться обложению. Предоставьте народу произнести свой здравый и справедливый приговор и таким образом вернуть Британии, как части Британской империи, ее былое благосостояние и дать ей промышленное господство над миром» [1]).

А другой сторонник этого плана оздоровления Британской империи и восстановления ее былого могущества лорд Мельчет в работе, посвященной промышленности и политике, писал: «В сравнении с Британской империей Соединенные Штаты—сущие пустяки». Когда предлагаемая им операция будет проделана, то «прием и общая атмосфера будут совсем другими... Тут уж речь пойдет не о просьбах и услугах, а о том, что приемлемо и неприемлемо».

Однако все эти расчеты—расчеты без хозяина. Они произведены без учета интересов промышленного капитала доминионов, который ворчит даже против системы имперского предпочтения и вне всякого сомнения громко заявит о своем существовании, если официальные вожди Великобритании и доминионов поставят этот план в порядок дня своей работы, ибо его интересы отнюдь не совпадают с интересами британской промышленности.

[1]) «Нью-Иорк Таймс» от 8 июля 1929 г.

Эти противоречия отчасти видит и Л. Денни, справедливо полагающий, что «идея имперского экономического союза имеет мало шансов на осуществление», что «в лучшем случае «настоящие империалисты»... должны будут удовольствоваться мелкими заплатками, в роде тарифных льгот. И никогда, разве что в мечтах, не увидят «настоящие империалисты» завершенным величественное здание экономического союза» (стр. 99). Он совершенно прав, думая, что «осуществимость идеи всеимперского экономического союза может быть проверена лучше всего на результатах действия нынешней системы «имперского предпочтения», которая представляет собой первый наиболее скромный и наиболее легкий шаг на этом длинном и полном притязаний пути» (стр. 98).

Оставив в стороне его прямые угрозы по адресу Англии и ряд других несколько банальных мест (например, указание на какое-то естественное препятствие к образованию всеимперского союза), надо признать его соображения в этой части очень интересными и заслуживающими внимания. Само собой разумеется, что Соединенные Штаты не стали бы оставаться холодными зрителями этого процесса, что те палки, которые были бы вставлены ими в колеса об'единительного экипажа отнюдь не способствовали бы успеху его работы. Но решающим, определяющим заранее на неудачу все проекты подобного рода, являются противоречия интересов британской промышленности и промышленности доминионов (а именно на эту сторону дела Л. Денни обращает внимание меньше всего). Растущая индустриализация доминионов является той центробежной силой, которая разрывает Британскую империю на части. Поэтому рассуждения Л. Денни о невозможности всеимперского союза надо признать беспредметными. Но он совершенно прав, когда указывает на то, что не только предлагаемый высокий тариф, но и уже существующий при теперешней системе имперского предпочтения давит промышленность доминионов, а не развивает ее, ибо «зачаточная промышленность доминионов должна соперничать с прочно установившейся промышленностью Англии, которая проскальзывает сквозь дыры «имперского предпочтения» и завоевывает внутренний рынок доминионов» (стр. 84).

Денни прав и в том, что «экономические противоречия между доминионами и Англией не ограничиваются столкновениями интересов покупателя и продавца».

Но кроме этого имеются противоречия и между отдельными доминионами, хотя бы по линии конкуренции промышленности, и они тоже отнюдь не содействуют консолидации Британской империи и превращению ее во всеимперский союз. О том, что никакого об'единения здесь нет и быть не может, говорят статистические данные, показывающие преуспеяние продуктов американской промышленности в доминионах и все более и более слабеющие экономические связи Британии с ними.

И все же надо отметить, что и здесь Денни, правильно отмечая ослабление экономических связей между отдельными частями Британской империи и ростом американского влияния, несколько преувеличивает успехи САСШ.

Англо-американское соперничество кроме вышеотмеченных узлов развертывается наиболее ожесточенно в погоне за источниками сырья. И здесь положение Соединенных Штатов гораздо лучше, чем положение Англии. Цена всего сырья, ввозимого в Англию, определяется в два миллиарда долларов, а цена сырья, ввозимого в САСШ, исчисляется только в полтора миллиарда. В будущей войне это будет для Соединенных Штатов, конечно, плюсом и минусом для Англии.

Но все же следует отметить, что, несмотря на то, что Соединенные Штаты добывают на своей территории 71% мировой добычи нефти, 39% угля, 47% слюды, 70% серы, 38% фосфатов, 51% гипса, 48% цинка, 42% свинца, 60% меди и 40% алюминия, зависимость их от иностранных источников сырья, чрезвычайно велика. По мнению В. К. Редфильда, в военное время в дополнение к существующим материалам потребуется тридцать новых, которые имеются на американской

территории в очень недостаточном количестве. Таковы никкель, антимоний, вольфрам, олово, марганец, ртуть, хромистая кислота, слюда.

Захват контроля над главнейшими местами производства этих материалов—вот куда устремляются сейчас глаза вождей капиталистической Америки. Л. Денни очень хорошо понимает значение этого обстоятельства, и его симпатии, как доброго «американца», на стороне «своего» правительства. Таким образом, пацифист Л. Денни мирно уживается с Денни-патриотом.

Но в отношении контроля над источниками сырья Англия находится в положении диаметрально противоположном тому, в каком находятся САСШ. До сих пор область контроля САСШ была гораздо меньшей, чем область контроля Англии. Это положение Англия создала себе в процессе исторического развития. Выступив раньше других стран на новый путь она своевременно почувствовала ограниченность своих внутренних ресурсов и приняла меры к улучшению своего положения. В эпоху империализма она была принуждена обратить особое внимание на эту сторону дела. Захват Египта и огромнейшей части Южной Африки, ряда мест Южной Америки и т. д. доставил ей контроль над важнейшими источниками сырья. Версальский мир и захват немецких африканских колоний, а также части бывшей Оттоманской империи еще более увеличил область ее контроля.

В борьбе за сырье применяются разные методы. Контроль и монополия, частная или государственная—главнейшие из них. Недопущение иностранной собственности на источники сырья, ограничение экспорта также имеют большое значение. Само собой разумеется, что все эти меры могут применяться, главным образом, лишь к тому, что уже имеется.

Денни видит, что погоня за сырьем «определенным образом направляла нашу (т. е. американскую. *А. К.*) колониальную и внешнюю политику». Однако он не останавливается на политической стороне борьбы за источники сырья столько, сколько она этого заслуживает. Недостаточное внимание к политическим махинациям, как следствию экономической борьбы, чувствуется во всей книге, и это необходимо признать ее существенным недостатком.

Англия «контролирует» в той или иной форме значительнейшее количество тех сырьевых материалов, которых не хватает САСШ. Поэтому последние не могут не приходить в столкновение с нею, пытаясь овладеть этими источниками. «Ни система так называемого международного регулирования, ни широкое англо-американское сотрудничество по части дележа и разработки иностранных месторождений не сулят скорого прекращения англо-американской борьбы из-за сырья. Наоборот, борьба между конкурирующими американскими и британскими группами все более и более возрастает» (стр. 185).

Таким образом, Л. Денни перспективы борьбы за источники сырья видит очень хорошо. «Если и теперь, в период общего перепроизводства,—пишет он,—международная борьба за сырье достигает большой напряженности, то по мере истощения запасов борьба эта, очевидно, будет все больше и больше обостряться. Это верно по отношению к Соединенным Штатам в их предстоящем конфликте с Великобританией» (стр. 186).

Он приводит огромное количество фактов из области англо-американской борьбы за никель, за медь, за цинк, за олово и т. д. «Каучук является как бы символом общей борьбы обеих стран из-за сырых материалов», именно потому, что от него и в мирное и в военное время зависит целый ряд сфер производства». Американский капитал, развивший одновременно с растущей промышленностью за последние два десятилетия обширную индустрию по производству шин, не принял никаких мер предосторожности, чтобы обеспечить себе достаточное и надежное снабжение сырым каучуком. Господство в области добычи сырья было предоставлено британцам. Единственными конкурентами последних за это время были голландцы в Ост-Индии...» (стр. 203).

Когда зависимость от иностранного сырья почувствовалась очень сильно, вследствие ограничения экспорта из британских владений и последовавшего за этим повышения цен на каучук, американцы завопили. В качестве избавителей выступали, с одной стороны, мистер Гувер, а с другой—мистер Эдисон. [illegible] выращивания каучука в САСШ и переработка отбросов были первыми шагами в этом направлении. Вслед за этим идет попытка оживить старые бразильские плантации, где Форд уже приобрел ряд концессий. К этому же стремятся и другие. А это приводит к обострению англо-американских отношений. Денни даже полагает, что «эта борьба была и по всей вероятности будет главной причиной антибританских настроений в Соединенных Штатах» (стр. 222).

Другим предметом, из-за которого борьба между САСШ и Великобританией получает новый импульс, является нефть. Так как «в битвах грядущего нефть столь же необходима, как и кровь» (Клемансо),—так как «тот, кто владеет нефтью, будет владеть и миром, ибо он будет господствовать на море с помощью тяжелой нефти, в воздухе с помощью очищенных до совершенства нефтяных продуктов и на суше с помощью керосина и тех видов нефти, которые служат для освещения», так как кроме того он будет и экономически господствовать над людьми благодаря фантастическому богатству, извлекаемому из нефти, этой удивительной субстанции, которая в настоящее время пользуется большим спросом и больше ценится, чем само золото» (Анри Беранже); далее, так как Соединенные Штаты на своей территории имеют лишь 12% мирового запаса, Великобритания лишь имеет шесть процентов, а около 70% находится в других странах,—то борьба за нефтяные месторождения становится почти на самое первое место. «Каждая большая нация должна искать нефтяные месторождения за пределами своей собственной территории». «В результате—крупная международная проблема. Приблизительное равновесие сил, установившееся между ведущими нефтяную войну державами, могло бы привести к перемирию, и сильные поделили бы друг с другом богатство слабых. Но большинство мировых нефтяных запасов было захвачено двумя державами. В настоящее время такими державами, борющимися за первенство, являются Великобритания и Соединенные Штаты. Великобритания захватила три четверти разведанных до сих пор нефтяных месторождений» (стр. 224). Поэтому экспансия Соединенных Штатов с неизбежностью наталкивается на Великобританию. Оба правительства в этой борьбе активно помогают своим капиталистам. При чем английское правительство всеми мерами пытается сохранить свое положение, а американское—улучшить свое.

Описанию англо-американской борьбы за нефть посвящено в книге Л. Денни более ста страниц, и справедливость требует отметить, что это, пожалуй, наиболее красочные страницы и без того чрезвычайно интересной книги.

Для нас большую важность имеет сообщение Л. Денни о попытках американцев заполучить в свои руки северо-персидский нефтяной район, о неизбежности транзита этой нефти через наш Кавказ и о создающихся в силу этого у Америки тенденциях к захвату Закавказья, привлекательного кроме того еще и как нефтяной район.

Эпоха империализма есть эпоха колоссальнейшего развития химического дела. «Химия создает и уничтожает сырьевые монополии». Немудрено поэтому, что англо-американская борьба развернулась и на этом фронте тоже чрезвычайно сильно. Калий и др. продукты стали предметом этой борьбы. Оба правительства активно участвуют в этой борьбе. Здесь конкурентная борьба идет между британскими, американскими и европейскими трестами. «Борьба ведется, главным образом, между обоими огромными мировыми трестами—Германским трестом красочных веществ и Британским трестом имперской химической промышленности. Американский капитал старается увеличить свое влияние над обеими иностранными соперничающими организациями» (стр. 335). Он пытается скупать акции и того и другого. Замечательно то, что это привело к раздроблению самого американского

капиталистического лагеря: группы Моргана и Рокфеллера—Форда; первый поддерживает Британский трест имперской химической промышленности; а последний — Германский красочный трест. По этой линии намечается блок поверженной в Версале лиц Германии и САСШ. Эту сторону отмечает и Денни, указывая на то, что американско-германское финансовое и пр. сближение «может в конце концов оказаться решающим фактором в борьбе Америки и Британии за мировую гегемонию» (стр. 338).

Но предметом ожесточенной борьбы Англии и Соединенных Штатов являются не только нефть, каучук, химические продукты и минералы. Они борются друг с другом и за преобладание на воде и в воздухе. Развитие авиации определяет собою в огромнейшей степени и шансы на победы. Но без достаточного снабжения нефтью, без достаточного развития химической промышленности, авиастроения и коммерческого воздухоплавания о сильной, боеспособной авиации даже и мечтать невозможно. Кроме того, что коммерческие аэропланы сами могут быть легко приспособлены к военной работе, коммерческая авиация создает хорошо вытренированный личный состав, который, пройдя очень короткий курс переподготовки, может стать огромным резервом, и, что является самым важным, коммерческое воздухоплавание развивает авиационную промышленность. Это значение авиации прекрасно учтено обеими странами; САСШ имеют лучшую авиационную промышленность. В этой области они во много раз превосходят Англию.

Л. Денни приводит данные департамента торговли об английской и американской авиации. «Длина действующих воздушных путей в Великобритании 2.322 мили, а в Соединенных Штатах 16.667 миль; число гражданских воздушных судов в Великобритании—353, в Соединенных Штатах—6.320; покрытые расстояния в регулярной сети сообщения в Великобритании 873.297 миль, в Соединенных Штатах 10.673.540 миль» (стр. 340).

В то время как Соединенные Штаты перевезли 49.713 пассажиров, Англия перевезла только 19.935. САСШ перевезли почти 4.061.210 фунтов, а Великобритания—всего лишь 120.962. «В 1929 году авиационная продукция Соединенных Штатов определялась в 7 тыс. аэропланов, изготовляемых на 71 заводе, а стоимость всей авиационной продукции составляла 62 млн. долларов» (стр. 340).

Само собой разумеется, что эти цифры, относящиеся к 1928 году, на большую точность претендовать не могут. Но они все же чрезвычайно показательны.

Главным пунктом внимания Америки являются внутренние пути сообщения и пути, соединяющие ее с Панамским каналом и Южной Америкой. «Пока Великобритания проводит воздушные линии сообщения, ведущие через Ближний Восток и Средиземное море к Индии и Южной Африке, Соединенные Штаты проводят воздушные линии в Южной Америке. В стратегическом отношении Караибское море и Панамский канал имеют такое же значение, какое имеют для британской империи Средний Восток и Суэцкий канал. В коммерческом смысле Чили и Аргентина для нас то же самое, что Индия и Южная Африка для Великобритании» (стр. 341).

Все эти пути находятся в руках комиссии панамериканских воздушных путей и одного общества, владеющего линией Нью-Йорк — Рио-де-Жанейро — Буэнос-Айрес. Трестирование, достигшее в американском воздухоплавании и авиации больших успехов, дает американцам почву для борьбы с нарождающейся авиацией Англии. Поэтому «американцы не довольствуются созданием внутренней авиационной промышленности, более крупной и лучше организованной, чем британская, и захватом иностранных рынков и иностранных транспортных линий, они пытаются проникнуть в соперничающую с ними английскую промышленность», учреждая американские филиальные общества в доминионах и скупая акции чисто-британских предприятий.

В области судостроения идет таже ожесточенная борьба, что и в других сферах. И здесь вопрос сводится к тому, кто будет иметь наиболее сильные резервы. Гонка в коммерческом судоходстве есть не только форма непосредственной конкуренции американского капитала с британским. Она является одновременно с этим и ширмой, под которой скрывается рост морских вооружений. Это было прекрасно выражено одним из лозунгов кандидата в президенты, а теперь президента Гувера. «Торговый флот, плавающий под американским флагом существенно необходим для нашей внешней торговли. В то же время он существенно необходим и для нашей обороны».

Депрессия в этой области не приостанавливает закладки новых судов и окончания работы над теми, постройка которых была начата ранее. Преобладание Великобритании здесь пока еще несомненно. И Денни признает, что британский торговый флот гораздо сильнее и жизненнее американского. Так как эта часть его книги содержит в себе материал, наиболее известный читателю, то поэтому мы и оставим его в стороне. Отметим лишь то, что американское правительство пытается развить свой флот даже такими мерами, как продажа государственных торговых судов частным компаниям по цене ниже обычной себестоимости, субсидирует частное судостроение, запрещает иностранную каботажную торговлю, разрешает американским судам нарушать закон о спиртных напитках и принимает все меры к тому, чтобы американцы всегда пользовались американскими же судами.

* * *

Таким образом книга Людвелла Денни об англо-американских противоречиях чрезвычайно интересна во многих отношениях и прежде всего как новое поистине блестящее подтверждение старого тезиса К. Маркса о том, что смертный час научной буржуазной экономии давно пробил, что с тех пор, как буржуазия стала и экономически и политически господствующим классом, ценность каждого исследования определяется ею и ее слугами не точностью, даваемой этим исследованием картины действительности, а его соответствием своим классовым интересам. Каждая научная работа должна быть прежде всего политически полезна и только, во-вторых, должна быть научной. При невозможности согласовать эти два момента в том случае, когда один из них исключает другой, торжествует первое. Об этом не говорится, более того, лицемерно утверждается обратное, тем не менее это делается. Внешняя аполитичность буржуазной науки является лишь ловкой маскировкой ее глубокого политического внутреннего смысла. Там, где это полезно буржуазии или одной из ее групп, добрый «ученый муж» не отказывает себе в удовольствии пококетничать с действительными противоречиями действительности, безразлично будет ли то область явлений естественных и общественных. Но только пококетничать, не переступая определенных границ.

Эти замечания в общем справедливы и в отношении книги Л. Денни. Если это «не бьющий на сенсацию памфлет», если это некоторая цельная концепция, опирающаяся «не на отдельные, наспех нахватанные факты», то это и не подлинно-научное произведение. Это работа «доброго» американца, доброго слуги американского капитала. Денни не осмелился не только применить, но даже взять в руки, то единственное оружие, лишь с помощью которого можно увидеть далекое будущее. Это не было случайностью. «Наше оружие—деньги и машины. Но прочие нации мира желают как раз денег и машин. Их материализм нисколько не уступает нашему, хотя сила их несравнима с нашей». «Наш триумф... легок и... неизбежен, что может Великобритания противопоставить Америке? и что может противопоставить Америке весь мир»—гневно восклицает он в конце книги.

Здесь он полностью показал свою партийность, свою принадлежность к числу слуг американского капитала. «Он делает то же дело, что и мистер Гувер. Его книга, вне всякого сомнения, есть одно из самых крупных явлений буржуазной литературы послевоенных лет» (К. Радек). Он дает нам гораздо более полную

картину англо-американской конкуренции, чем те авторы, которые освещали и разбирали в предвоенный период вопрос об англо-германском соперничестве». Это несомненно!

Но точно так же несомненно и то, что рисуемая им картина англо-американских противоречий является односторонней, неполной и даже прямо искажающей действительность (в особенности в части характеристики взаимоотношений труда и капитала в Америке, а также и в Англии). Его книга не дает правильной картины соотношения английских и американских сил именно потому, что она неправильно изображает отношения американского рабочего класса к американской буржуазии и английского к своей буржуазии, именно потому, что она пренебрегает расстановкой классовых сил. Картина, рисуемая им, является картиной неоконченной, ибо он оборвал свою работу на наиболее интересном месте. Зарисовав только одну сторону действительности, он не смог дать и правильного прогноза. Он не видит роста революционного рабочего движения, оставляет в стороне противоречия между капиталистическим миром и СССР, не понимает того, что это противоречие является основным противоречием современного мира; не замечает того, что все описываемые им явления есть свидетельство загнивания капитализма и неизбежности его гибели.

Но не будем же требовать от него того, что он не мог дать, не перестав быть самим собою! Его книгу мы будем использовать как хороший сборник материалов об англо-американском соперничестве.

Ал. Казарин.

CHILD C. M. Phisiological Dominance and Phisiological Isolation in Develonment and Reconstitution. «Archiv für Ent. wicklungs mechanik der Organismen». Bd. 117. 1929.

ЧАЙЛЬД. Физиологическая доминантность и физиологическая изоляция в развитии и реконструкции. «Архив механики развития организмов», 1929 г., т. 117).

Учение Чайльда об осевых градиентах сравнительно мало известно в СССР. У себя на родине оно не пользуется большой популярностью, и, как мне пришлось установить из разговоров с учеными из С.-А. С. Штатов, многие из крупнейших биологов Америки относятся к нему отрицательно. Большой интерес оно встретило в Западной Европе. Можно думать, что это учение должно найти отклик среди ученых СССР, как первая конкретная попытка установления явлений целого в организме.

В существенных чертах учение Чайльда сводится к следующему. Скорость метаболизма тканей не одинакова в различных частях организма, существуют области усиленного обмена и усиленной оксидации. На ранних стадиях зародышевого развития эта область находится в анимальном полюсе. У целого ряда животных областъ усиленного обмена представляет передний конец тела. От области с высоким обменом имеется постепенный переход, при чем у двусторонне-симметричных животных этот переход, т.-е. прогрессивное падение процессов обмена, совпадает с осью животного. Отсюда возникли представления Чайльда об осевом падении потенциала метаболизма.

Чайльду удалось обнаружить это рядом методов: марганцево-кислый калий редуцируется в протоплазме с образованием коричневой окраски двуокисного соединения марганца. Это позволило определить интенсивность окислительных процессов, которая падает вдоль оси организма. Различного рода процессы—отравление, отмирание — также совпадают с осью тела животного. Также изменяются по оси электрический потенциал, влияние различного рода лучистой энергии. Ультрафиолетовые лучи убивают раньше всего ткани в области зон высокой активности, как особенно показали опыты с гидрой, где такая область находится на переднем конце тела в окружности ротового отверстия.

В целом ряде организмов были установлены эти зоны высокой активности,—личинка морских кольчатых червей имеет в головном полушарии место физиологической активности. Если ее подвергнуть действию ядов, то получается личинка с ненормально маленькой головой.

Помимо главной оси, проходящей вдоль всего тела, существуют вторичные оси, направленные к сторонам тела. Если кусок тела плоского червя вырезать так, что он имеет главную ось по длине, тогда головной конец регенерирует по направлению главной оси. Если кусок вырезан таким образом, что он верхушкой касается главной оси, тогда эта верхушка является местом наибольшей физиологической активности и превращается в голову.

При регенерации головы должна быть известная разница в скорости реакций между передней отрезанной поверхностью и концом куска. У некоторых планарий куски тела короче определенной длины, остаются безголовыми. При вырезании из одной и той же планарии двух кусков кпереди и кзади глотки они ведут себя различно—оба остаются без головы, но передний развивает глотку, задний ее не имеет. У известного плоского червя stenostunum, где вследствие бесполового размножения поперечным делением получается целая цепочка особей, новая голова появляется лишь при известном удалении от уже имеющейся.

В своих последних работах Чайльд применил ту же методику исследования интенсивности окислительных процессов к изучению зародышевого развития. Укажу для примера его работу над асцидией Corella willmeriana. Нормально яйца этой асцидии развиваются в атриальной полости до образования личинки, которая выходит наружу и проделывает метаморфоз. Исследуя редукцию марганцево-кислого калия в разных стадиях развития, можно установить на ранних стадиях области высокой редукции в верхнем полушарии. Когда начинается удлинение зародыша и развитие хвоста, появляется вторая область высокой редукции в области хвоста, которая в дальнейшем является самой быстро редуцирующей областью тела, теряя эти свойства лишь с началом исчезания хвоста. В течение периода разрастания в каждом столоне существует градиент редукции, уменьшающийся от вершины почки к ее основанию. В позднем метаморфозе редуцирующая область распространяется вокруг переднего конца тела.

Чайльд указывает, что рядом наблюдений установлены зоны высокой физиологической активности в процессе регенерации у позвоночных. Можно уже сейчас сказать, что исследование аксиальных градиентов у позвоночных представляет интересную задачу. Установление доминантных зон может иметь большое практическое значение. Я имею особенно в виду проблему злокачественного процесса, который по сути дела представляет явление физиологической изоляции частей организма. В силу особых условий формообразования у высших позвоночных эта изоляция не ведет к законченному морфогенезу.

Теоретические выводы, которые делает Чайльд, таковы: Зрелый организм не представляет предопределенной гармонии независимых частей. Между различными органами существуют взаимные влияния, при чем одна часть влияет на другую гормональным или каким-либо иным путем. Можно сказать, что отношения между частями организма носят характер контроля или иначе доминантности и субординации. Физиологическая доминанта, т.-е. существование областей, господствующих в системе организма, является основой его целостности. Физиологическое доминирование варьирует в своем направлении. При этом может происходить изоляция частей организма, которые теряют свои характерные особенности и делаются при известных условиях новыми индивидуумами.

Чайльд пытается наметить известные параллели между своим учением и учением Шпемана об организационных центрах в зародышевом развитии земноводных. Он указывает, что организационный центр ничем не отличается существенно от других доминирующих областей тела. Одному из учеников Чайльда удалось показать наличие в области организационного центра зоны высокой фи-

зиологической активности, пользуясь указанной выше методикой. Эта попытка аналогии с теорией организационных центров представляет несомненный интерес, как попытка об'единения двух крупных новых направлений в области механики развития.

Теория Чайльда имеет особый интерес, как первая планомерная разработка проблемы организма, как целого, изучающая закономерность связи между частями организма в той же мере, как явления изоляции определенных частей при регенерации и бесполом размножении. С этой стороны она представляет большой методологический интерес, сочетая изучение популярных явлений связи с процессами изоляции.

Г. Шмидт.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Всем правлениям обществ и отделений ОВМД

Уважаемые товарищи!

Уже с приближением летнего периода со стороны большинства обществ и местных отделений наблюдается тенденция к свертыванию работы, прекращается посылка трехмесячных отчетов и материалов о текущей работе.

Секретариат ОВМД считает ненормальным такое положение вещей, особенно сейчас, когда на философском фронте совершается коренной поворот в работе марксистско-ленинской теории, перестройка всей теоретической и массовой работы на основе решительной самокритики и в соответствии с задачами, выдвигаемыми современным периодом социалистического строительства.

Руководствуясь ранее разосланной нами декларацией «Об итогах и новых задачах на философском фронте», необходимо сейчас же приступить, на ряду с ее обсуждением, к решительной проверке опыта своей работы, к подведению итогов, проверке выполнения планов и разработке их на будущее время, учитывая местные вопросы, выдвигаемые социалистическим строительством.

В первую очередь вся деятельность обществ в летний период по пропаганде идей диалектического материализма должна быть увязана с материалами XVI партс'езда. Правление ОВМД предлагает обеспечить все необходимые условия для теоретической, углубленной проработки и популяризации всех решений с'езда партии, впитывающих в себя опыт социалистического переустройства страны за 2½ года, дающих необходимую основу для дальнейшего развития теории материалистической диалектики, для упрочения ее связи с революционной практикой рабочего класса и его партии.

В связи с этим, Правление предлагает, на ряду с организацией массовых докладов, провести соответствующую работу в секциях, кружках и группах содействия. Необходимо создать все предпосылки для планомерной и творческой работы общества в осенне-зимний период, активизируя ее по линии разработки новых форм коллективной работы, использования местной печати, расширяя фронт организованного движения за марксистско-ленинскую теорию среди беспартийных научных кадров, особенно стремясь к созданию всех необходимых условий для дальнейшего расширения работы на промышленных предприятиях, для организации на них сети ячеек содействия ОВМД. Нужно усилить и улучшить руководство последними, памятуя, что они составляют один из мощных источников, питающих общество молодыми пролетарскими кадрами.

В летнее же время необходимо улучшить организационно-техническое обслуживание всей работы общества, в целях укрепления связи как с местами, так и центром. Нужно сейчас же приступить к точному количественно-качественному учету местных отделений и групп. Это необходимо и в связи с предстоящей осенью первой всесоюзной философской конференцией, с установлением единого билета ассоциации ОВМД и предстоящим районированием.

Попутно Правление предупреждает, что билеты будут выданы осенью в необходимом количестве только тем организациям (краевым и республиканским

правлениям), которые представят точные данные о количестве своих членов и отчеты о работе.

До сих пор правление не располагает точным учетом членов и данных о работе обществ, что в известной мере об'ясняется организационной неналаженностью связи между обществами. В дальнейшем правление предлагает строго соблюдать посылку трехмесячных отчетов. Вся деловая связь должна итти от групп содействия к отделениям, от отделений к районным правлениям, от районных к краевым и республиканским и от последних к правлению ассоциации ОВМД.

Зам. председателя правления ОВМД Ник. Карев.

30 июня 1930 года.

Ответственный редактор А. М. Деборин.
Редакционная коллегия: А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.

Главлит № А — 54847 Тираж 7.700 экз.

Типография газ. „Правда“. Москва, Тверская, 48.

 Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПОДПИШИТЕСЬ

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

БОЛЬШЕВИК

ВЫХОДИТ 24 НОМЕРА В ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1930 год

На 1 месяц .	. — руб. 40 коп.
На 3 мес. .	1 руб. 20 коп.
На 6 мес. .	2 руб. 40 коп.
На 12 мес	4 руб 80 коп.

ЦЕНА отдельного номера—25 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРОЖЕКТОР

(8-й ГОД ИЗДАНИЯ)

«ПРОЖЕКТОР» выходит каждые десять дней.

«ПРОЖЕКТОР» самый большой в СССР журнал по об'ему. Каждый номер содержит 92 страницы самого большого журнального формата.

«ПРОЖЕКТОР» обеспечен сотрудничеством лучших советских писателей, поэтов и журналистов.

«ПРОЖЕКТОР» непрерывно усиливает сеть корреспондентов во всех крупнейших пунктах Западной Европы, Америки и Азии.

«ПРОЖЕКТОР» отражает на своих страницах все актуальные и боевые вопросы советской общественности.

«ПРОЖЕКТОР» попрежнему будет уделять много внимания художественно-фактическому освещению разнообразных областей социалистического строительства.

«ПРОЖЕКТОР» на страницах сатиры и юмора печатает рисунки лучших советских художников и карикатуристов.

«ПРОЖЕКТОР» в течение 1930 года предполагает провести ряд кампаний в литературной, общественной и культурной жизни и выпустить ряд специальных номеров.

«ПРОЖЕКТОР» приложит все усилия к тому, чтобы улучшить свою и без того высокую технику. Редакцией обращено особое внимание на четкое воспроизведение фотографических снимков и иллюстраций.

«ПРОЖЕКТОР» дает 36 №№ журнала в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—75 коп.; на 3 мес.—2 р. 25 к.; на 6 мес.—4 р. 50 к.; на 12 мес.—9 руб.

Цена отдельного номера 25 коп.

Подписка принимается в Главной Конторе издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), в провинциальных отделениях «Правды», почтовых конторах и письмоносцами.